

Научное издание

ВЕСТНИК

Луганского государственного
педагогического университета

Серия 3

Филологические науки
Медиакоммуникации

№4(107)
2023

№4(107) • 2023 ВЕСТНИК ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

КНИГА

Издатель ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
«Книга»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 291011, т/ф 8-857-258-03-20

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛУГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

Луганского
государственного
педагогического университета

Серия 3

Филологические науки. Медиакоммуникации
№ 4(107) • 2023

Сборник научных трудов

Луганск
2023

УДК 08:378.4(477.61)ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5
В 38

Учредитель и издатель
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»

Основан в 2015 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Синельникова Л. Н. – доктор филологических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Ротерс Т. Т. – доктор педагогических наук, профессор

Выпускающий редактор

Калинина Г. Г. – заведующий редакционно-издательским отделом

Редактор серии

Новикова А. А. – кандидат филологических наук, доцент

Состав редакционной коллегии серии:

Дяговец И. И.	– доктор филологических наук, профессор
Иванов Е. Е.	– кандидат филологических наук, доцент
Калинкин В. М.	– доктор филологических наук, профессор
Колесникова С. М.	– доктор филологических наук, профессор
Кораблев А. А.	– доктор филологических наук, профессор
Кочетова С. А.	– доктор филологических наук, профессор
Кушнерук С. Л.	– доктор филологических наук, профессор
Ломакина О. В.	– доктор филологических наук, профессор
Марфина Ж. В.	– кандидат филологических наук, доцент
Озерова Е. Г.	– доктор филологических наук, профессор
Просянкина О. И.	– доктор филологических наук, доцент
Соболева И. А.	– кандидат филологических наук, профессор
Супрун В. И.	– доктор филологических наук, профессор
Теркулов В. И.	– доктор филологических наук, профессор
Шулежкова С. Г.	– доктор филологических наук, профессор

В38 **Вестник Луганского государственного педагогического университета :**
сб. науч. тр. Сер. 3, Филологические науки. Медиакоммуникации.
№ 4(107) / гл. ред. Л. Н. Синельникова ; вып. ред. Г. Г. Калинина ; ред. сер.
А. А. Новикова ; ФГБОУ ВО «ЛГПУ». – Луганск : Книта, 2023. – 128 с.

Настоящий сборник содержит оригинальные материалы ученых различных отраслей наук и групп специальностей, а также результаты исследований научных учреждений и учебных заведений, обладающие научной новизной, представляющие собой результаты проводимых или завершенных изучений теоретического или научно-практического характера.

Адресуется ученым-исследователям, докторантам, аспирантам, соискателям, педагогическим работникам, студентам и всем, интересующимся проблемами филологических наук и медиакоммуникаций.

*Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий
(приказ МОН ДНР № 370 от 27 мая 2022 г.; приказ МОН ЛНР № 911-ОД от 10 октября 2018 г.
(с изменениями от 14.04.2022 г.). Включено в РИНЦ*

*Печатается по решению Ученого совета Луганского государственного
педагогического университета (протокол № 5 от 24 ноября 2023 г.)*

УДК 08:378.4(477.61)ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5

© Коллектив авторов, 2023
© ФГБОУ ВО «ЛГПУ», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Банкова Л. Л. Количественные числительные древнекитайского языка.....	5
Беклемешева Н. Н. Город и горожане: наружная реклама как средство эффективной коммуникации.....	10
Васильева О. А. Лексико-прагматические маркеры «уникальности» в современных автомобильных рекламных брошюрах.....	18
Долженко Д. А. Образ змеи в китайской лингвокультуре.....	23
Некрутенко Е. Б., Зайцева А. Ю. Проблема изучения языковой личности как многоаспектного феномена.....	29
Скляр Н. В., Чаплыгина А. С. Лингвостилистическая специфика немецкоязычного и русскоязычного сказочного дискурса: сравнительный аспект.....	36
Шумская А. В., Никулина А. А. Влияние интернет-технологий на современный английский язык.....	43

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Бондаренко К. А. Специфика художественной традиции современной японской литературы.....	49
Бочацкая А. А. Жанровые особенности современной русскоязычной литературы в контексте творчества Гузель Яхиной.....	53
Новикова А. А. Особенности авторского стиля Ф. С. Фицджеральда (на материале романа «Великий Гэтсби»).....	58
Стомина А. А. Концепция двойственности в творчестве В. Набокова (на материале повести «Соглядатай»).....	66
Чередниченко В. М. Понятие и этапы возникновения сетевой литературы в Китае.....	71
Чумак-Жунь Т. В. Переносное значение имён собственных в контексте художественного произведения (на материале романа Ч. Буковски «Хлеб с ветчиной»).....	76

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Батальщикова Э. Ю. Преимущества использования онлайн-ресурсов на уроках английского языка.....	80
Латышева В. С., Чередниченко В. М. Обучение китайскому языку с привлечением аутентичных видеоматериалов (на материале сериала «求婚大作战» «Операция любовь»).....	84
Харченко Л. И., Карпова А. А. Технологии проектирования в работе преподавателя английского языка.....	91
Харченко Л. И., Панова А. А. Ретроспективный анализ проблемы профессиональной подготовки будущих учителей иностранного языка в российском образовательном пространстве.....	95

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Посохова С. А. Специфика письменного перевода с арабского языка на русский.....	102
--	-----

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

Куянцева Е. А. Этапы информационной оккупации Украины как части постсоветского пространства.....	109
---	-----

Оначук А. С. Публицистика Станислава Кондрашова: лучшие традиции советской журналистики.....	115
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	120
----------------------------------	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	122
-------------------------------------	-----

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.581

Банкова Людмила Львовна,
канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры китайского языка
ГАОУ ВО «МГПУ»
BankovaLL@mgpu.ru

Количественные числительные древнекитайского языка

В статье описаны способы записи количественных числительных в древнекитайском языке и проанализированы их особенности, среди которых наиболее значимыми можно назвать наличие эпентез между десятками / единицами / сотнями, отсутствие нуля и единицы перед сотнями и употребление особых лексем. Также рассмотрен фонетический облик количественных числительных первого десятка.

Ключевые слова: количественные числительные, древнекитайский язык, *вэньянь*, эволюция китайских числительных, фонетический облик древнекитайских числительных.

Способы записи различных видов чисел современного китайского языка отличаются от древнекитайских, поэтому их анализ и сравнение способствуют пониманию древнекитайских текстов, что делает данную работу актуальной. Объект настоящего исследования – количественные числительные – в древнекитайском языке представлен обычным комплектом иероглифов-цифр (小写). Отметим, что в качестве порядковых числительных издревле использовались традиционные китайские циклические знаки Небесные стволы и Земные ветви [1, с. 64–65], а арабские и римские цифры вошли в употребление в Китае только в XX веке [2, с. 251–252].

Целью данной статьи является знакомство читателя со способами записи количественных числительных посредством обычного комплекта иероглифов-цифр в древнекитайском языке, а также с их фонетическим обликом.

В китайском языкознании работ, специально посвященных изучению древних китайских числительных, немного. Как правило, связанные с ними вопросы включены в общую языковую парадигму. Отметим, что зачастую в общих грамматиках по древнему китайскому языку числительные рассматриваются в связке со счетными словами в соответствующих разделах или рассмотрены в разделах, касающихся других частей речи. Также изучаются функционирование числительных в рамках какого-либо древнего литературного произведения (например, «Шицзин», «Шуцзин», «Цзочжуань», «Шицзи», «Чжаньгоцэ» и др.).

Из наиболее значительных статей, специально посвященных древним числительным, можно назвать следующие: «Системная организация, особенности применения и эволюция китайских точных числительных»

(《汉语确数词的系统构成、使用特点和历史演进》) Сяо Гочжэна и Ли Инчжэ (萧国政, 李英哲) [7]; «Сравнение значений древних и современных китайских числительных» (《古今汉语数词意义比较》) Ху Янь (胡妍) [5]; «Способы применения древнекитайских числительных и счетных слов» (《古代汉语数量词使用方法》) Чжан Шоуцзюня (张守军) [9]; «История развития числительных и счетных слов в древнем китайском языке» (《古代汉语中数量词的发展演变》) Сюэ Пэй (薛培) [8]; «К вопросу об образовании конструкции “число – счетное слово – существительное” в китайском языке» (《也论汉语“数·量·名”形式的产生》) Чжан Яньцзюня (张延俊) [10].

Что касается методологической стороны настоящего исследования, то в качестве наиболее оптимальной для исследования числительных применялась периодизация китайского языка, делящая его на такие четыре периода, как: древнекитайский (до III в. н. э.); среднекитайский (IV–XII вв.); новокитайский (XIII–IX вв.); современный (с 1919 г. по настоящее время) [4, с. 15–17]. Кроме того, при проведении синхронного и диахронного анализов указанных периодов применена внутренняя реконструкция (исторический анализ фактов одного языка).

Среди надписей на черепашьих костях и жертвенных животных еще не встречаются записи чисел больше 万 «десять тысяч» [7, с. 34–35]. У Сюэ Пэй (薛培) встречаем подтверждение вышеприведенной информации: иероглиф 万 «десять тысяч» зафиксирован среди надписей на черепашьих панцирях и костях жертвенных животных в эпоху династии Шан. При этом она отмечает, что самое большое число достигало тридцати тысяч [8, с. 116]. Однако в период династии Западная Чжоу, помимо 万 «десять тысяч», уже зафиксированы 亿 «сто миллионов», 兆 «миллион» [7 с. 34–36].

В древнекитайском языке число 十 «десять» воспринималось как целое число (整数), что распространялось на кратные ему числа. Числа меньше десяти представлялись мелкими, неполными (零数)¹ [7, с. 39], что в некоторой мере сохранилось и в современном китайском языке. В связи с этим запись количественных числительных в древнекитайском языке имела свои отличительные особенности, первой из которых можно назвать наличие эпентез. Эпентезы характерны только для сочинительных конструкций, то есть только для аддитивных количественных числительных. В мультипликативных их появление невозможно.

Среди надписей на черепашьих панцирях и костях жертвенных животных зафиксированы эпентезы 𠄎, 𠄐 или 𠄑. В частности, в «Сборнике цзягувэнь» (《甲骨文合集》) под редакцией Го Можо (郭沫若)² приводятся следующие примеры записи таких количественных числительных, как «триста сорок восемь», «сто девяносто девять» и «сто и восемь (дней)», соответственно:

丙戌卜, 丁亥王陷擒, 允擒三百𠄎四十八 (книга 11, запись № 33371);

.....壬申允狩擒, 获兕六、豕十虫六、兔百虫九十虫九 (книга 11, запись № 10407);

曰.....媿嘉.....百日虫八 (книга 4, запись № 14047).

1. В современном китайском языке 零数 имеют значения «цифры, которые заменяются на ноль при округлении в меньшую сторону», «остаток, излишек» и «неполный, меньше» [<https://bkrs.info/slovo.php?ch=零数>].

2. 甲骨文合集 (共13册). 郭沫若主编. 中华书局. 1982. 页数: 1541页.

Затем эпентезы 又, 卅 или 又 преобразовались в 有 (читалось как *уо́и*). Так, например, в произведении «Хань Фэй-цзы», глава Уду («韩非子·五蠹»), число тридцать шесть записывалось как 三十有六, а в «Основных записях периода династии Чжоу» («核舟记») Вэй Сюэи (魏学洙) количественное числительное ‘тридцать четыре’ записывалось как 三十有四. Таким образом, запись была идентична современной, за исключением эпентезы.

Эпентеза 有 (*уо́и*) служила связкой:

а) в целом числе между десятками и единицами: 十有五 «пятнадцать» (букв. десять имеет пять); 十有一 «одиннадцать» (букв. десять имеет один);

б) между сотнями (百) и десятками (十): 三百有六旬有六日 «триста шестьдесят (букв. шесть декад) шесть (дней)» («Мелодия Яо» 《尧曲》);

с) между целым и его частью: 由堯舜至於湯, 五百有餘歲. От [династий] Яо и Шан до [династий] Тан было более пятисот лет («Мэнцзы» 《孟子》) [9, с. 80].

Кроме того, среди надписей на черепаших панцирях и костях жертвенных животных встречается и прямое примыкание элементов в сложных количественных числительных, что зафиксировано в вышеупомянутом «Сборнике цзягувэнь» («甲骨文合集»):

二千六百五十人 «две тысячи шестьсот пятьдесят (человек)» (книга 3, запись № 7771);

二百二十五 «двести двадцать пять» (книга 4, запись № 9334).

Прямое примыкание также часто встречается в «Цзочжуани» («左传»):

十二年 «двенадцать (лет)»;

甲车四百六十乘 «четыреста шестьдесят (военных повозок)».

В период Чуньцю зафиксировано употребление количественного числительного без эпентезы 有 *уо́и*:

十九年 «девятнадцать лет» («Чжуанцзы» 《庄子》) [9, с. 78].

Также записи количественных числительных в древнекитайском языке свойственна следующая специфика:

– опущение единицы перед сотнями (一百), тысячами (一千), десятками тысяч (一万): 百二十 «сто двадцать», 千四百八十七 «тысяча четыреста восемьдесят семь»;

– отсутствие нуля при записи числа: 百六 «сто шесть» и 一百五 «сто пять» (ср. в современном китайском 一百零六 и 一百零五, соответственно);

– употребление лексемы 特 в значении числительного «один»: 特样 «один баран»;

– употребление лексемы 乘 в значении числительного 四 «четыре»: 十乘 «четыренадцать»;

– использование двух соседних в числовом ряду чисел, в результате умножения которых могло получиться искомое целое число: 三五之夜 «пятнадцать (ночей)». В данном примере сопологающиеся цифры 三 «три» и 五 «пять» связаны мультипликативной связью и обозначают «пятнадцать», а не ‘пятое марта’, как в современном китайском языке³ [6, с. 39–40];

3. Кроме того, на современном этапе развития китайского языка у двусложных составных числительных появилось еще одно свойство, отсутствующее в древнекитайском языке – обозначение дат. Например: 三八 ‘восьмое марта’, 五一 ‘первое мая’ и т. п. [5, с. 20]. Добавим, что имеет место субстантивация некоторых числительных с пейоративными значениями. Так, помимо вышеуказанных значений 三八 в современном китайском языке имеет значение ‘дурак, глупец’.

– непосредственное примыкание числительных к существительным (без счетного слова). По словам Чжан Яньчэна, конструкция «числительное + классификатор + существительное» не получила широкое хождение в древнекитайском [10, с. 27–28]. Тем не менее, на стыке древнекитайского и среднекитайского периодов встречается ряд счетных слов, употребление которых в вэньяне носило опциональный характер. Сочетание числительного и счетного слова и его позиция по отношению к существительному в древнекитайском языке варьировались: последнее могло находиться не только в постпозиции к первым двум, но и в препозиции к ним (что совершенно не характерно для современного китайского языка) [10, с. 27–28].

Большой вклад в понимание фонетического облика древнекитайских количественных числительных вносит статья С. Е. Яхонтова «О происхождении тайских числительных» [3]. Приведем полученные им результаты в табличной форме (Табл. 1).

Таблица 1

Реконструкция произношения числительных в древнекитайском языке [3, с. 217–219]

числительное	древнекитайский
один	?iet
два	
три	sum ^l
четыре	
пять	ŋâ ^{ll}
шесть	
семь	tshiet
восемь	plet
девять	
десять	

Как видно из таблицы, установить фонетический облик числительных древнекитайского периода, равно как и других слов того времени, подчас затруднительно ввиду отсутствия регулярных соответствий среди финалей и / или инициалей. Тем не менее, для древнекитайского языка обозначены первые два тона, соответствующие классическим *пин* и *шан*. Нечетные цифры обозначают тона, входящие в высокую серию, а четные – в низкую серию (согласно реконструкции Ли Жуна, 1952 г.) [3, с. 216–217].

Поскольку способы числовой записи идут в ногу с эволюцией математического мышления народа, то приведенная выше их языковая манифестация отражает взгляды древних китайцев на представление количества. Подобная экстралингвистическая детерминированность обусловила свои особенности записи количественных числительных в древнекитайском языке, как то: наличие эпентез между десятками и единицами и / или десятками и сотнями, а также между целым и его частью; отсутствием нуля и единицы перед сотнями; употребление особых лексем в значении числительных, соположение соседних в числовом ряду чисел для обозначения

числа; отсутствие счетных слов. Большим достижением является определение звучания древнекитайских числительных «один», «три», «пять», «семь», «восемь». В перспективе исследования предстоит определить эволюционную траекторию грамматологического, грамматического и фонетического аспектов китайских количественных числительных в среднекитайском и новокитайском периодах развития языка.

Список литературы

1. **Банкова, Л. Л.** Порядковые числительные в китайском языке / Л. Л. Банкова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманит. и социал. науки. – 2019. – № 6. – С. 61–68.
2. **Банкова, Л. Л.** Арабские и римские цифры как часть китайской семиотической системы / Л. Л. Банкова // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, № 5. – С. 249–260.
3. **Яхонтов, С. Е.** О происхождении тайских числительных / С. Е. Яхонтов // Проблемы китайского и общего языкознания : к 90-летию С. Е. Яхонтова / отв. ред. Е. Н. Колпачкова. – СПб., 2016. – С. 215–222.
4. **Bankova, L. L.** Diachronical Research of the Chinese Numerals: the Problem of Periodization / L. L. Bankova // Current Issues in Modern Linguistics and Humanities : proceedings of the 12-th All-Russian Research and Methodological Conference with International Participation, Moscow, Institute of Foreign Languages, RUDN University, March 27-th, 2020 / [edited by: Enrique F. Quero Gervilla, N. Sokolova]. – Moscow, 2020. – P. 10–18.
5. 胡妍. 古今汉语数词意义比较 / 胡妍 // 广州大学学报(社会科学版). – 2005. – № 4(2). – 页. 19–23.
6. 吴正芝. 数字表示法在文言文中的应用 / 吴正芝 // 读写算(中考版). – 2009. – № 1. – 页. 39–42.
7. 萧国政, 李英哲. 汉语确数词的系统构成, 使用特点和历史演进 / 萧国政, 李英哲 // 江汉学术. – 1997. – № 1(11). – 页. 34–44.
8. 薛培. 古代汉语中数量词的发展演变 / 薛培 // 语文学刊(教育版). – 2008. – № 22. – 页. 116–119.
9. 张守军. 古代汉语数量词使用方法 / 张守军 // 辽宁广播电视大学学报. – 1997. – № 2. – 页. 77–81.
10. 张延俊. 也论汉语“数·量·名”形式的产生 / 张延俊 // 古汉语研究. – 2002. – № 2. – 页. 26–29.

Bankova L. L.

Cardinal Numerals of the Ancient Chinese Language

The article describes ways to write down cardinal numerals in Ancient Chinese and analyzes their distinguishing features. Among the latter the most significant are the use of epenthesis between units / tens / hundreds, the absence of zero and figure «one» before hundreds and the use of special lexemes. The pronunciation of the first ten cardinal numerals is also considered.

Key words: cardinal numerals, Ancient Chinese, classical Chinese (*wenyan*), Chinese numerals evolution, pronunciation of Ancient Chinese numerals.

Беклемешева Наталья Николаевна,
канд. филол. наук,
доцент кафедры языкознания и переводоведения
ГАОУ ВО «МГПУ»
beclemesheva@mail.ru

Город и горожане: наружная реклама как средство эффективной коммуникации

Статья посвящена исследованию семиотики городского пространства и представляет собой анализ современных тенденций в пространственном существовании языка, а также в изучении специфики механизмов коммуникативного взаимодействия между городом и горожанами на материале разных видов наружной рекламы, инициированной властными структурами, а также рекламы коммерческих и некоммерческих организаций.

Ключевые слова: семиотика города, языковой ландшафт, городская среда, городские знаки, социальная реклама, имидж города, речевое воздействие.

В настоящее время наблюдается устойчивый интерес к исследованию механизмов взаимодействия города с его жителями. Так, изучается проблема транслитерации названий улиц города в связи с процессами глобализации и необходимостью создания мультилингвального сопровождения системы городской навигации с целью обеспечения комфортной навигации людей, не владеющих русским языком [1; 4], исследуются мнемический нарратив в мультимодальном урбанистическом пространстве [6; 7], семиотика городского пространства [2].

Вместе с тем, в особом исследовании нуждается вопрос о возможностях лингвистического пространства города выступать в качестве средства коммуникации с жителями разных возрастных групп, что и определяет цель настоящей работы – выполнить обзор современных тенденций в пространственном существовании языка и изучить специфику выстраивания коммуникации между городом и горожанами на примере разных видов наружной рекламы: направленной «сверху вниз» (инициированной властными структурами) и рекламы прочих коммерческих и некоммерческих организаций.

Актуальность исследования определяют: представление о городском пространстве как о сложной и динамичной семиотической среде, реагирующей на любые изменения, внешние и внутренние, и представляющей собой взаимодействие официальной языковой политики и знаков, созданных частными организациями; необходимость выявления задач, которые решаются с помощью наружной рекламы как инструмента диагностики состояния общества; важность исследования основных направлений формирования моделей поведения в обществе посредством социальной рекламы, а также анализа механизма коммуникативного взаимодействия города с представителями разных возрастных категорий граждан.

Сегодня не вызывает сомнения тот факт, что лингвистическое пространство города является ключом к пониманию социальной,

культурной и политической сфер деятельности страны, а также отражает важные тенденции в обществе. Так, например, распространение пандемии коронавирусной инфекции привело к изменению языкового ландшафта города, связанного с появлением новых информирующих и предупреждающих знаков, адресованных жителям города. Исследования динамики изменений городских знаков в период пандемии показали, что если в начале пандемии большая часть «ковидных» обращений к населению Москвы носила недифференцированный характер (в основном официальные объявления и предупреждения со ссылками на нормативные документы), то с течением времени характер взаимодействия с горожанами в этот период становится социально-ориентированным – учитываются интересы и особенности восприятия информации горожанами разных возрастных групп. Сообщения, предназначенные для молодых и пожилых людей, как правило, значительно отличались в цветовом оформлении, в использовании языковых средств, в стремлении воздействовать на эмоциональную сферу реципиента [9].

Для осуществления коммуникации между городом и горожанами активно используется потенциал общественного пространства, при этом функции наружной рекламы совершенно очевидно выходят за рамки только информирующей. Городские знаки создают «эмоциональный фон, который влияет на уровень комфортности проживания для горожанина» [8, с. 109].

Понятие комфортной среды для горожан интерпретируется, тем не менее, по-разному: еще совсем недавно обилие коммерческой рекламы на иностранных языках, доминирование английского языка на коммерческих и жилых фасадах российских городов рассматривалось как проявление мультикультурализма, введение «новых культурных кодов» для открытого ко всему молодого поколения, а также как парадоксальное явление для языковой ситуации в России – стране с одним государственным языком [11], поскольку язык городских знаков, несомненно, влияет на восприятие статуса и места языка в иерархии мультикультурной городской среды.

На сегодняшний день исследователей семиотики городского пространства интересует не столько его культурное и языковое разнообразие, сколько возможности поддержки и развития национальных, не глобалистских идей. Задачи, ориентированные на укрепление национального самосознания, привлечение внимания населения к актуальным проблемам страны и формирование разумных моделей поведения в обществе, а со стороны власти – создание комфортной и прозрачной городской среды для самых разнородных групп горожан, решает, прежде всего, социальная реклама. Анализ тематики социальной рекламы может помочь «диагностировать» проблемы общества или, по крайней мере, те направления деятельности, которые представляются актуальными во властных структурах. Анализ данных сайта Рекламного совета США показал, что со времен институционализации социальной рекламы в период Второй мировой войны усилия американского истеблишмента были направлены на решение следующих вопросов (темы показаны в порядке их появления с 40-х годов XX века до наших дней): взаимоотношения в обществе, общественная безопасность, здоровье, образование, защита окружающей среды, помощь страдающим от психических заболеваний, диверсификация общества и инклюзивность. Похожие проблемы волнуют большинство европейских стран, однако важно помнить, что социальная реклама создается

и неправительственными организациями. Британская организация «Humanists UK» (<https://humanists.uk>), например, гордится своими наиболее успешными социальными кампаниями по легализации однополых браков в Британии, декриминализации аборт, отмены закона о богохульстве, запрету теории о божественном происхождении мира в школе, сексуальном просвещении школьников и пр.

Материалом настоящего исследования послужили объекты наружной рекламы в Москве и Московской области, размещенной в пассажирском транспорте, торговых центрах, парках, на уличных остановках, билбордах, роллерах и т. п. Эмпирическая база исследования составляет более 150 единиц. Анализу подвергались языковые средства, символические изображения, цветовое решение, выбор шрифтов и пр., используемые при создании данных объектов.

Методологию исследования определяют положения, связанные с:

– представлением о городе как особой семиотической системе, т. е. город рассматривается через совокупность знаков различных семиотических систем [2];

– мультимодальным подходом к исследованию дискурса, заключающемся в анализе нескольких модусов восприятия информации в процессе коммуникативного взаимодействия [10];

– дискурсивным анализом коммуникативных практик, в фокусе которого находится изучение интенций говорящего и слушающего, семантика языковых единиц [9];

– применением цифровых методик исследования, позволяющих оптимизировать поиск информации и формирование эмпирической базы исследования [5].

Несмотря на спад объемов наружной рекламы в целом, что связано с уходом коммерческой рекламы западных компаний, она по-прежнему остается одним из каналов осуществления коммуникации с населением, во многом определяющим эмоциональное самочувствие горожан. В 2020-х годах наша страна столкнулась со многими проблемами, что послужило толчком для изменения городского пространства. Исследователи говорят о «пересборке» городского пространства, что неизбежно находит выражение в его семиотике [3].

Анализ наружной рекламы в Москве и Московской области позволил сделать выводы о наиболее актуальных проблемах текущего момента. В кризисной ситуации городское пространство, несомненно, должно выполнять функцию максимально безопасной и информативной среды, поэтому основными вопросами наружной рекламы в Москве были и остаются вопросы безопасности и общественного здоровья.

Постеры, посвященные охране здоровья, строятся по схожей схеме:

1. Во-первых, «врага» называют в лицо:

СПИД. Тут маска не поможет.

Рак: Взрослые как дети. Только они молчат о помощи. Помогите взрослым победить рак крови.

Ментальные расстройства: Испытываете тревогу или стресс? Волнуетесь за близких? Поговорите с психологом.

2. Далее делается попытка привлечь внимание аудитории, ср.: гламурная, на первый взгляд, картинка (Рис. 1) vs парадоксальный комментарий:

Тут маска не поможет!, где кроется несколько имплицитных посланий – аллюзия на COVID-19, основное противовирусное средство защиты и сопоставление двух смертоносных инфекций (и разных способов их распространения). Скрытое маской лицо – напоминание о стигматизации СПИДа в обществе, что часто вынуждает больных людей стремиться к анонимности. Другой пример когнитивного столкновения: *Взрослые как дети, только они молчат о помощи*.

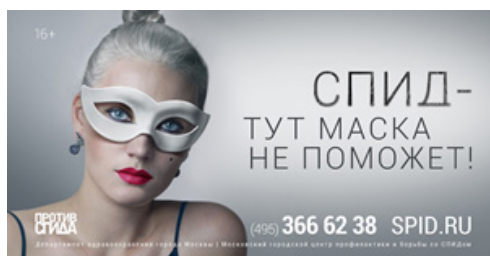

Рис. 1. Постер, посвященный охране здоровья

Задача привлечения внимания может также решаться с помощью вопросов, уточняющих симптомы заболевания: *Испытываете тревогу или стресс? Волнуетесь за близких?*

3. Далее предлагается решение, как правило, в форме императива: *Помоги...; Позвони...; Не принимайте антибиотики без назначения врача!; Поговорите!* В некоторых случаях, помимо констатации проблемы и представления способов ее решения, главным в обращении к аудитории является оптимистический призыв: *Жизнь стоит того, чтобы жить!*

Для многих постеров, посвященных профилактике серьезных заболеваний и предлагающих помощь в борьбе с ними, характерен достаточно строгий дизайн, отсутствие языковых игр – как правило, это предложение конкретной помощи, бесплатно и круглосуточно. Данные виды рекламных объявлений не являются адресными (на плакате-напоминании о СПИДе – молодое лицо, остальные призывы обращены к населению независимо от возраста).

Однако бывают и исключения. В качестве примера можно привести проект *мояфототерапия.рф*, представляющий серию фотографий-постеров с изображениями женщин разного возраста, из разных городов России, известных и неизвестных, каждая из которых – под своим именем, с указанием возраста – рассказывает личную историю победы над раком. Каждое фото и история построены на метафоре – сравнении онкозаболевания с несчастливыми отношениями, ср.: *Диагноз Рак – как «токсичные отношения», из которых женщина может выйти, став только лучше и прекраснее! Химия была, но мы расстались* (Рис. 2). Фотографии показывают спокойные, уверенные лица женщин от 20 до 70 лет, это не несчастные, а полные чувства собственного достоинства люди, которым расставание с раком пошло на пользу. Истории о победе над болезнью призваны положить конец стигматизации рака в целом, и среди женщин особенно. Сравнение рака с тяжелым разводом вселяет уверенность, что справиться можно с любыми трудностями, в любом возрасте.

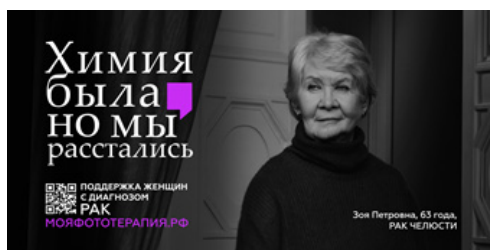

Рис. 2. История победы над раком

Помимо усилий, направленных на предупреждение и раннее выявление смертельно опасных заболеваний, город проявляет адресную заботу о здоровье пожилых людей. В рекламе различных услуг, предназначенных для пожилых горожан, к ним обращаются «на Вы»; для придания призыву / предложению большей убедительности часто используется экспрессия приема синтаксического параллелизма, ср.: *Развивайтесь. Побеждайте. Создавайте*; а также прием парцелляции – для того, чтобы сделать акцент на важных нюансах, ср.: *Получите полное обследование здоровья! Павильоны «Здоровая Москва». В парках города. Бесплатно. Возраст целевой аудитории при этом указывается деликатно: 55+.*

Довольно частотным приемом воздействия на аудиторию 55+ является привлечение авторитетов. Как правило, это популярные телеперсоны, которые обращаются к аудитории от первого лица, ср. многочисленные постеры с медийными лицами под лозунгом: *Я вам покажу здоровую Москву!* Дополнительную убедительность придает ссылка на профессиональные и государственные авторитеты.

Призывы к здоровому образу жизни и внимательному отношению к своему здоровью в наружной рекламе, в основном, оформляются в виде взвешенных, практически нейтральных с точки зрения стилистики советов. Тем не менее, иногда подобные обращения носят неожиданно креативный характер: *Поднял голову вверх, так опусти и вниз.* Пояснения, приведенные далее, вносят ясность в данную инструкцию: *Разминайся от инсульта – и убеждают с помощью научно доказанных фактов: Ежедневная физическая активность снижает риск инсульта на 25%.* Как представляется, эффект неожиданности, полное отсутствие визуального ряда делает подобную рекламу эффективной при обращении к разным возрастным категориям, поскольку о главном принято говорить коротко и доходчиво.

Проблема общественной безопасности в городском пространстве, как показал анализ, решается с более активным привлечением языковых ресурсов и иных средств иллюстративного воздействия на реципиента.

Во-первых, призывы к бдительности носят серьезный, далекий от «игривости» характер: *Внимание! Предупрежден, значит защищён! При противоправных действиях звоните по телефонам УВД на Московском метрополитене.* Активно используется юридическая лексика, восклицательные знаки, которые ассоциируются с директивным стилем общения и не оставляют пространства и возможности использовать иные языковые средства для привлечения внимания аудитории – пассажиров метро.

Визуальный ряд часто оформлен в ретро-стиле, напоминая плакатную графику советского периода. Складывается ощущение, что и основной посыл постеров, и их оформление намеренно выдержаны в советском стиле – времени, когда среди населения активно проводилась воспитательная работа.

В изменившихся городских реалиях Москвы, в которых торжествует здоровый образ жизни, к рекламе о правилах поведения автомобилистов на дорогах добавились предупреждения о соблюдении безопасности при передвижении на самокатах, скутерах, велосипедах, ср.: *Самокаты и скутеры в метро держите в руках. Катаясь по платформе, можно кого-нибудь сбить или упасть самому*. На одном из изображений фигурирует пожилая женщина, что отражает современные тенденции в данном сегменте рекламы: признание возможностей пожилых людей и проявление особой заботы об их безопасности.

В обращениях к детям, которые могут потеряться в пространстве метрополитена, также используется визуализация – герои мультфильмов привлекают внимание ребенка и успокаивают его:

Если потерялся, оставайся здесь

Тебе могут помочь только:

1. Полицейский

2. Дежурный по станции

Помни: уходить с чужими никуда нельзя! – инструкции потерявшимся детям строятся с нарастанием экспрессии: сначала ремы (информационные пики предложения) достаточно нейтральны (см. выделенные фрагменты текста – *здесь, только*). Рема *только* далее разворачивается в два компонента, значимость которых выделяется графически – каждый компонент расположен в отдельной строке. Самое главное предупреждение оформлено с восклицательным знаком, в категорической модальности, с использованием двух рем – в начале и конце предложения: **Помни: уходить с чужими никуда нельзя!** Подобные обращения к детям размещаются в виде стикеров непосредственно на полу платформы метро, в поле зрения маленького ребенка, с ориентиром в виде Чебурашки.

В последние годы наблюдается значительный рост социальной рекламы, призывающей к благотворительности, с указанием конкретных возможностей и направлений помощи: помощь бездомным, попавшим беду людям, детям, животным.

В обращениях о помощи бездомным животным используются разные аргументы и элементы воздействия: эмоциональный призыв – трогательные фото животных; обращения от первого лица: *Ищу друга!*; и рациональный призыв: *Преданность не зависит от породы; Собаки, которые любят*. Достаточно часто используются императивы, что представляется обоснованным приемом – авторы рекламного постера просят за тех, кто не может сам о себе позаботиться и полностью зависит от человека: *Забери друга из приюта*.

Социальная реклама, призывающая к внимательному отношению к детям и их защите, также воздействует прежде всего на эмоции реципиента. В постерах используются контрастные цвета, например, трагическое сочетание красного и черного, безмянный силуэт страдающего ребенка. Самый яркий акцент на таких постерах сделан на номере телефона,

по которому нужно позвонить, призыв оформляется в повелительном наклонении как единственно возможный вариант действий: *Позвони!*

Примечательны названия благотворительных сайтов: *Добродел, Дровалец Москвы* – игры со шрифтом и графикой с акцентом на слове ДОБРО подчеркивают «правильность» благотворительной деятельности. Принятие решения о личном участии в благотворительности максимально облегчено, модальность приглашения к сотрудничеству не носит импозитивного характера (как в тех случаях, когда речь идет о жизни и здоровье), это скорее поощрение к действию, ср. проект *«Живи без "потом"»: Поддержи пациентов хосписов сейчас на fondvera.ru. Спасибо, что помогаете!*

Проведенный анализ показал, что в целом в области рекламы (в том числе и коммерческой) в городском пространстве становится популярной стилистика СССР: плакатный стиль, обращения к населению в виде рифмованных строк. На образе СССР – единой, могучей страны – строит свою рекламу сеть фитнес-клубов *«Фитнес СССР (Сеть Спортивных Сооружений России)»*. В оформлении интерьеров в сети фитнес-клубов используются аутентичные плакаты 1960-х гг., иллюстративный эффект которых построен на широко использовавшимся в советское время ритмическом рисунке и рифме. Были найдены и другие примеры привлечения стилистики советского плаката, например, в пунктах общественного питания (в Москве и Московской обл.), где для оформления интерьера используются хорошо знакомые старшему поколению призывы: *Требуите полного налива пива до черты; Обслужим культурно каждого посетителя!*, а также имеющие слабое отношение к общепиту оптимистичные плакаты времен СССР: *С каждым днем все радостнее жить!*

Эта достаточно очевидная тенденция в городской семиотике, которая не является проявлением централизованной языковой политики города, наводит на мысль о ностальгии в целом по стабильному и славному прошлому, что становится особенно наглядным, когда является инициативой частных предпринимателей.

В статье предложен анализ коммуникативного взаимодействия города с горожанами на примере наружной рекламы как эффективного средства, играющего важную роль в информировании общества об актуальных проблемах, требующих решения, а также в формировании осознанной и активной гражданской позиции. В целом в «языковом ландшафте» города очевидны значительные изменения. Коммерческая реклама с языковыми играми на сегодняшний день уходит на второй план. Главные задачи, которые решаются с помощью знаков городского пространства, носят социальный и адресный характер, что находит выражение в вербальной и визуальной составляющей рекламных сообщений.

Список литературы

1. **Божко, Е. М.** Компромиссный подход к передаче урбанонимов (на примере Екатеринбурга) / Е. М. Божко, О. А. Ильнер, Л. И. Корнеева // Вопросы ономастики. – 2018. – № 2(15). – С. 223–238.
2. **Котельникова, Н. Н.** Лингвокультурные особенности текстов вывесок как фрагмента семиотического пространства современного китайского

- города / Н. Н. Котельникова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2019. – № 3(25). – С. 130–138.
3. **Оводова, С. Н. Х.** Y-матрицы в урбанистическом дискурсе локальных городских сообществ / С. Н. Оводова, Р. И. Чупин // Визуальные образы современной культуры. Изучая локальность: фундаментальные схемы и исследовательские практики : сб. науч. ст. по материалам VII Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 27–28 сент. 2018 г.) / [редкол.: П. Л. Зайцев (отв. ред.) и др.]. – Омск, 2018. – С. 21–28.
 4. **Сулейманова, О. А.** Проблемные «зоны» современной урбанистики в глобальном пространстве: транслитерация урбанонимов / О. А. Сулейманова, И. В. Зоц // Вопросы ономастики. – 2019. – № 16(4). – С. 135–150.
 5. **Сулейманова, О. А.** Принципы и методы лингвистических исследований : учеб. пособие / О. А. Сулейманова, М. А. Фомина, И. В. Тивьяева. – М. : Языки народов мира, 2020. – 350 с.
 6. **Тивьяева, И. В.** Языковое моделирование памяти города: данные контент-анализа мемориальных табличек Москвы и Лондона / И. В. Тивьяева, Т. Д. Никитина // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2022. – № 1(53). – С. 28–41.
 7. **Тивьяева, И. В.** Структурная организация мнемического нарратива / И. В. Тивьяева // Сибирский филологический журнал. – 2020. – № 1. – С. 303–315.
 8. **Шляхова, С. С.** Наружная реклама крупного и промышленного города: контент и стратегии влияния // С. С. Шляхова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2017. – № 1(19). – С. 108–121.
 9. **Beklemesheva, N.** Visual Anthropology / N. Beklemesheva, N. Chekmaeva // Issue 1. – 2023. – Vol. 36. – P. 54–68.
 10. **Bezemer, J.** Multimodality, Learning and Communication: A Social Semiotic Frame / J. Bezemer, G. Kress. – London : Routledge, 2016. – 170 p.
 11. **Grishaeva, E. B.** Linguistic Landscape of the City of Krasnoyarsk / E. V. Grishaeva. – Text : electronic // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2015. – Vol. 200. – P. 210–214. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.08.054> (date of access: 30.08.2023).

Beklemesheva N. N.

**City and Citizens: Outdoor Advertising as
an Effective Communication Means**

The paper focuses on visual and verbal semiotics in urban space. It aims to investigate up-to-date trends the city relies on as an effective communication means targeted at its citizens. The empirical database covers outdoor top-down and bottom-up advertising. Outdoor advertising is seen as a complex phenomenon that reveals challenges people struggle with and shapes attitudes and opinions as well as behaviour patterns.

Key words: *urban semiotics, linguistic landscape, urban space, urban signs, social advertising, image of the city, persuasion.*

Васильева Ольга Александровна,
канд. филол. наук, доцент кафедры
английской и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
envasio@mail.ru

Лексико-прагматические маркеры «уникальности» в современных автомобильных рекламных брошюрах

Статья посвящена рассмотрению основных лексических маркеров на прагматическом уровне, подчеркивающих «уникальность» автомобиля и его характеристик в современном мире. В рамках статьи выделены основные лексические средства, которые отличаются положительной семантикой и выступают в качестве суперлативов и аксеологизмов. Также предпринята попытка проанализировать автомобильный нейминг в современном автомобильном мире.

Ключевые слова: лексические маркеры, лексическая инновация, аттракция, суперлатив, автомобильная лексика, ассоциация.

В современной антропологической лингвистике возрастает интерес к проблеме соотношения самого языка, мышления человека и окружающей его действительности. Лексика английского языка XXI века существенно пополнилась новыми лексическими единицами, которые отображают современную картину мира человека. Человек конструирует окружающий его мир в своем сознании, устанавливая, в том числе, разные типы логических отношений между объектами и событиями: причинно-следственные, иерархические, партитивные, соответствия, тождества, различия и др. [2, с. 7]. Лексические прагматические маркеры – это лексические единицы – носители прагматического значения, то есть такие лексические единицы, которые отражают различные параметры позиционирования субъекта отправителя по отношению к отображаемым событиям, сущностям и/или к получателю [2, с. 76]. Автомобиль превратился в большей степени в имиджевый аксессуар, подчеркивающий стиль и позиционирование в обществе.

Современная автомобильная промышленность характеризуется, прежде всего, такими понятиями, которые связаны с информатизацией (infotainment), автоматизацией (tri-zone automatic climate control, autodial), и компьютеризацией (digital camera). Это прежде всего связано с переходом к техногенной цивилизации, которая образует новые системы ценностей [1, с. 20] Научно-техническая революция формирует технологизацию коммуникативного пространства, что приводит к образованию информационного общества. Это, в свою очередь, предопределяет потребность в создании лексических инноваций, которые отображают современные электронные системы (a full array of modern gadgetry). Секреты производства отдельного автомобильного концерна (know-how) обеспечивают индивидуальность авто, что является существенным преимуществом среди конкурентов. Актуальность исследования обусловлена антропологической парадигмой современной лингвистики, а именно

необходимостью исследования автомобильных лексических инноваций, которые появляются по причине рекламных целей и фактора адресата. Научная новизна исследования состоит в том, что в статье на основе анализа рекламных проспектов комплексно рассматриваются лексические средства, предающие автомобильной инновации гиперболизованных значимых качеств.

Цель исследования – это выявление роли языковых средств в создании «уникального» образа автомобиля на современном рынке потребителей. Материалом для исследования послужили автомобильные проспекты, брошюры, а также журналы: «Car and Driver», «Automobile и European Cars».

Эмоциональная память играет важную роль при восприятии лексических инноваций в автомобильных рекламных брошюрах и работает по принципу «плохо – хорошо, понравилось – не понравилось». Среди маркеров уникальности автомобильной инновации всплывает семантический суперлатив *super-*, который обладает позитивно-оценочным значением: *super-small, supercar; super-fast, superCrew, supermini*. Для автомобильной лексики характерным признаком в словах является появление номинаций с «модным» полупрефиксом *luxo-*: *luxosedan, luxo-crossover, luxo-utes, luxo-machine, luxochic automobile, luxo-cruiser*. Актуальность использования этого префикса объясняется тенденцией обеспеченных людей к роскошной жизни, например, обладанием роскошным автомобилем (*entry lux SUV*). Такие морфемные компоненты лексиколизируются в самостоятельные слова. Для обозначения первоклассной автомобильной инновации используются также суперлатив *ultra-*, например, в номинациях *ultra-high and high-strength steel, ultra-strong materials, ultrasonic parking assist, ultra-stiff sport suspension*.

Оригинальность и неповторимость автомобильных технологий находят свое выражения в номинациях: *out-of-the-ordinary, state-of-the-art, new-from-the-ground-up V8 engine, class-leading safety features*. Слово сочетание *industry-first* обозначает технологии или материалы, которые впервые разработаны в автомобильной компании: *industry-first massaging seats* (Ford). А вот префиксоид *eco-* появляется от прилагательного *ecological* и обозначает невредную автомобильную технологию для окружающей среды (*eco-friendly car, eco-driving, ecoBoost, ECOnetic*). Позитивно-оценочное значение имеют терминологические словосочетания, в которых первый компонент имеет элемент *high-*: *high-grade materials, high-powered performance, high-definition Multimedia Interface, high-glass black plastic interior trim*. Такие номинации по своей семантике можно отнести также к суперлативам.

В последнее время в современной автомобильной терминологии притяжательное местоимение *my* используют как новый словообразовательный компонент и как часть сложного термина: *MyWay system, MyKey, My Car, MyLincoln Touch*. Местоимение вербализирует идею персонализации и индивидуализации.

Стремление взбудоражить общественность и передать смысл интимизации наблюдается в номинациях, в которых упоминается название автомобильного производителя: *BMW Assist, BMW CleanEnergy, MyFord Touch, MyLincoln Touch*.

Метафора является сложным феноменом, заключающим в себе образный и когнитивный инструментальный потенциал для выражения знаний о мире

при помощи языковых моделей [4, с. 114]. Вербализация метафорических наименований автомобильных марок на просторах современного рынка осуществляется за счёт когнитивного механизма ассоциации. Механизм ассоциации отсылает человека не столько к денотативному значению, сколько к комплексу представлений, связанных с этим названием. В. Ю. Синцов отмечает, что метафора является языковым средством концептуализации и аккумуляции знаний, имеющих значимость для лингвокультурного социума [5, с. 94]. Семантическое переосмысление в виде объединения слов *mix of sprinter and long distance runner* в предложении *SL6 AMG is a compelling mix of sprinter and long distance runner* указывает на то, что автомобиль быстрый на малых и дальних расстояниях.

Некоторые автомобильные компании с целью привлечения внимания потенциальных покупателей прикладывают немало сил для создания удачного названия автомобиля. Предоставляя своим автомобилям названия, которые ассоциируются со скоростью, мощностью, роскошью, экологичностью или наукой, автомобильные компании надеются вызвать позитивные чувства у потенциального потребителя.

Удачное название автомобиля – это еще одна возможность прорекламировать его характеристики, тем самым обеспечив маркетинговый ход компании. Эффективное название должно отображать внеязыковую действительность, качество автомобиля, отвечать его образу, нравиться большинству потенциальных покупателей и не обладать отрицательной коннотацией для человека любой национальности. Автомобильный нейминг предусматривает репрезентацию своего товара покупателям, поэтому названия дорогих автомобилей должны ассоциироваться с чем-то экзотическим, изысканным и элегантным. Например, номинации, которые ассоциируются со скоростью: *Mercedes-Benz Sprinter, Aston Martin DBS Volante, Aston Martin Rapide, Renault Wind*. Название в форме сложного слова *Opel Speeder* в первом компоненте имеет прямое указание на скорость автомобиля, а второй компонент еще и усиливает позитивную коннотацию первой части за счет некоторой схожести в произношении со словом *star* (звезда). В некоторых автомобильных брендах среди названий моделей есть такие, которые обозначают ветер: *VW Passat, Renault Wind*. В других названиях автомобилей задействованы номинации животных и насекомых, которые отличаются проворством и резвостью: *Alfa Romeo Spider, VW Beetle, Ford Puma, Ford Cougar*. Уверенное движение автомобиля прослеживается и в автомобильном названии *Dodge Viper*, в котором темп автомобиля ассоциируется с темпом змеи. Название автомобиля *Chevrolet Express* говорит само за себя: доставка водителя и пассажира за короткий промежуток времени.

Специалисты, которые занимаются разработкой автомобильных названий, считают, что беспроигрышным вариантом названий выступают те, которые ассоциируются с путешествием: *Chrysler Voyager, Dodge Journey, Ford Excursion, Ford Expedition, Honda Crosstour*. Названия *Honda Passport* и *Citroen Visa* ассоциируются исключительно с путешествием, так как эти документы (*passport, visa*) для туристов являются обязательными. В прошлом ни одно путешествие не обходилось без компаса, а сегодня компас преобразовался в навигатор. Эти составляющие успешной поездки воплощены в названиях *Jeep Compass* и *Lincoln Navigator*.

Приятными на слух выступают слова, которые ассоциируются с роскошью и богатством. Среди соответствующих названий автомобилей можно отметить *Hyundai Grandeur* или *Lotus Eclat*. Давая названия *Lotus Elite* и *Mini Clubman* своим автомобилям, автопроизводители как-бы подталкивают потенциального покупателя к ассоциированию себя с властным и влиятельным человеком. Аристократичность предполагает шик и роскошь, поэтому в названиях автомобильной марки Chrysler ассоциация осуществляется за счет титула: *Crysler Le Baron*. Название *Ford Crown Victoria* вызывает не только ассоциацию с королевской силой и богатством, но и имеет положительную внеязыковую коннотацию. Величие подчеркнуто в названиях *Dodge Caliber*, *Buick Regal* и *Honda Vigor*. Давая автомобилю название *Buick Park Avenue*, компания акцентирует, что обладатели такого автомобиля успешные деловые люди. А название *Cadillac Eldorado* вызывает только положительную коннотацию, так как подталкивает к мысли, что хозяин такого автомобиля окружает себя золотыми слитками.

Некоторые названия экзотических мест, туристических стран вызывают у людей ассоциации с роскошным отдыхом: *Buick Riviera*, *Chevrolet Malibu*, *Dodge Monaco*, *Ford Capri*, *Ford Granada*, *Rover Montego*. В автомобильном названии *Ferrari Maranello* автопроизводители акцентируют внимание на городе, который стал известен благодаря месторасположению штаб-квартиры компании Ferrari и Формулы-1. Такой нейминг автомобиля является уникальным, так как сразу рекламируется автомобильная компания Ferrari и ее месторасположение. Названия *Dodge Daytona*, *Chrysler Sebring* и *Bentley Brooklands* привлекают покупателей за счет ассоциации со скоростью, так как именно эти места популярны среди любителей гонок. Например, Дейтона Бич – это курортная зона, в которой реализуются гонки Speedweeks; Себринг (Флорида) – Sebring International Raceway; Бруклендс – это автомобильный трек, где происходят ралли. Лексические маркеры положительной оценки, словообразовательные модели, аксиологемы, удачный нейминг реализуют функцию аттрактивности, а именно привлечения внимания и создания интереса у покупателя.

Список литературы

1. Белова, А. Д. Языковая картина мира в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы / А. Д. Белова // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 29. – С. 17–23.
2. Болдырев, Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1(042). – С. 5–11.
3. Горло, Е. А. К вопросу о лексических прагматических маркерах / Е. А. Горло // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 7(25), ч. 2. – С. 75–78.
4. Мушникова, Е. Н. Зоометафора в языковой картине мира русского и английского языков / Е. Н. Мушникова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2011. – № 4(20). – С. 114–119.
5. Синцов, В. Ю. Антропоцентрическая метафора: когнитивные и семасиологические аспекты / В. Ю. Синцов // Lingua mobilis. – 2013. – № 4(43). – С. 93–97.

Vasylieva O. A.

**Lexico-pragmatic markers of “uniqueness”
in modern automobile booklets**

The article is devoted to the main lexical markers of automobile uniqueness in modern automobile texts. In the scope of the research lexical means are underlined as superlatives. Also, it was examined the features of naming in modern automobile world as the means of psychological impact of manipulating public consciousness in advertising.

Key words: *lexical markers, lexical innovations, attraction, superlative, association.*

Долженко Дарья Александровна,
ст. преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
d_dolzhenko_03@mail.ru

Образ змеи в китайской лингвокультуре

Статья посвящена исследованию особенностей образа змеи в китайской лингвокультуре и его сопоставительному анализу с представлениями о змее в русской картине мира. Автор выявляет характерные особенности образа змеи, отраженные в древних мифах, сказках и легендах, а также поговорках и фразеологических единицах.

Ключевые слова: китайский язык, китайская лингвокультура, китайская мифология, образ змеи.

В процессе развития человечества у каждого народа формировались определенные ассоциативные образы, связанные с царством животных. В языковой картине мира наций под влиянием религии, легенд и мифов многие анималистические образы обрели особый символический смысл. Люди и животные всегда сосуществовали рядом друг с другом, долгое взаимодействие с животными и наблюдения за ними привели к тому, что люди начали подмечать их поведение, отличительные черты, повадки, способы приспособления к жизни. Эти знания впоследствии были использованы для образного описания взаимоотношений между людьми, особенностей характера или внешнего облика человека. Таким образом, в языке возникло большое количество фразеологизмов и поговорок, в которых отражаются образы царства зверей. Однако у каждого народа своя культурная и природная среда, традиции, обычаи и менталитет. Исходя из этого, можно говорить о том, что у разных национальностей проявляются разные психологические переживания, имеются особые ассоциации, связанные с одним и тем же животным, поэтому в каждой лингвокультуре появились уникальные ассоциативные образы животных, которые имеют богатое символическое значение, различия, а иногда даже противоречия.

Образ змеи является одним из ключевых образов китайской мифологии. О змеях сложены различные мифы, легенды и народные сказки, в которых они выступают как фантастические существа, часто представляющие собой симбиоз змеи и человека (змеи с человеческой головой, конечностями, змеи, обладающие магическими способностями). Так, например, одной из наиболее известных в китайской культуре змей, способных превращаться в человека, была Белая Змея из «Легенды о Белой Змее». Змееподобные существа также являются частью китайского божественного пантеона, например, божество ветров и волн Гунгун. Некоторых из них даже называют прародителями (легендарный первый правитель Китая Фуси и создательница человечества Нюйва). В древних китайских текстах Фуси и Нюйва описываются как змеи с человеческими головами, а иногда – как люди с драконьими или змеиными хвостами.

Цель данной статьи заключается в комплексном описании образа змеи в китайской лингвокультуре, а также его сопоставлении с представлениями о змее в русской картине мира.

Методологической базой исследования послужили работы китайских и отечественных исследователей (Б. Л. Рифтин, Д. Бодде, Юань Кэ, Ян Лихуэй, Ли Сюлян, Тянь Чжаоюань и др.).

В ключе исследования образа змеи наиболее ценным для нас представляется обращение к китайской мифологической традиции, так как именно мифология является основным источником зарождения данного образа и формирования устоявшихся представлений о данном существе. Положительный символизм образа заключается в том, что змея – это одно из 12 животных китайского зодиака, с ней связывают такие качества, как ум, талант, мудрость и грацию. Будучи шестым животным в китайском гороскопе, змея следует за драконом, который является пятым животным в 12-летнем цикле. Змею иногда называют «младшим драконом» либо «малым драконом» (小龙 [xiǎolóng]), считается, что дракон (龙 [lóng]) был создан по ее подобию. Таким образом, змея символизирует долголетие и бессмертие. Она часто связана с понятием 后土 [hòutǔ] (земля, мать сыра-земля) – бессмертной земли, на которой живут вечные существа. В китайской мифологии есть легенды о змеях, которые могут превращаться в бессмертных женщин и обладают магическими способностями. Змеи также ассоциируются с водой и дождем, одним из примеров является 雨师 [yǔshī] (Юй-ши), божество дождя, которое иногда изображается в виде змеи. Церемонии в честь Юй-ши проводились, чтобы обеспечить достаток воды для урожая [2, с. 102].

Образ змеи достаточно противоречивый, отображает как благородство и добродетель, так и страх и опасность. В китайской философии змея имеет глубокое символическое значение и широко используется для иллюстрации философских концепций. Так, в даосизме, змея ассоциируется с гибкостью и мудростью, а также долголетием и бессмертием, стремление к которому является важным с точки зрения философии даосизма. Змея, как символ изменчивости и приспособляемости, учит человека подражать природе и ее гибкости. В даосском тексте «Дао дэ цзин» говорится о том, что, подражая змее, человек может подняться до небес [3, с. 423]. Образ змеи также может быть использован для иллюстрации концепции инь и ян – двойственности во Вселенной. Ян представляет собой активное, мужское начало, тогда как инь – пассивное, женское начало. Змея, с ее способностью скользить между мирами, символизирует эту двойственность и равновесие между противоположностями. В конфуцианстве змея может ассоциироваться с духовностью и нравственностью, конфуцианские учения подчеркивают важность нравственных качеств и духовного развития, а змея может служить символом проникновения вглубь собственного «я».

Двойственность змеи отображается также и в мифических сказаниях и легендах, где данное существо представляется как положительный или отрицательный персонаж. Например, согласно «Легенде о Фуси», главным персонажем которой является китайское божество с головой человека и телом змеи по имени Фуси, люди обязаны змееподобному существу умениями ловить рыбу и готовить на огне пищу. Фуси первым сплел из веревки рыболовные сети. Также по легенде он считается изобретателем китайской иероглифической

письменности, создавшим первые 8 триграмм, которые стали основой для письма и китайской учености [5, с. 273]. «Легенда о Нюйве, слепившей людей» и «Легенда о Нюйве, спасшей людей» повествуют о китайской богине Нюйве. Нюйва изображается в виде полуженщины-полузмеи, считается, что именно она собственноручно создала людей, вылепив их из глины, а также разделила их на сословия, научила порождать себе подобных, добывать пищу и даже спасла человечество от великого потопа [5, с. 260]. Таким образом, Нюйва является одним из наиболее почитаемых божеств в китайской культуре, а также символом брака и плодородия. Существует, однако, и большое количество легенд о змеях-оборотнях, которые, вступая в контакт с людьми, питались их жизненными силами, что нередко приводило к смерти.

Образ змеи также часто встречается в китайских фразеологизмах и паремиях. Например, выражение 蛇心蝎骨 [*shé xīn xiē gǔ*] («сердце змеи, кости скорпиона») используется для описания предательства и коварства, что связано с восприятием змеи как хищника, который действует тайно и неожиданно: 别相信他,他是蛇心蝎骨 [*bié xiāngxìn tā, tā shé xīn xiē gǔ*] («не верь ему, у него сердце змеи, кости скорпиона»; обр. в значении «он плохой человек»). Данная коннотация образа также находит отражение в китайской литературе и искусстве, где змеи часто изображаются как злые существа.

Выражение 有头就会咬人的蛇 [*yǒu tóu jiù huì yǎo rén de shé*] («змея, у которой есть голова, в итоге ужалит») используется в качестве предостережения от людей или ситуаций, которые, на первый взгляд, безобидны, но могут представлять опасность в будущем.

Пословица 学蛇不寿 [*xué shé bù shòu*] («подражать змее в ее долголетию») призывает людей стремиться к знаниям и мудрости, как змея, которая, согласно поверьям, обретает долголетие; данное выражение также подчеркивает важность учения и развития. Выражение 蛇岭蛇分丘,人知知己知 [*shé lǐng shé fēn qiū, rén zhī zhī jǐ zhī*] («змеи на одной горе делятся холмами, а люди – знаниями») подчеркивает ценность обмена знаниями и дружеских отношений. С помощью фразеологической единицы 灵蛇珠 [*líng shé zhū*] («жемчужина чудесной змеи») можно указать на острый ум человека, его мудрость, точность и уместность сказанных им слов.

Русским аналогом фразеологизма 虎头蛇尾 [*hǔ tóu shé wěi*] является выражение «начинать за здравие, заканчивать за упокой», букв. «тигриная голова, змеиный хвост». Тигр с его могуществом и силой всегда почитался носителями китайской культуры и считался защитником, символом военной отваги, таким образом, сильная голова тигра противопоставляется тонкому и слабому телу змеи. В качестве примера использования данного выражения можно привести следующее предложение: 做任何事都不能虎头蛇尾,要认真真地坚持到底 [*zuò rènhé shì dōu bù néng hǔ tóu shé wěi, yào rèn rèn zhēn zhēn de jiān chí dào dǐ*] («при выполнении любого дела нельзя начинать за здравие, а заканчивать за упокой, нужно старательно доводить его до конца»). Фразеологизм 枭蛇鬼怪 [*xiāo shé guǐ guài*] («сова и змея подобны чудовищам») описывает людей с достаточно неприятной внешностью.

Идиома 佛口蛇心 [*fó kǒu shé xīn*] («уста Будды, а сердце змеи»; обр. в значении «лицемерие, коварство») также иллюстрирует негативную коннотацию образа змеи: 他伙佛口蛇心,不要相信他 [*zhè jiāhuo fó kǒu shé xīn, bú yào xiāngxìn tā*] («у него уста Будды, а душа змеи, не верь ему»).

Рассмотрим еще несколько фразеологизмов: 打草惊蛇 [*dǎcǎo jīngshé*] («косил траву, спугнул змею»; обр. «вспугнуть, насторожить, привлечь внимание»); 警方守候多日, 就是怕打草惊蛇, 让歹徒溜了 [*jǐngfāng shǒuhòu duō rì, jiù shì pà dǎ cǎo jīng shé, ràng dǎitú liū le*] («полиция долго выслеживала преступников, боялась спугнуть змей, потревожив траву, из-за чего преступники могли бы скрыться»). 蛇头 [*shé tóu*] («змеиная голова»; обр. в значении «человек, занимающийся нелегальной переправой людей через границу») – данное выражение имеет историческое, а не мифологическое происхождение, в давние времена в Гонконг стремилась попасть молодежь из континентального Китая, они сворачивались в трюме, как змеи, и нелегально прибывали в Гонконг. Жители Гонконга называли их 人蛇 [*rénshé*] («нелегальный иммигрант»), а людей, которые способствовали такой нелегальной иммиграции – 蛇头 [*shé tóu*] («змеиная голова») [3, с. 111]. Идиома 龙屈蛇伸 [*lóng qū shé shēn*] («дракон согнется, змея распрямится», обр. в значении «когда благородный человек терпит поражение, подлец добивается успехов») также подчеркивает змеиную подлость.

Таким образом, мы можем говорить о том, что образ змеи в китайских фразеологизмах и поговорках обладает, в основном, негативными коннотациями, змея в китайской фразеологии символизирует лицемерие, коварство, подлость, злость, нелегальные действия, однако также соотносится с долголетием и мудростью.

В большинстве русских фразеологизмов, как и китайских, змея соотносится с негативными чертами характера, такими, как злость, подлость, лицемерие, агрессивность, жестокость. В качестве примеров можно привести следующие выражения: «выкормил змейку на свою шейку»; «змея мягка снаружи, да ядовита внутри»; «голосок соловьиный, а жало змеиное»; «змея кусает не ради сытости, а ради лихости»; «пригрели змейку, а она тебя за шейку»; «отогрел змею за пазухой». Тем не менее, нами также были обнаружены выражения, в которых присутствует снисходительный оттенок по отношению к змеям: «доброе слово и змея разумеет»; «под хорошую музыку и змеи пляшут»; «змея один раз в год меняет кожу, а предатель – каждый день». Несмотря на то, что в данных фразеологизмах образ змеи не наделен исключительно положительными коннотациями, он уже не является резко негативным, таким образом, положительные качества змеи подчеркиваются посредством отрицательных.

В то же время, в русском фольклоре змеи упоминаются и как защитники. Например, в русских легендах и преданиях ужи выступают как домашние покровители, считалось, что, если уж поселился в доме – это счастливый знак, так как он отгонял ядовитых змей и лягушек, охраняя таким образом скот. В ужа также мог обращаться домой, который считался хранителем избы, поэтому убийство домашней змеи считалось грехом: «Сии пресмыкающиеся почитались у некоторых славян домашними богами, им приносили в жертву молоко, сыр, яйца и все то, что на стол поставлялось. Запрещено было всем делать сим животным вред, а в противном случае жестоко наказывали, а иногда и жизни лишали преступников сего закона» [4, с. 231].

Люди также верили, что змеи могут одаривать магическими предметами или способностями – целебным растением, которое оживляет мертвых, или волшебной разрыв-травой, открывающей замки. А если убить особенную,

белую змею, которая является главной среди всех змей, вытопить сало и намазать им себе глаза, то человек сможет увидеть спрятанные под землей клады.

Несмотря на описанные выше положительные стороны взаимодействия со змеями, в русском фольклоре образ змеи обычно имеет негативную коннотацию и противопоставляется образу главного героя, наделенного смелостью, добротой и отвагой. Многоголовое чудовище похищало девушек или требовало их на съедение от жителей осажденного города. В легендах описываются и встречи с лесными гадами. Например, считалось, что на праздник Воздвижения Креста Господня (27 сентября) нельзя ходить в лес, так как в это время змеи особенно активны, они готовятся уходить в землю на зимнюю спячку. Человек, который нарушал запрет, попадал в змеиное царство, и ему грозила опасность [4, с. 235].

Двойственное отношение к пресмыкающимся отразилось в представлениях об их огненной и водной природе. Змеи, как и другие гады, связаны с суевериями о дожде. Их появление в сказках сопровождалось громом и бурей. В то же время змей символизировал огонь, изрыгал пламя, от него исходил дым и искры.

Таким образом, проведя сравнительный анализ образа змеи в китайской и русской лингвокультурах, мы можем говорить о том, что данный образ является достаточно противоречивым. Несмотря на то, что в китайской культуре змеи представляют собой нечто сакральное, а змееподобные существа являются частью божественного пантеона, нами также были обнаружены негативные коннотации образа. Змея в китайской культуре символизирует как мудрость, талант, добродетель и долголетие, так и лицемерие, коварство, злость и подлость. В русской культуре образ змеи так же неоднозначен, преобладают негативные коннотации – змея олицетворяет злость, подлость, лицемерие, агрессивность и жестокость. Однако змеи, в частности ужи, также предстают как защитники и источники магических сил и знаний. Очень редко можно встретить и нейтральную коннотацию, которая, скорее, указывает на снисходительное отношении к змеям, нежели подчеркивает их положительные качества. В результате анализа нами было обнаружено достаточно большое количество сходств в коннотациях образа змеи в обеих культурах, что позволяет говорить о родстве мировых культур, в частности китайской и русской.

Список литературы

1. БКРС (Большой китайско-русский словарь) : [сайт]. – URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 10.11.2023). – Текст : электронный.
2. Бодде, Д. Мифы древнего Китая / Д. Бодде. – М. : Просвещение, 1977. – 278 с.
3. Тянь, Чжаоюань Очерки мифологии и эстетики / Чжаоюань Тянь. – Шанхай : Шанхайское изд-во лит. и искусства, 2007. – 536 с.
4. Чулков, М. Д. Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов колдовства, шаманства и проч / М. Д. Чулков. – М. : Тип. Ф. Гиппиуса, 1786. – 326 с.
5. Юань, Кэ. Мифы древнего Китая / Кэ Юань. – М. : Наука, 1987. – 527 с.

Dolzhenko D. A.

The snake's Image in Chinese Linguistic Culture

The article is dedicated to the study of the snake's image peculiarities in Chinese linguistic and cultural context, in addition to its comparative analysis with the perceptions of snakes in Russian worldview. The author identifies distinctive features of the snake's image as depicted in ancient myths, fairy tales, and legends, as well as in proverbs and phraseological units.

Key words: *Chinese language, Chinese linguistic culture, Chinese mythology, image of the snake.*

УДК 81'271:001

Некрутенко Елена Борисовна,
канд. пед. наук, доцент кафедры теории и
практики перевода
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
elena.summerhill@yandex.ua

Зайцева Анна Юрьевна,
преподаватель кафедры теории и
практики перевода
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
vasilenko0905@mail.ru

Проблема изучения языковой личности как многоаспектного феномена

Статья посвящена характеристике языковой личности и ее значению в современной лингвистике. Рассмотрены некоторые подходы к определению моделей языковой личности в современной лингвистике. Исследованы типы и виды языковой личности. Исследованы типологии определения языковой личности с различных позиций: этнокультурологии лингвистики, психолингвистики, социокультурной лингвистики, социологии.

Ключевые слова: языковая личность, типы и виды языковой личности, направления в изучении языковой личности.

Актуальность обозначенной проблемы заключается в растущем интересе к языковой личности (далее – ЯЛ), поскольку это явление исследуется с разных позиций и классифицируется по различным основаниям. На современном этапе человек все больше проявляет потребность познать себя с различных сторон, в том числе и через языковые единицы, поэтому проблема изучения языковой личности, несмотря на ее длинную историю, является открытой и представляет широкое пространство для междисциплинарных исследований.

За последнее десятилетие в России было защищено большое количество кандидатских и докторских диссертаций, были опубликованы монографии и статьи, предметом исследований которых становится языковая личность. Это и подтверждает актуальность данной тематики.

Цель статьи – рассмотреть проблему изучения языковой личности как многоаспектного феномена.

Понятие языковой личности обсуждалось еще в античности как «язык и личность» и вызывало много дискуссий. Среди зарубежных лингвистов, изучавших это явление, были такие языковеды, как В. Гумбольдт, И. А. Бодуэн де Куртене, Ф. де Соссюр, Э. Сепир и др. Отечественные ученые-лингвисты А. М. Пешковский, В. В. Виноградов, Р. А. Будагов и другие также внесли большой вклад в развитие данной проблемы.

На современном этапе мы можем наблюдать несколько направлений в изучении ЯЛ:

– разработка модели языковой личности (Ю. Н. Караулова, Г. И. Богина, С. Г. Воркачева);

– анализ языковой личности как homo loquens (Г. В. Ейгер, С. В. Лебедева, И. А. Раппопорт, А. А. Залевская);

– рассмотрение языковой личности как носителя национального языка и культуры (Н. В. Уфимцева, Н. Л. Чулкина, В. М. Богуславский);

– выделение социолингвистического или психологического подтипа – языковая личность ребенка, интеллигента, жителя деревни, ведущего и т. д. (А. В. Захарова, Л. П. Крысин, Г. Н. Беспмятнова, Т. А. Ивушкина, М. В. Ляпон);

– переход от языковой личности к речевой личности (Л. П. Клобукова, Е. Ю. Прохоров, В. В. Красных) и др. [5].

Несмотря на то что, понятие «языковой личности» уже было определено Г. Штейнталем, В. Вундтом и А. А. Шахматовым, в отечественную лингвистику этот термин был введен В. В. Виноградовым в его работе «О художественной прозе» (1930). Он представил ЯЛ с позиции личности автора и личности персонажа, говоря, что: «проблемы изучения типов монолога в художественной прозе находятся в тесной связи с вопросом о приемах конструирования «художественно-языкового сознания», образа говорящего или пишущего лица в литературном творчестве» [4, с. 154–162].

Отношение художественного «я» автора способно изменить образ говорящего / персонажа в зависимости от отношений автора, он может стать тускло или ярко выраженным. Сам по себе образ авторского «я» в произведении не проявляется, но мы можем его наблюдать в общих языковых признаках речи персонажа как скрытое «я» писателя.

Позднее А. А. Леонтьев раскрыл проблему языковой способности говорящей личности и создал словарь ассоциативных норм, а Г. И. Богин в своей диссертации разработал модель языковой личности и рассмотрел ЯЛ как готовность человека к производству речевых поступков.

Ю. Н. Караулов в своих работах показал языковую личность в качестве «совокупности способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [6, с. 3]. После его исследования количество характеристик при описании ЯЛ существенно увеличилось. К. Ф. Седов характеризовал ЯЛ как человека в его способности совершать речевые поступки.

В. В. Красных в своей работе «„Свой“ среди чужих: миф или реальность?» доказывал, что ЯЛ – «личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая определенной совокупностью знаний и представлений», а Е. В. Барсукова утверждала, что ЯЛ – «носитель ценностных ориентаций и создатель текстов, использующий системные средства языка для отражения восприятия и видения окружающей действительности, для достижения определенных целей в этом мире» [2, с. 7].

Таким образом, учитывая все предложенные определения для понятия ЯЛ, мы можем предположить, что все они имеют одно основное сходство: языковая личность – это человек, индивид. В. В. Наумов также заявляет, что «абсолютно все носители языка являются индивидуумами, языковыми личностями, наделенными одинаковыми потенциальными возможностями в отношении родного языка» [9, с. 26].

После этого заявления определение термина, введенного В. В. Виноградовым и Ю. Н. Карауловым, почти потеряло свой

терминологический статус. В итоге этот процесс окончился тем, что данный термин приобрел множественное число («языковые личности») и стал определением для всех носителей языка, в том числе и вымышленных.

В соответствии со «ступенями сущности человека», А. В. Пузырев выделяет:

- личность мыслящую;
- языковую личность (владеющую определенным языком);
- личность говорящую;
- личность коммуницирующую [1, с. 25].

Первые две личности являются общими, третья названа автором особенной, а последняя – единичным проявлением.

В. В. Красных утверждает, что существует 4 языковых личности:

1) *homo loquens* (суперординатная категория) – «человек говорящий»: обозначает «личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность (охватывающая как процесс порождения, так и процесс восприятия речевых произведений)»;

2) собственно языковая личность (базовая категория / суперординатная категория) – личность, проявляющая себя в речевой деятельности;

3) речевая личность (базовая категория / суперординатная категория) – личность, проявляющаяся в коммуникации, использующая тот или иной репертуар средств (лингвистические или экстралингвистические);

4) коммуникативная личность (субординатная категория) – конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации [8, с. 151].

Н. А. Маркина в своей работе «Текст как способ презентации языкового сознания» предполагает, что личность – это «средоточие и результат социальных законов, продукт исторического развития этноса, создатель и пользователь знаковых, т. е. системно структурных по своей природе образований» [2, с. 12–15]. По ее мнению, изучение ЯЛ с позиции лингвистики позволит исследовать взаимодействие всех функциональных языковых свойств.

Исходя из всех характеристик и исследований, можно прийти к выводу, что при описании понятия ЯЛ необходимо принимать во внимание особенности языка в конкретный период и стадию его развития, а также учитывать психологические, социальные и другие особенности личности. Существует обширное количество типологий определения ЯЛ с различных позиций: этнокультурной лингвистики, психолингвистики, социокультурной лингвистики, социологии. Чаще всего типы и виды ЯЛ определяются термином «модели».

И. Т. Вепрева утверждает, что концепции языковой личности современной лингвистики – это различные трактовки «по Караулову». Это предположение исходит из того факта, что модель Ю. Н. Караулова является самой популярной. Учёным выделяется три уровня существования языковой личности, где каждый отличается своими лексическими единицами:

1) вербально-семантический (структурно-системный) уровень (лексикон), элементами которого являются слова, грамматические, парадигматические, семантико-синтаксические, ассоциативные структуры, модели словосочетаний и предложений; этот уровень подразумевает объединение личностей в группы, этносы;

2) лингвокогнитивный (тезаурус), в котором отражена картина мира, иерархия духовных ценностей. Здесь личности также объединены в этнические группы в связи с национально-культурными традициями;

3) мотивационный (прагматический) уровень, отражается за счет желаний и побуждений личности, которые могут охватывать следующие коммуникационные потребности: надежды, желания, страхи, проявления любви/ненависти, симпатии, и прочих эмоциональных состояний [7, с. 89].

Также стоит отметить философский подход к изучению языковой реальности А. В. Пузырева. Ученый считает, что каждый индивидуум является проявлением общечеловеческой (универсальной), национальной (общей), социальной (профессиональной, особенной) и индивидуальной (неповторимой) культур [1, с. 14].

Г. И. Богин в своей работе «Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов» разработал лингводидактическую модель для применения в обучении иностранному языку и включает пять уровней развития:

- 1) уровень правильности;
- 2) уровень интериоризации;
- 3) уровень насыщенности;
- 4) уровень адекватного выбора;
- 5) уровень адекватного синтеза [3, с. 27–28].

Автор полагает, что «языковая личность закономерным образом развивается от одного уровня готовности действия с речевым произведением к другому, а также то, что результат этого развития может быть описан в упорядоченной форме» [3, с. 3].

В. И. Карасик в своей типологии ЯЛ определяет ее как единство речевой деятельности и речевой организации человека. Автор выделяет пять аспектов:

- 1) языковая способность как возможность научиться вести речевое общение;
- 2) коммуникативная потребность;
- 3) коммуникативная компетенция как умение осуществлять общение во всех регистрах;
- 4) языковое сознание как вербальное «отражение во внутреннем мире внешнего мира»;
- 5) речевое поведение как осознанная и неосознанная система поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека.

Отличие модели В. И. Карасика от первых двух заключается во внедрении поведенческого аспекта и то, что его классификация не иерархична. Наличие этих двух особенностей позволяет исследовать ЯЛ как участника речевого поведения на разных уровнях взаимодействия.

В своем исследовании языковой личности И. П. Сусов отмечает следующие уровни:

- 1) формально-семантический;
- 2) когнитивно-интерпретационный;
- 3) социально-интерактивный.

Однако В. Д. Лютикова, напротив, утверждает, что уровневая модель языковой личности, слишком обобщена и поэтому ее не всегда можно применить к изучению конкретной личности. В данном случае необходимо

определить вербальный, когнитивный и прагматический уровни речевого поведения. В. Д. Лютикова также отмечает, что любая личность соединяет в себе элементы стабильности и изменчивости, подвергается внешнему влиянию и имеет внутренние конфликты разного характера. Данные факторы усложняют структуру языковой личности.

В. И. Тхорик и Н. Ю. Фанян обозначают пять аспектов речевой организации человека:

1) языковая способность как органическая возможность научиться вести речевое общение;

2) коммуникативная потребность, то есть адресность, направленность на коммуникативные условия, на участников общения, языковой коллектив;

3) коммуникативная компетенция как выработанное умение осуществлять общение в его различных регистрах для оптимального достижения цели; компетенцией человек овладевает в то время, как способности можно лишь развить;

4) языковое сознание как активное вербальное отражение во внутреннем мире внешнего мира;

5) речевое поведение как осознанная и неосознанная система поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека [4, с. 24].

С позиций психологии сформировано два основных подхода к изучению ЯЛ: получение языковой способности по наследству (Н. Хомский) и формирование языковой способности посредством нейрофизиологических предпосылок (А. В. Запорожец, Б. М. Теплов). Однако, если первый подход подразумевает изначально заложенный материал, то последнее может быть реализовано только в социальной деятельности.

А. А. Леонтьев сформировал понятие речевой организации индивида посредством внедрения в нее языковой способности как «совокупность физиологических и психологических условий, обеспечивающих производство, воспроизводство и адекватное восприятие языковых знаков членами языкового коллектива», речевую деятельность, т. е. языковой процесс как «реализацию языковым коллективом языковой способности в определенных культурных условиях для целей коммуникации и мышления» и языковую систему, или языковой стандарт, т. е. «упорядоченную систему элементов языковой деятельности».

В социологии выделяют прагматическую характеристику ЯЛ, в которую входят три фактора: мотивационный, когнитивный и функциональный. Мотив здесь является основополагающим элементом, так как с его помощью запускается деятельность и определяется цель. Он может быть смыслообразующим и побудительным, от чего формируется «качество мотивации».

Когнитивный фактор формирует внутренний мир ЯЛ в процессе познания внешнего, познание коммуникативных кодов, с помощью которых индивид способен получать информацию и оценивать ее значимость.

Функциональный фактор имеет три особенности:

1) умение применять вербальные и невербальные средства коммуникации;

2) умение подстраивать эти средства в зависимости от хода речевой ситуации;

3) умение вести беседу в соответствии нормами и правилами речевого этикета [10, с. 4].

М. М. Бахтин представил более обобщенную типологию ЯЛ в рамках философии. Его исследование опиралось на идею взаимосвязи философии, психологии и филологии. Этот синтез привел к понятию «ценностно-смысловая картина мира». Оно связано с наличием в структуре личности экзистенциального ядра – представления о смысле жизни, что влияет на выбор жизненных ценностей, идеалов, установок. Данная модель выглядит как взаимодействие «интенции – высказывания – оценки», где отражены все уровни Ю. Н. Караулова и лингвистический комплекс (язык-речь-дискурс), что позволяет рассматривать ЯЛ в более широком контексте, имеющем экзистенциальную направленность.

Таким образом, рассмотрев некоторые подходы к определению моделей личности, мы можем выделить некоторые схожие характеристики ЯЛ. Основным фактором характеристики ЯЛ является упоминание языковой способности как основного навыка для последующего выстраивания речевой коммуникации. Динамику ЯЛ описывают как продвижение от одного уровня освоения языка к другому (Ю. Н. Караулов, Г. И. Богин) и с точки зрения структуры и содержания внешнего выражения языковой способности. Несмотря на универсальность определения М. М. Бахтина, мы считаем, что модель ЯЛ Ю. Н. Караулова является более продуктивной, так как объединяет в себе социальные, психологические и этические аспекты.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в анализе особенностей современной языковой личности в контексте политического дискурса.

Список литературы

1. **Асташова, О. И.** Речевой портрет политика как динамический феномен : спец. 10.02.01 «Рус. яз.» : дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Асташова Ольга Игоревна ; Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2013. – 245 с.
2. **Барсукова, Е. В.** Языковая личность как категория исторической культурологии : на материале «Архива князя Воронцова» : спец. 24.00.01 «Теория и история культуры» : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. культурологии / Барсукова Елена Викторовна ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2007. – 25 с.
3. **Богин, Г. И.** Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : спец. 10.02.19 «Теория языка» : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук / Богин Георгий Исаевич ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова, Филол. фак. – Л., 1984. – 31 с.
4. **Дейк, Т. ван.** Дискурс и власть : репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Тен ван Дейк. – М. : Либроком, 2013. – 337 с.
5. **Дымарский, М. Я.** Речевая культура и речевая манера (к проблеме оценки нормативности речевой практики) / М. Я. Дымарский // Русский язык сегодня : сб. ст. / [редкол.: М. В. Китайгородская и др.]. – Люберцы (Моск. обл.), 2006. – Вып. 4 : Проблемы языковой нормы. – С. 173–186.
6. **Караулов, Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 263 с.

7. **Караулов, Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 4-е изд. – М. : ЛКИ : УРСС Эдиториал, 2010. – 363 с.
8. **Кохтев, Н. Н.** Культура ораторской речи / Н. Н. Кохтев // Культура русской речи : учеб. для вузов / отв. ред.: Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. – М., 2000. – С. 98–148.
9. **Наумов, В. В.** Лингвистическая идентификация личности / В. В. Наумов. – М. : КомКнига, 2006. – 206 с.
10. **Телия, В. Н.** Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 288 с.

**Nekrutenko E. B.,
Zaitseva A. Yu.**

The Problem of Studying the Linguistic Personality as a Multi-aspect Phenomenon

The article is devoted to the characteristics of the linguistic personality and its significance in modern linguistics. Some approaches to the definition of linguistic personality models in modern linguistics are considered. The types and forms of the linguistic personality are investigated. The typologies of the definition of the linguistic personality are studied from various positions: ethnic and cultural studies, linguistics, psycholinguistics, sociocultural linguistics, sociology.

Key words: *linguistic personality, types and forms of the linguistic personality, directions in the study of the linguistic personality.*

УДК 821.112.2

Скляр Наталья Владимировна,
канд. филол. наук, доцент,
заведующий кафедрой
романо-германской филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
natalieskljar@mail.ru

Чаплыгина Ангелина Сергеевна,
студент 2 курса магистратуры
Института филологии и социальных коммуникаций,
направление подготовки «Немецкий и второй
иностранный язык (английский)»
angelyusik0314@gmail.com

Лингвостилистическая специфика немецкоязычного и русскоязычного сказочного дискурса: сравнительный аспект

В статье рассматриваются особенности языковой выразительности немецкой и русской народной сказки, подчеркивается их схожесть и отличие. Цель исследования заключается в выявлении специфики языкового выражения в народных сказках как феномене культуры, а также в сравнительном анализе стилистических средств и приемов, используемых в них. Ожидается, что результаты исследования позволят лучше понять специфику языка немецкой и русской народной сказки, а также выявить общие и отличительные черты в стилистическом аспекте.

Ключевые слова: народная сказка, стилистика, немецкий язык, русский язык, культура, сравнительный анализ.

Одной из самых древних форм устного народного творчества является сказка. Сказка – это сохраненная память народной и нравственной идеи, воплощенная в образном, ясном и точном слове. У каждого народа в сказке отражены национальная культура и быт. Любой сборник сказок живописно представляет национальные особенности или черты своей страны и своего народа. Сказки являются не просто литературными произведениями, это своеобразные исторические свидетельства о культуре, быте, нравах и обычаях страны.

Народная сказка – одна из наиболее распространенных форм фольклорного наследия, отражающая культурные и традиционные особенности народа, его мировоззрение и ценности. Основными чертами народной сказки являются простота сюжета и доступность языковых средств для всех слоев общества, а также ее универсальность. Она может быть понятна как детям, так и взрослым, ее моральные поучения актуальны для любого времени и эпохи. Народные сказки не ограничены географическими или культурными

рамками, они находят отклик в сердцах людей разных национальностей. Важно отметить, что сказка считается обобщающим понятием, выделяют два вида сказок: народные (фольклорные) – придуманные народом сказки, которые передаются из поколения в поколение только устным путем и авторские (литературные) сказки, которые обязательно имеют автора и могут быть написаны в прозаической или стихотворной форме.

За долгие годы своего становления и развития этот жанр превратился в универсальный, однако же, фундаментом для литературной сказки послужила именно народная сказка. История народной сказки начиналась с древних времен, когда сказания, легенды, басни и вымыслы передавались из уст в уста, которые впоследствии брались за основу и переписывались авторами.

Говоря конкретнее о термине «народная сказка», необходимо подчеркнуть, что этот жанр связан непосредственно с вымышленными рассказами. В толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля представлено следующее определение: «Сказка – повествовательное, обычно народнопоэтическое, произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил» [9, с. 243].

Одно из самых актуальных определений – «народная сказка» – принадлежит А. И. Никифорову, который толковал сказку не только по признакам и стилистическим особенностям, но и по отношению самого народа к ней. А. И. Никифоров дал народной сказке следующее определение: «Сказки – это устные рассказы, бытующие в народе с целью развлечения, имеющие содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающиеся специальным композиционно-стилистическим построением» [7, с. 7].

Что касается стилистических особенностей народной сказки, необходимо отметить, что в современных условиях развития литературы они приобретают большое значение в связи с развитием языковой и лингвострановедческой компетенции. Текст народной сказки является особым материалом для лингвистического изучения, который отличается от официального и литературного языка. Он отражает уникальные особенности культуры и национальной идентичности народа.

Язык народной сказки имеет свои специфичные особенности, которые привлекают внимание исследователей. В свою очередь, немецкие и русские народные сказки характеризуются использованием ярких образов и символики. Эти стилистические особенности служат для создания фантастического и захватывающего мира, эмоционального акцента. Так, в немецких народных сказках особенно распространено использование знаков и символов: такие предметы, как зеркало и яблоко, несут определенное значение в сказке «Schneewittchen» (рус. «Белоснежка и семь гномов»). Яблоко испокон веков выступает ассоциацией с искушением, грехом, запретным плодом, который в немецкой сказке о Белоснежке являет собой провокацию и опасность. Этот плод – приманка, с помощью которой злая мачеха хочет погубить главную героиню. Яркий пример использования яблока как символа источника зла и испытания: «Der Apfel sah herrlich aus, voll, mit rötlichen Fässern, so dass jeder, der ihn ansah, ihn probieren wollte, aber wenn man in ihn hineinbiss, würde man sterben» [10, с. 257] *Яблоко было чудесное, полное, с красноватыми бочками,*

так что каждый, кто смотрел на него, хотел попробовать его на вкус, но если его надкусить, то умрешь.

Точно так же и в русских народных сказках часто используют образы и символы, придающие сказочному миру пушечего волшебства и символичности. Так, например, в сказке А. Н. Афанасьева «Незнайко» в самом начале символом выступает некий остров: «Начинается сказка от сивки, от бурки, от вещей каурки. На море на океане, на острове на Буяне стоит бык печеный...». Остров-Буян – это «небеса и убежище»: символ, который встречается в бесчисленном количестве мифов и легенд. Остров может выступать как духовная цель или местообитание избранных бессмертных, как заколдованное место, но он – всегда таинственное «где-то», мир обособленный и трудно достигаемый [11].

Особую стилистическую окраску народным сказкам, как русским, так и немецким, придают разнообразные стилистические приемы, такие как метафоры. Метафора в сказке – это не просто стилистическое средство, не просто системный признак текста сказки, она аккумулирует в себе народную мудрость об основных культурных и моральных ценностях. Именно к ним в немецкоязычных народных сказках проявляется заметное внимание, как, к примеру, в сказке «Brüderchen und Schwesterchen» (рус. «Братец и сестрица»): «Gott und unsere Herzen, die weinen zusammen!» *И небо, и сердца наши заодно плачут!*

Метафора становится выражением самой сути романтического мировосприятия и создает особую языковую картину мира в русской сказке А. Н. Афанасьева «Лиса и журавль»: «Взяла лису досада, думала, что наестся на целую неделю, а домой пошла, как несолоно хлебала» [1, с. 44].

Пожалуй, самое значимое место в немецких народных сказках занимают эпитеты, так как встречаются чаще, чем в русской, и показывают читателю красочность речи и выразительность описания. Благодаря использованию эпитетов появляется возможность узнать больше о внешности героя, о его внутренних качествах и чертах характера. В сказке «Der Fuchs und die Frau Gevatterin» (рус. «Лиса и кума») для описания тех или иных предметов, явлений и живых существ обращаются к следующим эпитетам: «liebe Frau» – *дорогая жена*, «guten Verstand» – *добрый ум*, «ganz ehrbar» – *весьма почтенный*, «gutes Stück» – *хороший кусок*, «scharfe Lauge» – *резкий щелок*, «ungebrannter Asche» – *несгоревший пепел*.

Эпитеты как одно из основных лексических средств выразительности встречается и в русских народных сказках. Например, А. Н. Афанасьев в сказках про животных описывал своих героев, часто не придавая большого значения описанию их внешности, поэтому в его сказках трудно найти эпитеты, но даже если они есть – они простые, как в сказках «Лисичка-сестричка и волк» и «Лиса и Журавль»: «хатка лубяная», «ледяная», «глубокой яме», «званный пир».

Описанные стилистические приемы не только добавляют сказкам общей эстетической привлекательности, но и помогают передать более глубокие смыслы и темы. Синтаксические средства выразительности не остаются без внимания, так как необходимы для полного исследования стилистических особенностей сказки. Особый строй предложения способствует усилению эмоционального воздействия на читателя.

Диалог и характеристика героев играют решающую роль в немецких и русских народных сказках [4]. Персонажи часто изображаются масштабно, с преувеличенными чертами характера, подчеркивая их роль в повествовании. Они часто говорят в отчетливой и запоминающейся манере, что усиливает их общую характеристику. Например, в немецких сказках использование диалектов и региональных акцентов может помочь различать персонажей и придать сказке ощущение аутентичности. Так, например, в сказке «Der Fuchs und die Frau Gevatterin» (рус. «Лиса и кума») есть следующие диалектные формы слов: «Kindlein» – *ребеночек*, «Liebwerte» – *дорогой*, «Hühnlein» – *цыпленочек*, «kläglich» – *несчастный, жалобный* [9].

Диалектные факты русского языка, просторечия помогают погрузиться в мир самобытности, знакомят читателя с лексикой определённой территории, с особенностями народно-разговорной формы речи. Очень красочный пример использования этого синтаксического приема можно увидеть в сказке «Лисичка-сестричка и волк»: «Ах ты, старый хрен! Такой-сякой! Ты еще вздумал обманывать!» [2, с. 11].

Лексический повтор придает экспрессивности произведениям фольклора и делает текст эмоционально более выразительным, служит для создания чувства ритма и структуры сказки, помогая увлечь слушателя или читателя и поддержать их интерес. При этом определенные фразы или мотивы повторяются для усиления их важности. В немецких сказках повторение часто используется для создания чувства предвкушения, при этом определенные фразы или действия повторяются на протяжении всей сказки, чтобы создать напряжение [9]. К примеру, обращение в сказке «Der Fuchs und die Frau Gevatterin» (рус. «Лиса и Кума») «Ach, liebe Frau Gevatterin, wie ist mirs schlimm ergangen!» *Ах, милая мадам, как мне плохо!* повторяется шесть раз.

В русских народных сказках использование повторов и шаблонных фраз в диалоге может помочь установить мотивы персонажей, которые приобретают отрицательный или положительный характер [4]. В сказке «Лисичка сестричка и серый волк» повторов множество, таким образом Лиса злорадствовала над Волком: «Кум сел, и хвост опустил в прорубь, а кума ворчит: «Ясни, ясни на небе! Мерзни, мерзни, волчий хвост!» [2, с. 14]. Без повторов текст народной сказки становится менее насыщенным и менее динамичным. Синтаксические средства выразительности отличают народную сказку от других видов народного творчества. Они служат для передачи глубины национальных особенностей языка, что делает их ценным аспектом культурных традиций.

Еще одна важная стилистическая характеристика заключается в существенном различии сказок по лексике и языковым структурам. В немецких сказках, как правило, используются более усложненные структуры предложений и широкий лексический спектр, что отражает сильно изменяющуюся природу языка [1]. Наглядно это можно увидеть в сказке «Бременские уличные музыканты» в самом начале сказки: «Es war einmal ein Mann, der hatte einen Esel, welcher schon lange Jahre unverdrossen die Säcke in die Mühle getragen hatte. Nun aber gingen die Kräfte des Esels zu Ende, so daß er zur Arbeit nicht mehr taugte. Da dachte der Herr daran, ihn wegzugehen. Aber der Esel merkte, daß sein Herr etwas Böses im Sinn hatte, lief fort und machte sich auf den Weg nach Bremen. Dort, so meinte er, könnte er ja Stadtmusikant werden.» *У одного хозяина осел, который уж много лет кряду таскал да таскал кули*

на мельницу, да наконец-таки обессилел и начал становиться к работе непригодным. Хозяин стал соображать, как бы его с корму долой сбить; но осел вовремя заметил, что дело не к добру клонится, убежал от хозяина и направился по дороге в Бремен: там, мол, буду я городским музыкантом. Пример демонстрирует языковое разнообразие, вариативность лексических единиц.

Русские сказки, напротив, часто имеют более простую структуру предложений и более простой словарный запас. Эту разницу можно объяснить тем, что в русском языке меньше флексий и более простой порядок слов. В русской народной сказке «Иванушка-дурачок» очень понятный и последовательный сюжет в зачине: «Был-жил старик со старухой; у них было три сына: двое – умные, третий – Иванушка-дурачок. Умные-то овец в поле пасли, а дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил».

Несмотря на большое количество различий народных сказок двух народов, им присущи и сходства, одним из которых являются архаичные слова и выражения. Они подчеркивают уникальный стиль и тон каждой культуры. В основном во многих случаях в русских сказках представлены лексические архаизмы. Например, можно увидеть не пару слов, а сразу большое их разнообразие, как в сказке А. Н. Афанасьева «Колобок»: «Я по коробу скребен. По сусеку метен. На сметане мешон. Да в масле пряжон. На окошке стужон; Я от дедушки ушел. Я от бабушки ушел. Я от зайца ушел. От тебя, волка, не хитро уйти!» Архаизмы – необходимая фигура синтаксических средств, которая раскрывает особенности разговорного немецкого языка тех времен. Во всех произведениях братьев Grimm использован архаизм, то есть устаревшая форма слова или словосочетания, которое уже много лет назад вышло из употребления. Однако часто авторы склонялись больше к грамматическим формам архаизмов, как в сказке «Dornröschen» (рус. «Спящая красавица»): «Das Fest ward mitaller Prachtgefeiert» *Праздник был отмечен со всем великолетием.*

Культурное и историческое влияние также играет значительную роль в языке немецких и русских народных сказок. Немецкие сказки часто отражают богатую культурную и литературную историю, опираясь на темы и мотивы средневековой литературы и мифологии. С другой стороны, русские сказки включают в себя элементы православия и славянского фольклора, отражая уникальное культурное наследие страны. Эти культурные влияния отражены в языке, которым написана сказка. Немецкие сказки отличаются более формальным и витиеватым языком, тогда как русские сказки, как правило, более прямолинейны и непосредственны [6].

В ходе исследования было выявлено, что немецкая и русская народные сказки обладают спецификой в стилистическом аспекте. Сравнивая их стилистические особенности, можно убедиться в своеобразности мировоззрений и выявить культурные и страноведческие явления. Язык каждого народа уникален и только благодаря анализу представлена возможность более глубоко погрузиться в него. В исследовании рассмотрены различные немецкие и русские народные сказки, а также проведен сравнительный анализ стилистических особенностей, а именно лексических и синтаксических средств выразительности. Анализ немецких народных сказок дал понимание того, что стилистические средства имеют

немаловажное значение и обогащают язык. Рассмотренные метафоры и эпитеты делают наглядным изображение главных героев как немецких, так и русских сказок. Архаизмы и лексический повтор, как особенности языковой структуры и отличительные черты лексики, делают язык сказки более ярким и эмоциональным, а также подчеркивают культурный колорит.

Изучение стилистического аспекта языка немецкой и русской народных сказок позволяет понять его уникальные особенности и внести вклад в общее понимание литературного наследия разных народов. Каждая народная сказка отражает коллективное сознание народа и привлекает своим языком, который является ключевым фактором ее стилистики. Изучение языка народной сказки помогает понимать культурное наследие и национальную идентичность народа, а также развитие его языка.

Список литературы

1. **Афанасьев, А. Н.** Народные русские сказки : в 3 т. Т. 1 / А. Н. Афанасьев. – М. : Наука, 1984. – 511 с.
2. **Афанасьев, А. Н.** Народные русские сказки : в 3 т. Т. 2 / А. Н. Афанасьев. – М. : Наука, 1985. – 464 с.
3. **Берковский, Н. Я.** История немецкой литературы. Романтизм в Германии / Н. Я. Берковский. – СПб. : Наука, 2001. – 200 с.
4. **Введенская, Л. А.** Культура и искусство речи / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. – Ростов-н/Д : Феникс, 1995. – 576 с.
5. **Даль, В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4. Р – V / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 2000. – 688 с.
6. **Добролюбов, Н. А.** Народные русские сказки, издал А. Афанасьев. Выпуск III и IV, Москва. 1858. Южно-русские песни, Киев. 1857 / Н. А. Добролюбов // Собрание сочинений : в 9 т. / Н. А. Добролюбов ; [ред. Ю. С. Сорокин]. – Л., 1962. – Т. 3 : Статьи и рецензии. Июнь-декабрь 1958. – С. 232–238.
7. **Никифоров, А. И.** Сказка, ее бытование и носители / А. И. Никифоров, О. И. Капица // Русские народные сказки / сост. О. И. Капица. – М. ; Л., 1930. – С. 7–8.
8. **Финкельштейн, Ю.** Образы русской сказки и их воплощение в балетном творчестве Н. Черепнина / Ю. Финкельштейн. – Текст : электронный // Глобэкси: Интернет-журнал АТиСО. – 2007. – № 8. – URL: <http://www.globecsi.ru/Articles/2011/Finkelshtein.pdf> (дата обращения: 29.05.2014).
9. **Grimm, J.** Gebrüder Grimm Märchen / Jakob und Wilhelm Grimm. – München : Im Werden Verlag München, 2007. – 560 s.
10. **Grimm, J.** Kinder – und Hausmärchen / Jakob und Wilhelm Grimm. – [S. l.] : Artemis & Winkler, 1991. – 844 s.
11. **Honti, H.** Volksmärchen und Heldensagen : Beiträge zur Klärung ihrer Zusammenhänge / Von Hans Honti. – Helsinki : Suomal. tiedekat., 1931. – 63 s. – (FF communications ; № 95).

Sklyar N. V.,
Chaplygina A. S.

**Linguistic and Stylistic Specificity of German
and Russian Language Fairy Tale Discourse: a Comparative Aspect**

The article deals with the peculiarities of linguistic expressiveness of German and Russian folk tales, emphasising their similarities and differences. The aim of the study is to identify the specifics of linguistic expression in folk tales as a cultural phenomenon, as well as to comparatively analyse the stylistic means and techniques used in them. The results of the study are expected to provide a better understanding of the specifics of the language of German and Russian folk tales, as well as to identify common and distinctive features in the stylistic aspect.

Key words: folk tale, stylistics, German language, Russian language, culture, comparative analysis.

Шумская Анастасия Владимировна,
преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
nastyashumsk@mail.ru

Никулина Анастасия Андреевна,
преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
anastasianikulinaa@mail.ru

Влияние интернет-технологий на современный английский язык

Статья посвящена исследованию влияния интернет-технологий на современный английский язык. Появление новых языковых форм вызывает большой лингвистический интерес, а изучение данных неологизмов способствует расширению знаний в области изучаемого языка. В связи с чем в статье проводится систематизация интернет-неологизмов путем объединения исследуемых единиц в лексико-семантические группы.

Ключевые слова: технологии, неологизмы, Интернет, социальные сети, английский язык.

Современный период развития общества характеризуется сильным влиянием на него информационных технологий, которые затронули все сферы человеческой деятельности: образование, культуру, экономику, а также языки.

Английский язык уже давно вышел за границы англоговорящих стран, став основным языком для осуществления международного и делового общения. На сегодняшний день мы наблюдаем значительные изменения в лексической и грамматической структуре английского языка, происходящие под влиянием Интернета, а также социальных сетей. Став неотъемлемой частью современной жизни, данные технологии воздействуют и на поведение человека в обществе. Общаясь в социальных сетях, на различных веб-сайтах или используя специальные приложения, люди каждый день порождают новые слова и термины, которые начинают активно использоваться как носителями языка, так и теми, кто изучает английский как иностранный.

Все вышеизложенное определяет актуальность темы настоящей статьи. Появление новых языковых форм вызывает большой лингвистический интерес, а изучение данных неологизмов способствует расширению знаний в области изучаемого языка.

Целью данной работы является исследование влияния интернет-технологий на современный английский язык.

Интернет появился в середине XX века, однако его влияние на язык начало стремительно усиливаться с 1990 года, кардинально изменив способ общения людей и использования английского языка как в письменной, так и в устной речи. С появлением Интернета каждый день кто-то делится своими эмоциями

и событиями, публикуя фотографии в социальных сетях, а кто-то выражает свои мысли и рассуждения в постах или видеоблогах, используя при этом «новые» слова и выражения. В связи с широким спектром зафиксированных лексических единиц, была поставлена задача в их систематизации.

Стандартные английские словари в своих онлайн-версиях стали включать различные слова и фразы сетевого сленга. Исследуя Оксфордский словарь английского языка за последние годы, можно заметить появление множества новых слов. Также Оксфордский словарь является доказательством того, что новые слова в английском появляются с невероятной скоростью, поскольку информация обновляется каждый месяц. В нашей работе систематизация интернет-неологизмов производится путем объединения исследуемых единиц в лексико-семантические группы.

1. Публикация фото в социальных сетях

Многие из нас привыкли смотреть на мир через камеру мобильного телефона, фотографируя значимые моменты и моментально публикуя их на «страницах» своих социальных сетей. В связи с этим в употребление вошли следующие новообразования: *selfie* – происходит от *self*, переводится как «сам» или «себя» и означает снимок самого себя, автопортрет, обычно сделанный на мобильный телефон [4]. Неологизм появился довольно давно и уже получил большую популярность в сети Интернет, однако на сегодняшний день имеет более ироничный характер. Пользователи социальных сетей легко создают «новые» слова, добавляя к *selfie* определенные слова, например, *food + selfie = foodfie*, что означает «селфи с едой»; *family + selfie = felfie* – фото с семьей. Также популярными являются *mirror selfies* – фотографии, сделанные перед зеркалом.

Еще одним явлением, связанным с публикацией фотографий в социальных сетях, является подпись, прикрепляемая к этим фотографиям. Обычно после описания изображения многие пользователи добавляют в конце сообщения специальный элемент, известный как «хештег» («hashtag»), обозначаемый символом «#» (решеткой). Если ранее этот термин служил для обозначения определенного символа, то на данный момент он также представляет собой ключевое слово или даже набор слов в сообщении. Хештег – это метка, используемая в микроблогах и социальных сетях, которая облегчает поиск сообщений по определенной теме или содержанию и начинается с символа решетки. Хештеги активно используются в рекламной продукции с целью ссылки на актуальные интернет-тренды или даже с намерением создать собственные тренды.

2. Общение в социальных сетях

Основатели Интернета приобрели и внедрили в этой среде конкретные нормы взаимодействия, известные как «сетевой этикет» (*netiquette*) [4]. Эти нормы включают в себя такие элементы, как предметность общения, которая проявляется в четко выраженных темах для обсуждения на различных форумах, а также стиль общения, отличающийся неформальностью и намеренным допуском ошибок, аббревиатур, сленга и эмодзи.

Некоторые ученые аргументируют, что такой способ общения заслуживает большего внимания, чем просто лингвистический «вандализм». В частности, известный британский лингвист Дэвид Кристал отвергает общепринятое мнение об онлайн-коммуникации как о неграмотном

явлении. Он соглашается с тем, что большинство людей использует нестандартный, игровой стиль общения, который отклоняется от установленных языковых норм, но в то же время оценивает терпимое или даже положительное отношение к грамматическим и орфографическим ошибкам [5, с. 62].

Тем не менее, Д. Кристал восхищается очевидным разнообразием языковых форм, присутствующих в Интернете, и рассматривает это явление с крайне позитивной перспективы. По его мнению, феномен *Netspeak* способен фундаментально изменить наше восприятие языка, представляя собой качественно новый этап его эволюции. В отличие от художественных текстов, интернет-общение обладает коммуникативными целями. Главными особенностями общения в интернет-пространстве являются отсутствие использования невербальных средств и возможность вести беседу с большим количеством участников. В данном случае поиск новых форм общения и привлечение внимания собеседника являются необходимыми условиями при таком общении [5, с. 73]. Так появились следующие неологизмы: *to friend* – добавить кого-то в друзья; *to unfriend* – удалить кого-то из друзей; *to follow* – подписаться; *to unfollow* – отписаться; *to like* – поставить лайк; *to unlike* – убрать лайк [4].

Следствием внедрения интернет-сети *Twitter* стало возникновение неологизма «tweet», который изначально носил смысловую нагрузку «птичий щебет», но впоследствии приобрел новое значение – «сообщение или публикация в Twitter». Следующим шагом в эволюции этого термина было образование глагола «to tweet» с использованием конверсии, что дало ему значение «отправить сообщение или публикацию в Twitter». В качестве еще одного примера можно выделить человека, который выдает себя в социальных сетях за того, кем не является – *twactor* (*Twitter* + *actor*) [4].

Сокращения и акронимы широко распространены в онлайн-общении. Например, в интернет-чатах часто можно встретить следующие сокращения, которые уже успели перейти в ежедневную лексику: «LOL» (*laughing out loud*), BRB (*be right back*) и OMG (*oh, my God*), а также с использованием цифр – 4GET – *forget*, B4 – *before*, U2 – *you too*.

3. Типы пользователей в сети Интернет

Людей, проводящих в сети очень много времени, стали называть «Netizens» («citizens» – горожане, «net» – сеть). Регулярных пользователей Интернета также называют «Webies» («web» – «www», всемирная паутина), новичков «Newbies» («new» – новый). Язык, использующийся в киберпространстве, принято называть «Netspeak» (*speech* – речь). Среди других примеров данной лексической группы можно также выделить:

1) *hacktivist* (*hack* + *activist*) – человек, совершающий манипуляции с информацией для трансляции политического сообщения;

2) *netizen* (*net* + *citizen*) – пользователь Интернета, проводящий много времени в сети;

3) *textrovert* (*text* + *extrovert*) – человек, которому писать текстовые сообщения легче, чем общаться по телефону или вживую;

4) *smartphone zombie* – человек, одержимый своим смартфоном;

5) *digital nomad* – человек, который использует цифровые технологии для выполнения своих профессиональных обязанностей удаленно;

б) *appoholic* – человек, скачивающий огромное количество приложений на свой смартфон; этот термин, присущий человеку, появился благодаря развитию технологий в сфере коммуникаций [4].

4. Поведение пользователей в Интернете

В связи с широкой популярностью социальных сетей по всему миру множество пользователей не являются носителями английского языка. Это создает условия для развития такой тенденции, как объединение иных языков с английским, что, в конечном итоге, порождает явления, подобные «Spanglish» (смешанный испанский и английский) и «Konglish» (смешанный корейский и английский) [1, с. 93]. Например, испанское слово «el mouse» обозначает «computer mouse» на английском языке от испанского «el ratón».

Интернет-технологии часто способствуют формированию новых глаголов. Например, существительное «Google» (поисковая система) превратился в глагол поиска информации в сети, и теперь в повседневной речи используется слово «гуглить». Этот процесс иллюстрирует способность английского языка к адаптации к новым реалиям и изменению его структуры. К этой категории также можно отнести следующие неологизмы:

1) *sofalizing* (sofa + socializing) – использование Интернета или других электронных устройств для общения с людьми из дома, а не при встрече с ними лицом к лицу;

2) *phubbing* (hone + snubbing) – игнорирование кого-то из-за непрерывного пользования телефоном;

3) *wikiality* (wiki + reality) – реальность, в которой несуществующие понятия становятся истинными, если в них поверит достаточное количество людей.

5. Проблемы, связанные с использованием Интернета

В связи с повсеместной компьютеризацией общества на сегодняшний день одной из главнейших проблем использования Интернета некоторые лингвисты считают *phishing* (от *fishing* «рыбная ловля, выуживание»). Этот термин употребляется в английском языке для обозначения вида интернет-мошенничества, целью которого является получение доступа к конфиденциальным данным пользователей – логинам и паролям [1, с. 92]. Среди других примеров из данной группы мы можем выделить:

1) *screen fatigue* – усталость от чтения текста на экране компьютера или электронной книги;

2) *clickjacking* (click + hijacking) – противоправные действия, побуждающие пользователей к нажатию на скрытые ссылки;

3) *spim* (spam + IM (instantmessaging)) – излишние сообщения или реклама, которые получают пользователи в чатах;

4) *nomophobia* – беспокойство по поводу отсутствия доступа к мобильному телефону [4].

Также заслуживает внимания тот факт, что наряду с появлением новых лексических единиц в английском языке наблюдается сокращение употребления определенных слов, следствием чего стало устаревание некоторых терминов в контексте информационных технологий и их влияния на общество. Некоторые из этих слов прекратили свое употребление в связи с изменением предметных областей (историзмы), в то время как другие были заменены более современными синонимами, сохраняя при этом исходное значение (архаизмы) [1, с. 93].

Примером подобных изменений является переход от «analog television» к «digital television» в результате обязательной миграции к цифровому телевидению, произошедшей в мировом масштабе, начиная с 2000-х годов. Другим примером служит трансформация терминов «compact disc» и «CD player» в «MP3» и «MP3 player», а затем их окончательной замены терминами «smartphone», что иллюстрирует эволюцию языка и культурного контекста, связанного с внедрением современных технологий.

Таким образом, распространение современных технологий ведет к увеличению разговорной лексики в процессе общения в сети Интернет. Современные технологии и социальные сети создают уникальные языковые формы, сочетающие в себе черты как устной, так и письменной речи. Исходя из представленного выше материала, мы можем прийти к выводу, что английский язык продолжает эволюционировать под влиянием технологий, и его способность адаптироваться к новым вызовам подчеркивает его важность в современном мире. Приведенные лексико-семантические группы отражают разнородность и динамичность современной интернет-культуры.

Однако итоги нашего исследования не являются конечными ввиду постоянного технологического развития и дальнейшее исследование данной тематики может привести к более развернутым результатам.

Список литературы

1. **Анисимов, А. И.** Изменение английского языка под влиянием массовой культуры интернета / А. И. Анисимов, Н. А. Корепина // Молодежный вестник ИрГТУ. – 2018. – № 2. – С. 92–93.
2. **Василёва, Т. В.** О влиянии современных высоких технологий на развитие языков / Т. В. Василёва // Наука, образование и экспериментальное проектирование : труды МАРХИ : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 3–7 апр. 2017 г. : сб. ст. / [ред. совет: Д. О. Швидковский (председатель) и др.]. – М., 2017. – С. 431–433.
3. **Коваленко, О. В.** Language and technology: the impact of computer terminology on spoken English language / О. В. Коваленко // Молодой ученый. – 2010. – № 6. – С. 329–334.
4. **Cambridge Dictionary:** Make your words meaningful : [website]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of access: 20.09.2023). – Text : electronic.
5. **Crystal, D. A.** Language must change, to keep pace with society / D. A. Crystal // Liverpool Daily Post. – 1963. – 16th of May. – P. 9–10.

**Shumskaya A. V.,
Nikulina A. A.**

The Impact of Internet Technologies on the Modern English Language

The article is devoted to the study of the impact of Internet technologies on the modern English language. The emergence of new language forms is of great linguistic interest, and the study of these neologisms contributes to the expansion of knowledge in the field of the studied language. In this connection, the article systematizes Internet neologisms by combining the studied units into lexico-semantic groups.

Key words: *technologies, neologisms, Internet, social networks, English language.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

УДК 821.521.09-021.3213'13'

Бондаренко Кристина Александровна,
ст. преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
krissta26@mail.ru

Специфика художественной традиции современной японской литературы

В статье затрагиваются проблемы современной японской литературы, направления и основные сюжетные повороты. Также анализируются японские современные произведения, их жанровая специфика и поведенческая мотивация героев в рамках художественной японской литературной традиции.

Ключевые слова: фобии, хикикомори, Саяка Мурата, японская литература, мобильные романы.

Литература любой страны всегда является одним из важнейших продуктов, который репрезентирует культурный код нации и позволяет понять мотивы людей, уклад жизни и даже модные тенденции определенного периода через призму художественных произведений.

Японская литература занимает особую позицию на мировом рынке, из-за уникального стиля, который формировался веками. Сегодня многие хотят прикоснуться к истории или просто культуре восточных стран, в том числе и Японии, поэтому исследование современной традиции в японской литературе актуально и имеет огромный потенциал для дальнейшего подробного изучения.

Несмотря на то, что исследованиям современной японской литературы уделяют время, все же остается много вопросов, однако стоит отметить ученых, работавших в данном направлении: Е. В. Маевский, А. А. Пашковский, Е. Д. Поливанов, В. С. Гривин, И. В. Головин, И. Холл, К. Каратани, Н. Като, С. Кавамото, Ю. Казамару, К. Куроко и др.

Целью статьи является рассмотрение и анализ современных литературных тенденций в японской прозе, а также их влияние на культуру и мировосприятие японцев.

В современной японской литературной традиции можно выделить три основных направления, которые довольно точно отображают сегодняшнюю жизнь японцев и их восприятие окружающего мира, а именно:

- фобии;
- девиации;
- национальная кухня.

Все мы, так или иначе, испытываем страх и имеем свои фобии, однако в японской литературе страх представляет собой гиперболизированное существо,

которое по сути даже не травмирует героев, а становится сопутствующим персонажем, как и главные герои. Страх не является двигателем сюжета, он не помогает решить конфликт и даже не является основополагающей проблемой произведения (за редким исключением), фобия всего лишь часть сюжета. Однако именно фобии довольно часто стали упоминаться в японской букинистике.

В произведении Саяки Мураты «Человек из комбины» героиня не оправдывает возложенные на нее социальные клише (быть замужней женщиной, хранительницей семейного очага, хорошей мамой и успешной в карьере), она всего лишь подрабатывает на неполный день в круглосуточном магазине и ей уже за 30, в то время, как все ее одноклассники и окружающие давно образовали новые ячейки общества и следуют социальным критериям, которые так присущи японцам: 「はい、何らかの理由で、すべての「普通」の人々は、誰か「異常」に出会ったとき、その人の魂に入り込み、その異常の理由を説明する権利があると考えます。個人的には、そのような厚かましきは私をひどい憂鬱に陥らせます。そして、子供たちがすべての境界線を越えると、当時1年生だったように、黙っててくれればいいのかと、シャベルで頭を叩きたくなる誘惑にかられます...」; «Да, почему-то все «нормальные» люди при встрече с кем-нибудь «ненормальным» считают себя вправе лезть ему в душу и докапываться до причин его ненормальности. Лично меня такая наглость повергает в жуткую депрессию. И когда они переходят все границы, так и подмывает треснуть их по башке лопатой, как тогда, в первом классе, лишь бы они заткнулись...» [2, с. 29].

Кэйко очень одинока и много думает о своих страхах и не реализованных желаниях, но ее социальная фобия не так велика и все это не мешает ей жить, именно поэтому она не пытается что-то изменить, а конфликт не приходит к логическому завершению. В этом произведении можно проследить еще одну черту, присущую современной японской прозе: герои не решают конфликт, в этом главное отличие, например, от русской литературы, проблема хоть и прослеживается, однако кульминации как таковой не происходит и все остается по прежнему, как и в начале повествования, для читателей не японцев такого рода произведения оставляют чувство незавершенности и многое становится не понятным.

Если говорить о направлении девиации, то здесь есть много особенностей, которые раскрывают данное понятие иначе, под другим углом. Согласно французскому социологу Эмилю Дюркгейму, девиация (от лат. *deviatio* – отклонение) – устойчивое поведение личности, отклоняющееся от общепринятых, наиболее распространенных и устоявшихся общественных норм [1, с. 151].

В японской культуре наиболее популярным девиантным поведением считается образ жизни хикикомори. Довольно часто можно проследить, как этот образ используется в рассказах, романах и манге. В такого рода произведениях герои часто являются изгоями, они очень пассивны, асоциальны и постоянно подчеркивают свою непохожесть на других, порой даже в изоциренных формах (герой манги «Добро пожаловать в NHK – によこそ» Саго Тацухиро, не просто хики, его постоянно посещают суицидальные мысли, тем самым автор подчеркивает, насколько герой выделяется даже среди массы таких же хикикомори: «もう生きたくない しかし、死ぬことはとても

辛いことだよ。このまま消えてしまいたい; Я больше не хочу жить. Но умереть так трудно. Мне бы хотелось просто исчезнуть»), что для японского общества считается табу (нельзя выделяться, нужно быть частью коллектива, социума, но никак отдельной единицей) [6, с. 86].

Также еще одна популярная тематика в направлении девиантного поведения – это сталкинг (от англ. *stalking* – преследование) [5, с. 506]. Такого рода сюжет больше присущ манге, но также его можно встретить и в мобильных романах, и в книгах стандартного формата (так, в романе Соно Аяко «Синева Небес» раскрывается личность маньяка-сталкера, который любит преследовать свою жертву, прежде чем совершить кровавую расправу. Произведение довольно интересно и с точки зрения культурной ценности: Соно Аяко является представительницей японской христианской литературы, поэтому пассивность героя и (несмотря на раскаяние) неразрешенность внутреннего конфликта вызывает бурный интерес и негодование со стороны читателей. Сюжет хоть и ведется от лица отрицательного героя, но его отрешенность и «непохожесть» на остальных, даже учитывая всю искренность, не может вызвать сочувствие.

Книги на кулинарную тематику считаются самыми популярными и читаемыми в Японии. Существуют даже карманные сборники рассказов про еду *料理小説* – *ryouri shousetsu* или пивные сборники *デバン*. Такую литературу называют «книги для души» или «литература, способная расслабить и тело, и душу».

Практически в каждом произведении, независимо от жанра, так или иначе, упоминается гастрономическая тематика, либо в аллегорической форме («Кухня» Ёсимото Банана является одной большой метафорой на японский социум), либо непосредственно в виде пищи (в произведении «Ёко Огавы «Любимое уравнение профессора». На взгляд обычной домработницы, «... работа у профессора была скорее из легких. Жилище крохотное, ни гостей, ни телефонных звонков. Все, что следует делать вовремя, – это кормить единственного едока, который и едой-то особо не интересуется», – казалось бы, мимоходом брошенная фраза, но для японского произведения культ еды имеет колоссальное значение [4, с. 11].

Еще одной особенностью можно отметить правило 3-Т в японской литературе. Ёко Огава, которая и задала данный ритм, является ярким «представителем» пассивности и непохожести благодаря своим героям. Правило 3-Т можно расшифровать как: темнота, тишина, теснота.

Учитывая вышеуказанные факторы, можно отметить, что произведения Ёко Огавы довольно мрачные, депрессивные, но также имеют политический и философские подтексты. Писательница освещает проблематику авторитарного правительства и ужасы, которые таит в себе безоговорочное слепое подчинение. Все это воплощено в образе полиции («Полиция памяти»), которая безжалостно контролирует общество, не оставляя места для индивидуальности или свободы. Образ исчезновения предметов из общественной памяти – это сильная метафора тотального контроля, которым обладает авторитарное правительство. Сквозь эту аллегория можно увидеть реальные ситуации в мире, когда государство старается контролировать информационное поле, редактировать историю или манипулировать общественным мнением. Примером может служить любая страна с

репрессивным режимом, где цензура и пропаганда играют ключевую роль в контроле над информацией и формированием «официальной» истории.

Кроме политического подтекста, постепенное исчезновение вещей также может быть интерпретировано как аллегория потери культурной идентичности. В контексте глобализации и навязывания определенных культурных стандартов и образов жизни, многие общества могут ощущать, как их уникальная культура и идентичность постепенно стираются и заменяются новыми, внешне навязанными стандартами.

Кризис непохожести или объективизация личности, внутреннее одиночество – все это оказывает большое влияние культуры на литературу, ведь каждый переживает трудные минуты в жизни, в той или иной степени, так что такого рода мрачная литература позволяет увидеть свои собственные проблемы и возможные пути решения.

Современная японская литературная традиция довольно сильно отличается от произведений Европы или России, однако её уникальность, неповторимость, а также «странность» вызывает интерес и находит своих читателей не только в Японии, но и за пределами, что безусловно предоставляет почву для дальнейшего изучения в области зарубежного литературоведения и компаративной лингвистики.

Список литературы

1. **Тришин, В. Н.** Словарь синонимов / В. Н. Тришин. – М. : Academia, 2013. – 809 с.
2. **Мурата, С.** Человек-комбини : [роман] / Саяка Мурата ; пер. с яп. Дмитрий Коваленин. – М. : Porcorn books, 2020. – 144 с.
3. **Огава, Ё.** Любимое уравнение профессора : роман / Ёко Огава ; пер. с яп. Дмитрий Коваленин. – СПб. : Polyandria NoAge, 2023. – 551 с.
4. **Огава, Ё.** Полиция памяти : [роман] / Ёко Огава ; пер. с яп. Дмитрий Коваленин. – СПб. : Polyandria NoAge, 2023. – 384 с.
5. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : ЛД ИНВЕСТ : Азбуковник, 2003. – 890 с.
6. **Tatsuhiko, T.** NHK ni youkoso / T. Tatsuhiko, A. Yoshitoshi. – Tokyo : Kadokawa Shoten, 2002. – 98 p.

Bondarenko K. A.

Specificity of the Artistic Tradition of Modern Japanese Literature

The article touches on the problems of modern Japanese literature, trends and main plot twists. Also subject analysis modern Japanese works, their genre specificity and the behavioral motivation of the characters, within the framework of the artistic Japanese literary tradition.

Key words: *phobias, hikikomori, Sayaka Murata, japanese literature, mobile novels.*

УДК 821.161.1-3.09 : 929 Яхина

Бочацкая Анна Александровна,
ст. преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
Dancinglady94@yandex.com

Жанровые особенности современной русскоязычной литературы в контексте творчества Гузель Яхиной

Исследование посвящено анализу жанровых особенностей современной русскоязычной литературы, сфокусированной на творчестве Гузель Яхиной. Автор выделяет ключевые элементы женской прозы на основе произведений Г. Яхиной, рассматривает влияние этих жанровых элементов на восприятие читателя и предоставляет глубокий анализ современной литературной прозы.

Ключевые слова: жанровая литература, русскоязычная проза, Гузель Яхина, женская проза, литературный анализ.

Современная русскоязычная литература является уникальным полем литературного творчества, в котором выделяются разнообразные стили, темы и жанры. Одним из выдающихся представителей этого литературного контекста является Г. Яхина. Её творчество привлекает внимание исследователей своей необычной комбинацией элементов реализма, этничности и индивидуального стиля. В данном исследовании мы сосредоточили внимание на жанровых особенностях современной русскоязычной литературы, проанализировав их на примере творчества Г. Яхиной.

Актуальность данной темы обусловлена не только художественной ценностью произведений вышеназванного писателя, но и их влиянием на литературное направление в целом. В рамках нашего исследования мы стремимся выявить и проанализировать ключевые жанровые элементы, которые присутствуют в её произведениях, а также раскрыть, как эти элементы взаимодействуют с общим литературным контекстом.

Научные исследования, проведенные В. А. Левенталем, К. А. Роговой и А. Д. Степановым, посвящены анализу современной русской литературы с акцентом на ее направления, тенденции и языковые особенности. В контексте представленных материалов мы осуществили свое исследование, фокусируясь на жанровых особенностях современной русскоязычной литературы, а также на творчестве писательницы Г. Яхиной. Анализируя женскую прозу в произведениях Г. Яхиной, мы выделили ключевые элементы, влияющие на характер восприятия читателем современной литературы. Полученные результаты дополнили представление о современных тенденциях и направлениях в русскоязычной литературе, расширив понимание языковых и стилевых особенностей, характерных для данного периода.

Современная русскоязычная литература характеризуется уникальным сочетанием различных жанров, стилей и тем, отражающих сложные явления

современного общества. Полипродуктивность является одной из основных тенденций, присущих современной русскоязычной литературе. Авторы взаимодействуют с различными жанрами, переплетая элементы драмы, романа, фантастики, детектива и пр., чтобы создать уникальные литературные тексты. Эта тенденция позволяет более полно и точно отразить разнообразие современной жизни и сложность человеческих отношений [2, с. 609].

Особое внимание уделяется женской прозе как важному элементу современного литературного канона. Женская проза отличается не только характерными темами, такими как взаимоотношения, семья и личное развитие, но и особым взглядом на мир, который часто противопоставляется традиционным мужским подходам. Эта направленность придает литературе более широкий и глубокий спектр образов и эмоциональных переживаний.

Эксперименты с языком и структурой являются еще одним важным аспектом современной русскоязычной литературы. Авторы активно экспериментируют с языковыми средствами, играют с формой и структурой текста, чтобы достичь новых художественных эффектов и ближе подойти к современной аудитории. Влияние технологий также, несомненно, оказывает воздействие на современную литературу. Авторы интегрируют в свои произведения элементы цифровой культуры, социальных сетей и современных технологий, что создает новые возможности для общения с читателями и отражения современной реальности.

Таким образом, жанровое своеобразие современной русскоязычной литературы проявляется в полипродуктивности, акценте на женской прозе, экспериментах с языком и структурой, а также влиянии технологий. Эти элементы формируют уникальную литературную картину, отражающую богатство и разнообразие современного культурного и социального контекста.

Творчество Г. Яхиной, писательницы татарского происхождения, представляет собой уникальный вклад в современную русскоязычную литературу. Основной чертой ее творчества является глубокое погружение в исторические события, а также фокус на личные судьбы и эмоциональные переживания персонажей [2, с. 605]. Одной из ключевых тем в творчестве Г. Яхиной является исследование сталинских репрессий и их воздействия на жизнь обычных людей. В романе «Зулейха открывает глаза» она поднимает важные вопросы справедливости, выживания и человеческой силы духа в условиях трагических исторических событий [4, с. 8].

Еще одной выдающейся чертой творчества Г. Яхиной является ее внимание к женской прозе. Она создает образы сильных, самостоятельных женщин, чьи судьбы переплетаются с историческими событиями. Это придает ее произведениям особую эмоциональность и позволяет глубже исследовать женский взгляд на мир.

Языковое экспериментирование и игра с формой также присущи творчеству Г. Яхиной. Она использует разнообразные стилистические приемы для создания насыщенных и образных текстов. Это позволяет ей эффективно передавать эмоции персонажей и делает ее произведения узнаваемыми. Путем создания выразительных сценариев и богатых визуальных деталей автор передает сходство формы через насыщенные сцены. В частности, при описании основных и второстепенных персонажей используются различные конструкции, придающие живые индивидуальные черты. Например, один из

персонажей характеризуется мутными белками, ассоциированными с овсяной затиркой, и мелкими зрачками, представленными как комочки. Другие герои выделяются через характерные черты, такие как черные брови, архитектурно сводящиеся в форму домика, и немое выражение матери, представленное опущенными руками, образующими структуру веревочек. Все эти тщательно подобранные конструкции служат цели создания ярких визуальных образов, придающих произведению глубину и насыщенность эмоциями.

Влияние творчества писательницы простирается за пределы литературных кругов. Ее произведения не только популярны среди читателей, но и становятся объектом литературных исследований. Она вносит свой вклад в формирование современной культурной памяти и помогает освещать малоизвестные или утраченные главы истории [1, с. 31].

Таким образом, творчество Г. Яхиной выделяется глубоким исследованием исторических событий, акцентом на женской прозе, языковыми экспериментами и значительным влиянием на современную литературную сцену и культурную память. Ее работы оставляют неизгладимый след в литературной и культурной истории. Творчество автора выделяется мастерством использования разнообразных жанровых элементов, что придает ее произведениям оригинальность и глубину [1, с. 33]. Одним из ключевых жанров, присутствующих в ее творчестве, является историческая проза. Г. Яхина внимательно исследует исторические периоды, создавая образы персонажей, чьи судьбы переплетаются с трагическими событиями.

Важным аспектом в творчестве Г. Яхиной является преобладание социальной драмы, проходящей через детальное описание повседневной жизни простых людей в условиях исторических потрясений. Автор фокусируется на социальных аспектах, представляя их через индивидуальные судьбы, что придает ее произведениям универсальность и актуальность. Например, в романе «Зулейха открывает глаза» описывается судьба героини, сосланной в Сибирь после раскулачивания. Жизнь Зулейхи становится метафорой для судеб многих простых людей, столкнувшихся с историческими потрясениями. Она вынуждена приспосабливаться к трудным условиям, переживать лишения и утраты, что является отражением широкого социального контекста.

Другим примером может служить изображение трудового поселка Пит-Городок в рассказах о бабушке Г. Яхиной. Этот трудовой лагерь на реке Большой Пит становится символом судеб людей, переживших колоссальные изменения в своей жизни из-за политических репрессий. Через жизнь персонажей в Пит-Городке автор передает сложность и трагизм истории, влияющей на множество индивидуальных судеб.

Женская проза занимает значительное место в творчестве писательницы. Она создает яркие и сложные образы женщин, чьи судьбы тесно связаны с историческими катаклизмами. Женское начало в ее произведениях проявляется не только в индивидуальных судьбах персонажей, но и в особенностях повествования, внимании к мелочам, которые составляют жизненный мир героинь [3, с. 880].

Обращаясь к мифу о Симурге, Г. Яхина использует как сам сюжет, так и представленную в нем смысловую аллегорию духовного единения. Завершается изложение истории в романе следующим образом: «В этот миг они постигли суть: они все – и есть Семрут. И каждая по отдельности, и все

вместе» [2, с. 602]. Укажем также, что последняя фраза в романе повторяется сыном героини. Повтор, распространенный прием в фольклорной традиции и мифах, усиливает экспрессию текста, привлекая внимание к его важным в смысловом отношении фрагментам, выполняет тексто- и смыслообразующую функцию. В данном случае повтор выделяет главную мысль мифа, который определенным образом мифологизирует художественный сюжет. Не случайно уцелевших в тяжелейших условиях и оказавшихся на берегу Ангары переселенцев, среди которых и главная героиня романа Зулейха, – 30 человек, и все они должны держаться друг друга, чтобы выжить.

В своем творчестве Г. Яхина демонстрирует не только литературное искусство в создании ярких образов и захватывающих сюжетов, но также проявляет активный интерес к литературной критике и рефлексии. Ее произведения не ограничиваются поверхностным описанием событий, а предоставляют читателям уникальную возможность заглянуть глубже в исторические сюжеты и понять их важность через линзу литературного анализа.

В романе «Зулейха открывает глаза», например, Г. Яхина не просто воссоздает персональные судьбы героев, связанных с историческими потрясениями, но также вкладывает в текст элементы рефлексии. Используя художественные средства, она проводит глубокий анализ прошлого, привлекая внимание к ключевым аспектам исторических событий. Например, описание ментальности персонажей, их взаимоотношений и социокультурной среды служит не просто описанием, но и критическим взглядом на историю. Этот литературный анализ предоставляет читателям возможность не только насладиться художественным произведением, но и глубже понять исторический фон, на котором развиваются события. Так, Г. Яхина, используя свое творчество, становится не только рассказчиком, но и литературным критиком, оставляя след в литературной истории и приглашая читателей к более глубокому пониманию прошлого.

В заключении становится очевидным, что творчество Г. Яхиной представляет собой уникальный и значимый вклад в современную русскоязычную литературу [2, с. 608]. Ее мастерство использования разнообразных жанровых элементов, включая историческую прозу, социальную драму и женскую прозу, делает ее произведения актуальными и глубокими.

Исследование современной русскоязычной литературы в контексте творчества Г. Яхиной позволяет раскрывать не только индивидуальные судьбы персонажей, но и широкий культурный и исторический контекст. Ее творчество привносит в литературное наследие новый взгляд на события прошлого, обогащая его тонкими нюансами и глубоким анализом. Основные черты творчества писательницы включают в себя не только литературное мастерство, но и глубокое понимание социокультурных процессов. Ее произведения становятся платформой для обсуждения важных вопросов, касающихся человеческой судьбы, истории и женского опыта.

Таким образом, творчество Г. Яхиной занимает почетное место в литературе, оставляя яркий след и приглашая читателей в увлекательное и интеллектуальное путешествие сквозь времена и судьбы.

Список литературы

1. **Беззубикова, М. В.** Особенности творительного сравнения в романе Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» / М. В. Беззубикова, И. Н. Кайгородова // Гуманитарные исследования. – 2022. – № 1(81). – С. 32–35.
2. **Шпак, Э. Р.** Особенности репрезентации вставного текста в экранизации романа «Зулейха открывает глаза» Г. Ш. Яхиной / Э. Р. Шпак // *Studia Humanitatis*. – 2023. – № 3. – С. 600–610.
3. **Черненко, А. С.** Концепт «Любовь» и его лингвистическая репрезентация в современной русской беллетристике : (на материале прозы С. Дьяченко и М. Дьяченко «Ритуал», Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза») / А. С. Черненко // Молодёжь третьего тысячелетия : сб. науч. ст. XLVII регион. студенческой науч.-практ. конф., Омск, 1–15 апр. 2023 г. : в 2 ч. / Омский гос. аграр. ун-т им. Ф. М. Достоевского. – Омск, 2023. – Ч. 1. – С. 878–882.
4. **Яхина, Г.** Зулейха открывает глаза : [роман] / Гузель Яхина ; [предисл. Людмилы Улицкой]. – М. : АСТ : Ред. Елены Шубиной, 2019. – 508 с.

Bochatskaya A. A.

Genre Features of Modern Russian-language Literature in the Context of Guzel Yakhina's Works

The research is devoted to the analysis of genre features of modern Russian-language literature focused on the work of Guzel Yakhina. The author highlights the key elements of women's prose, exploring them in the context of Yakhina's works. The work examines the influence of these genre elements on the reader's perception and provides an in-depth analysis of the modern literary scene.

Key words: *genre literature, Russian-language prose, Guzel Yakhina, women's prose, literary analysis.*

Новикова Анна Анатольевна,
канд. филол. наук, доцент,
заведующий кафедрой английской и
восточной филологии,
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
anitabogdan@mail.ru

Особенности авторского стиля Ф. С. Фицджеральда (на материале романа «Великий Гэтсби»)

В статье рассматриваются особенности авторского стиля Ф. С. Фицджеральда, а также стилистические средства, наиболее часто применяемые автором в романе «Великий Гэтсби». Произведение характеризуется отсутствием лишних деталей, лаконичностью стиля, хорошим ритмом повествования и разнообразными языковыми приемами. Ф. С. Фицджеральд использует прием рассказчика, который описывает события и персонажей. Стилистические средства применяются писателем с целью придания образности и экспрессивности повествованию, помогают раскрыть любой образ более объемно и глубоко, изобразить всех вымышленных героев реальными личностями со своими проблемами и заботами.

Ключевые слова: роман, Фрэнсис Скотт Фицджеральд, авторский стиль, стилистические средства.

Фрэнсис Скотт Фицджеральд является одним из величайших американских писателей, который вошел в историю мировой литературы благодаря своим романам о жизни Америки в 1920-е годы, среди которых одним из самых известных является «Великий Гэтсби» (1925). Данный роман считается лучшим произведением автора, с его прекрасным лиризмом, безупречным изображением «эпохи джаза» и тщательной критикой материализма, любви и американской мечты.

«По эту сторону Рая» (1920) во многом автобиографическая история о любви и жадности. Она превратила 24-летнего юношу в одного из самых многообещающих молодых писателей страны. Роман «Прекрасные и проклятые» (1922) помог укрепить статус Ф. С. Фицджеральда как одного из великих сатириков культуры богатства, экстравагантности и честолюбия, возникшей в 1920-е годы – то, что стало известно как «век джаза». «Ночь нежна» (1934) – это роман об американском психиатре, который живет и работает в Европе, и его нелегком браке с богатой пациенткой. Книга была вдохновлена борьбой его жены Зельды с психическим заболеванием [4].

Ф. С. Фицджеральд отличается неповторимой самобытностью. Его героям свойственна романтичность, вера в некий идеал жизни. В них не угасает мечта о прекрасном сегодня и о невероятном будущем, при этом они проделывают трудный путь от порабощения иллюзиями к постижению истины, от жажды успеха к растворению в будничности. Писатель необычайно тонко и достоверно передал этот перелом в сознании, когда выросший

на американской мечте миф об индивидуальной свободе разрушился под давлением межвоенного двадцатилетия.

А. М. Зверев писал о поколении Ф. С. Фицджеральда: «Мы – поколение без привязанностей и без глубин. Наша глубина – бездна. Мы – поколение без счастья, без родины, без прощанья. Наше солнце – скудно, наша любовь – жестока, наша юность не ведает юности. Итак, мы поколение без бога, ибо мы – поколение без привязанностей, без прошлого, без признания» [2, с. 196].

Ф. С. Фицджеральд был сфокусирован на «проблемах обезличивания, копирования, обесценивания оригинала» [3, с. 67] как основных причинах варваризации общества, когда деньги становятся «метафорой изменчивости, символизируют повсеместное тиражирование человека, ведут к изменению нравственного облика человека» [3, с. 69].

К изучению романа «Великий Гэтсби» обращались зарубежные и отечественные исследователи: в тридцатых годах М. Бьюли полагал, что данное произведение является исследованием американской мечты; Г. Менкен считал роман неправдоподобным произведением, но при этом восхищался художественной формой романа; В. К. Кухалашвили в статье «Ф. Скотт Фицджеральд и литературный процесс 20–30-х годов XX в.» и Н. Б. Колесникова в статье «Творчество Скотта Фицджеральда в критике» описывали противостояние зарубежных критиков. В. Т. Веред исследовала сохранение метафорического образа в переводе романов автора, Н. В. Александрович обратила внимание на концептосферу романа «Великий Гэтсби» в оригинале и переводе, Т. В. Дробышева изучала коммуникативно-прагматический аспект художественного текста на материале его переводов на русский язык, Н. Г. Дечева рассматривала даже филологическое прочтение романа в прагмафонетическом освещении и т. д. Как видим, роман «Великий Гэтсби», да и само творчество Ф. С. Фицджеральда, вызывает в мировом литературоведении много разнообразных толкований и оценок.

Сегодня уделяется особое внимание исследованию особенностей психологического изображения персонажей в романе (О. Мухаматнуров и А. Ф. Любимова), стилевой когезии произведения (Л. В. Назарова), изучению функции фотографии в романе (Н. С. Бочкарева и К. А. Майшева), рассмотрению метафоры как лингвопоэтического приема создания образа персонажа (Е. Б. Борисова), автобиографическим мотивам (Г. Ю. Галиева) и т. д. В связи с этим нам представилось интересным рассмотреть особенности индивидуального стиля Ф. С. Фицджеральда в контексте использования автором стилистических образных средств в романе «Великий Гэтсби».

Одним из наиболее значительных примеров стиля Ф. С. Фицджеральда в «Великом Гэтсби» можно назвать использование приема рассказчика. Ник выступает в качестве наблюдателя, участника и критика. И, хотя Ник Каррауэй не спасает и не губит Гэтсби, его личность сама по себе дает существенный комментарий ко всем другим персонажам.

Одним из элементов стиля, которым широко известен Ф. С. Фицджеральд, является его описательный язык. Например, использование им прилагательных для создания яркой картины для читателя; он использует описательный стиль, чтобы раскрыть качества своих персонажей. В «Великом Гэтсби» Ф. С. Фицджеральд описывает Тома как настоящего мужчину «...with a rather hard mouth and a supercilious manner. Two shining arrogant eyes had

established dominance over his face and gave him the appearance of always leaning forward» [6, с. 9], соответственно, читатель может представить себе Тома как властную личность.

Как утверждают Н. С. Бочкарева, К. А. Майшева, в романе Ф. С. Фицджеральда «на разных уровнях поэтики прямо и косвенно представлен процесс создания и восприятия фотографии: выбор объекта, наблюдение, позирование, съемка, проявление, идентификация» [1, с. 149]. Таким образом, фотография в художественном мире романа применяется как средство самоутверждения героев и показывает конфликт между иллюзией и реальностью.

Писатель применяет большое количество сравнений, что является одной из особенностей его описательного языка. Поскольку Гэтсби устраивает множество вечеринок, чтобы произвести впечатление на Дейзи, в его доме всегда горит свет, поэтому Ф. С. Фицджеральд использует такое сравнение: «...in his blue gardens men and girls came and went like moths among the whisperings» [6, с. 43]. Это сравнение показывает, как загорается дом Гэтсби и как он притягивает людей отовсюду, как «мотыльков к пылающему свету». Писатель использует сравнения, чтобы подчеркнуть важность и значимость подобных описаний, что еще раз указывает на уникальность его стиля.

Для автора характерным является и использование несовместимых существительных и прилагательных, кажущихся читателю противоречивыми. Например, «triumphant hat-boxes» при описании автомобиля Гэтсби и «blue gardens» при описании его вечеринок – все это наводит на мысль о великолепном, но нереальном видении им самого себя.

Другим примером стиля Ф. С. Фицджеральда, который можно увидеть в «Великом Гэтсби», является использование им символов. Автор находит объекты имеющими смысл и развивает их как значимые метафоры, помогающие передать боль бытия в мире. Например, праздничная вечеринка – это «символ пустоты», ведь те же самые люди, которые толпятся в доме Гэтсби, когда он жив, покидают его после смерти. Автомобили представляют собой вершину богатства, власти и скорости, но они же используются в качестве орудий разрушения, таких как, к примеру, смерть Миртл и уклонение Тома от ответственности. Зеленый свет появляется много раз в романе и представляет собой мечту и надежду Гэтсби. Она также олицетворяет все, что преследует его и уводит в прошлое.

Еще один символ, который мы видим в романе, – это глаза Т. Дж. Эклебурга – выцветшие глаза в очках, напечатанные на рекламном щите над «долиной пепла». Глаза олицетворяют коммерциализм, который является основой американской мечты. Это ясно из того факта, как Гэтсби зарабатывает много денег, чтобы вернуть Дейзи. Эти глаза также олицетворяют пустоту и солидность в глазах Гэтсби, потому что, несмотря на то, что в них есть все отблески жизни, они отражают пустоту, а вот для Джорджа Уилсона они – Глаза Бога, которые следят за каждым сегментом общества [5].

В «Великом Гэтсби» писателем широко используются фразеологизмы для того, чтобы сделать язык богаче и красочнее, донести до читателей определенный смысл высказывания, передать максимум значений через минимум слов. Например, при описании своего дома и дома Гэтсби Ник

использует фразеологизм «to be an eyesore» по отношению к своему дому, чтобы показать контраст между его скромным жильем и огромным домом Гэтсби, а в предложении «I wandered around rather ill at ease among swirls and eddies of people I didn't know» [6, с. 46] идиома «ill at ease» точно передает ощущения Ника, когда он впервые попадает на вечеринку Гэтсби, где он чувствовал себя неловко среди такого количества незнакомцев.

Чтобы передать атмосферу жизни Америки в 1920-е годы, Ф. С. Фицджеральд употребляет слова с культурным компонентом – реалии. Например, в романе присутствуют такие названия напитков и блюд, типичных для американской культуры, как: «highball» – алкогольный напиток из виски или бренди и воды или содовой, «hash» – мелко нарезанное мясо, тушеное или печеное с картошкой или другими овощами. Также автор неоднократно прибегает к слову «cab», которым в Америке обозначают городской транспорт. К реалиям, связанным с искусством и культурой народа, можно отнести упоминание известного в те времена американского танцора и комика Джо Фриско, который придумал танец «Black Bottom», заключавшийся в необычном вращении бедрами. Писатель сравнивает танец одной из девушек на вечеринке у Гэтсби с тем, как двигался этот танцор.

Также в романе упоминается такое слово, как «frontier», имеющее яркий культурно-исторический подтекст и относящееся к объектам административно-территориального устройства, характерным Америке XVIII–XIX вв. Фронтир представлял собой границу с индейскими территориями, крайний рубеж продвижения первопоселенцев в Северной Америке, для него были характерны беззаконие, авантюризм, надежда на быстрое обогащение, конфронтации с индейцами. Общеизвестно, что Фронтир сыграл важную роль в формировании американского национального характера.

Также, в романе присутствуют военно-исторические реалии. Например, в предложении «A little later I participated in that delayed Teutonic migration known as the Great War» для того, чтобы охарактеризовать Первую мировую войну 1914–1918 годов, Ф. С. Фицджеральд прибегает к сравнению с миграцией Тевтонцев – прагерманских племен, которые представляли собой военный и религиозный орден германских рыцарей, осуществлявших феодальную агрессию в Восточной Европе в XIII–XIV вв. Автор, таким образом, прибегает к реалии для создания культурно-исторических взаимосвязей в структуре текста.

Большинство персонажей романа «Великого Гэтсби» хорошо образованы. Это подтверждает их речь, отражающая не только их богатство, но и социальный статус. При этом Ник указывает на аффектированную речь Гэтсби, речь о «сложных формальностях», граничащих с «абсурдом», например, герой постоянно использует фразу «старина» (*old sport*). Становится понятно, что Гэтсби всегда старался казаться образованным и богатым, но его речь выдает его – она слишком аристократична. А вот у господина Вольфсхайма напротив – его речь указывает на недостаток образования, отсутствие класса и общее отсутствие того, что богатые люди в 1920-е годы могли бы назвать «хорошим воспитанием». «Oxford» становится «Oggsford», «connection» становится «gonnection» и т. д.

Ф. С. Фицджеральд вовлекает читателя в жизнь персонажей и дает ему возможность слушать, как они говорят. Получив подробные описания

всех физических черт своих персонажей, а также действий, читатель может лучше понять последовательность повествования, период времени, в котором оно происходит. Вариации в структуре предложения интригуют читателя и заставляют его интересоваться происходящими событиями. Писатель научился устанавливать отношения между персонажами и быть вовлеченным в изучение их характеров, которые он изображает. Его разнообразное использование структуры предложений, деталей и диалогов создает яркую картину в сознании читателей. Вдаваясь в самые мельчайшие подробности, будь то отрывок или диалог между несколькими персонажами, он позволяет читателю стать равной частью истории.

В романе присутствует большое количество сравнений, метафор и эпитетов. Уже в первой главе романа читатель знакомится с контрастом между Западом и Востоком. Ист-Эгг показан как «модная» сторона Лонг-Айленда, в то время как Уэст-Эгг – это «менее фешенебельная» сторона: «Instead of being the warm centre of the world, the Middle West now seemed *like the ragged edge of the universe* – so I decided to go East and learn the bond business» [6, с. 5]. Таким образом, Ф. С. Фицджеральд открывает перед нами картину Запада, самого бедного места для жизни.

Для описания дома Гэтсби автор сравнивает его с Отелем-де-Виль, чтобы предоставить читателю точное описание огромного и роскошного места, в котором жил его герой. Отель-де-Виль – это большое и красивое здание. В то время, когда строилось это здание, лидер Франции считал, что Париж – это центр Европы. Только убеждения лидера указывают на то, насколько великолепно это здание. А метафора «it was a colossal affair» только подтверждает это, слова автора подчеркивают, что дом был даже слишком большой для одного человека, и в этом чувствуется скрытая ирония: «... The one on my right was *a colossal affair* by any standard – it was *a factual imitation of some Hotel de Ville in Normandy*, with a tower on one side, spanking new under a thin beard of raw ivy, and a marble swimming pool, and more than forty acres of lawn and garden; it was Gatsby's mansion» [6, с. 8].

Остановимся еще на одном примере: «The lights grow brighter as *the earth lurches away from the sun*, and now the orchestra is playing yellow cocktail music, and the opera of voices pitches a key higher» [6, с. 44]. Метафора «the earth lurches away from the sun» используется для более эмоциональной интерпретации описываемого явления – автор вводит нас в атмосферу вечеринки, где время летит незаметно, люди сменяют друг друга, как день сменяет ночь, и никому нет дела до хозяина дома, до его чувств. Всем нужны лишь развлечения и сплетни.

Интересным нам представляется описание Дейзи: «...gleaming *like silver*, safe and proud above the hot struggles of the poor» [6, с. 162]. Серебро, самый чистый элемент, придает ей образ красоты и величия, подчеркивая ее превосходство над людьми низших слоев общества. На статус Дейзи в обществе нам также указывает и метафора «Her voice is full of money» [6, с. 130]. У Дейзи есть особый акцент, мелодичность, которые говорят о том, что она пользуется преимуществами высокого положения в обществе, никогда не зная нужды. Она очень образованна, и это проявляется в ее произношении.

Одной из величайших метафор в этом произведении является последний абзац романа: «So we beat on, boats against the current, borne back ceaselessly into

the past» [6, с. 197]. В этой метафоре рассказчик прямо сравнивает человеческое стремление к достижению мечты с «лодками, плывущими против течения». Этот образ особенно силен тем, что он помогает читателю визуализировать трудности, с которыми он может столкнуться.

В произведении встречаются и разновидности метафоры, например, олицетворение в эпизоде, когда после вечеринки у Гэтсби случилась автокатастрофа, и одно из колес оторвалось: «Half a dozen fingers pointed at the *amputated wheel*» [6, с. 61]. Колесо было наделено человеческими качествами, поскольку ампутация – это хирургическое удаление конечности непосредственно у человека. В данном случае олицетворение было использовано в целях придания динамической силы, либо передачи общего впечатления, которым окрашены описываемые события.

Так, например, в данном предложении: «It was when curiosity about Gatsby was at its highest that the lights in his house failed to go on one Saturday night – and, as obscurely as it had begun, his career as *Trimalchio* was over» [6, с. 121] присутствует антономазия. Автор сравнивает Джея Гэтсби с Трималхионом. Трималхион – персонаж древнеримского романа «Сатирикон», прославившийся тем, что устраивал чрезвычайно роскошные вечеринки. Он был вульгарным миллионером, чей стремительный взлет на вершину параллелен такой же карьере Гэтсби.

Еще один пример антономазии можно увидеть в эпизоде, когда Ник встречает человека, похожего на филина в библиотеке. Он смотрит на книги Джея Гэтсби и с удивлением обнаруживает, что они настоящие, а не театральные реквизиты «...This fella's a regular *Belasco*. It's a triumph. What thoroughness! What realism!» [6, с. 51]. Он сравнивает Гэтсби с Беласко, бродвейским продюсером, известным своими реалистическими декорациями, предполагая, что он видит Гэтсби как иллюзиониста и творца. Комментарии Филина о Гэтсби верны, поскольку мы обнаруживаем, что его книги никогда не читались, но были поставлены для того, чтобы он казался начитанным и красноречивым.

Широкое использование эпитетов помогает передать авторскую интерпретацию сцены, визуализировать ее и, следовательно, выделить главное. К примеру, в предложениях «But his heart was in a *constant, turbulent* riot. The most *grotesque and fantastic* conceits haunted him in his bed at night» [6, с. 107] эпитеты «constant», «turbulent» описывают состояние души главного героя, то, как сильно он хочет осуществить свою мечту, а «grotesque» и «fantastic» показывают, что эта мечта неосуществима.

В романе встречается и метонимия: «The party preserved a dignified homogeneity, and assumed to itself the function of representing the staid nobility of the countryside – *East Egg* condescending to *West Egg*, and carefully on guard against its spectroscopic gayety» [6, с. 49]. Здесь используются названия мест, под которыми подразумеваются люди, живущие в этих местах. «East Egg» относится к богатым людям, а «West Egg» к людям среднего класса.

В предложении «Don't ask me,» said *Owl Eyes* [6, с. 60] изменение наименования осуществляется по принципу характерной черты объекта. Ранее этот человек описывался как «a stout, middle-aged man, with enormous owl-eyed spectacles» [6, с. 50]. Автор не называет его имени. Однако, помимо того, что далее Ф. С. Фицджеральд называет его «Owl Eyes» из-за очков,

которые он носит, он также дает нам понять, что он – тот человек, который видит настоящего Гэтсби, сквозь иллюзии, поскольку сова считается символом мудрости.

Встречается в романе и синекдоха: «And you found he was an *Oxford man*,» said Jordan helpfully [6, с. 132]. Писатель использует словосочетание «Oxford man» по отношению к Гэтсби, то есть, это человек, учившийся в легендарном английском университете. Оксфорд в то время имел большое значение, показывал определенный уровень, богатство и образование, которые необходимы для того, чтобы быть элитным членом общества.

Чтобы показать неоднозначное отношение Ника к вечеринке Гэтсби, Ф. С. Фицджеральд прибегает к антитезе: «I was *within and without, simultaneously enchanted and repelled* by the inexhaustible variety of life» [6, с. 40]. Таким образом, он показывает дилемму Ника. С одной стороны, ему отвратительна вульгарность происходящего на вечеринке, а с другой стороны, он очарован этим зрелищем. А вот в предложении: «Moreover he told it to me at a time of confusion, when I had reached the point of believing *everything and nothing* about him» [6, с. 109] антитеза используется для того, чтобы показать, что Ник затрудняется определить, что истинно и ложно в Гэтсби. О нем ходит много слухов, следовательно, обилие информации порождает противоречия в образе Гэтсби.

В романе встречается персонаж по имени «Katspaugh» [6, с. 76]. Автор придает его имени комический эффект с помощью использования каламбура. Имя звучит так же, как и выражение «cat's paw», что в разговорной речи обозначает человека, который является орудием в чьих-то руках, марионеткой. Еще одним ироничным персонажем является Джордан Бейкер. Это особенно видно, когда она говорит: «I hate careless people» [6, с. 65], при этом Джордан сама легкомысленна.

Ироничным является и то, что тысячи людей приходили на вечеринки Гэтсби, но никто не пришел на его похороны. Это показывает, что на самом деле никто не был заинтересован именно в нем, а только в роскоши его дома и деньгах. Таким образом Ф. С. Фицджеральд показывает, как людям важно только богатство и счастье, которое оно им приносит, но когда случается что-то плохое, как, например, смерть Гэтсби, они не находят времени прийти, так как в этом нет для них никакой выгоды. В «Великом Гэтсби» ирония – это способ указать на абсурдные вещи, которые происходили в 1920-х годах, и высмеять социальные нормы.

Итак, роман характеризуется отсутствием лишних деталей, лаконичностью стиля, хорошим ритмом повествования, искусно подобранными и выстроенными диалогами и разнообразными языковыми приемами. При этом авторское отношение к происходящему передается не через прямые комментарии, а посредством всего художественного строя произведения. Ф. С. Фицджеральд использует прием рассказчика, который выступает в качестве наблюдателя, участника и критика описываемых событий и персонажей. В романе присутствует большое количество сравнений, метафор и эпитетов, которые применяются автором с целью придания образности и экспрессивности повествованию. Они помогают раскрыть любой образ более объемно и глубоко, а авторские метафоры передают идеи и мысли писателя, который смог детально описать каждого персонажа,

что помогло изобразить всех вымышленных героев реальными личностями со своими проблемами и заботами. Подобная психологизация раскрывает читателю внутренний глубокий смысл произведения: мечты могут сбываться, но для этого нужно прикладывать усилия, при этом судьба может по-разному повлиять на стремления и желания человека в каждом отдельном случае.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в изучении других произведений Ф. С. Фицджеральда и их стилистическом анализе с опорой на авторскую индивидуальность.

Список литературы

1. **Бочкарева, Н. С.** Функции фотографии в романе Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» / Н. С. Бочкарева, К. А. Майшева // Вестник Томского государственного университета. Сер. «Филология». – 2017. – № 48. – С. 143–157.
2. **Зверев, А.** Фицджеральд (Fitzgerald), Фрэнсис Скотт / М. Зверев // Писатели США : краткие творческие биографии / [сост. и общ. ред. Я. Засурского, Г. Злобина, Ю. Ковалева]. – М., 1999. – С. 216–520.
3. **Лидский, Ю. Я.** Творчество Э. Хэмингуэя / Ю. Я. Лидский. – 2-е изд., перераб. – Киев : Наук. думка, 1978. – 407 с.
4. **Романчук, Л.** Проблематика героя в романе Фицджеральда «Великий Гэтсби» / Любовь Романчук. – [М. : МГУ, 2002]. – URL: <http://fitzgerald.narod.ru/critics-rus/romanchuk-hero.html> (дата обращения: 15.11.2023). – Текст : электронный.
5. **Cowley, M.** Fitzgerald: The Romance of Money / Malcolm Cowley. – New York : Charles Scribner's Sons, 1953. – URL: <http://fitzgerald.narod.ru/critics-eng/cowley-romance.html> (date of access: 15.11.2023). – Text : electronic.
6. **Fitzgerald, F. S.** The Great Gatsby / F. S. Fitzgerald. – London : Vintage books, 2010. – 198 p.

Novikova A. A.

Features of F. S. Fitzgerald's Authorial Style (on the Material of the Novel «The Great Gatsby»)

The article deals with the features of F. S. Fitzgerald's authorial style, as well as stylistic means, most often used by the author in the novel «The Great Gatsby». The work is characterized by the absence of unnecessary details, laconic style, good rhythm of narration and a variety of linguistic techniques. F. S. Fitzgerald uses the technique of the narrator, who describes events and characters. Stylistic means are used by the writer in order to give imagery and expressiveness to the narrative, help to reveal any image more voluminously and deeply, to portray all fictional characters as real personalities with their own problems and concerns.

Key words: novel, Francis Scott Fitzgerald, author's style, stylistic means.

Стомина Анастасия Александровна,
ассистент кафедры русской
и мировой литературы
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
stominaaa@mail.ru

Концепция двойственности в творчестве В. Набокова (на материале повести «Соглядатай»)

В статье рассматривается произведение, в котором способ расстановки персонажей-двойников и принцип зеркальной симметрии имеют новаторский характер для взгляда автора. Повесть «Соглядатай» позволяет выявить особенности раскрытия основополагающей темы двойничества в творчестве В. Набокова.

Ключевые слова: «формула “зеркало в зеркале”», «принцип зеркальной симметрии», «концепция двойственности», «двоемирие», «двойничество», «двойник».

Конец XIX – начало XX вв. определяется небывалым общественным напряжением, ужесточением политических диссонансов. Именно в этот период было предначертано появление на свет В. Набокова (22 апреля 1899 г. – 2 июля 1977 г.), который, как никто другой, «впитал» атмосферу данной эпохи: атмосферу кризисов и неожиданных перемен, восстаний, двух войн, трех революций. Все это не могло не отразиться на трансформации сознания и миропонимания человека данного периода и породило особое рубежное мировоззрение, которое характеризовалось усложнением связей человека с действительностью. Он ощущает растерянность перед огромным миром с его нестабильным положением и это обуславливает осознание человеком своего одиночества и заброшенности, вследствие чего происходит потеря внутренней целостности личности.

На этом этапе культурного развития становится актуальным феномен двойничества как один из аспектов переходного сознания эпохи. Двойничество литературного героя является отдельным казусом проблемы характера, существующей с античных времен, когда личность представлялась одной чертой поведения. В литературе происходит постепенное усложнение «монохарактера», который был унаследован от классицистических предшественников. Противоречие между монохарактером и ощущением реальной сложности психики человека создает предпосылки для возникновения концепции двойничества.

На наш взгляд, особо важной, для понимания данного явления, является повесть «Соглядатай», написанная В. Набоковым в 1930 году.

В нашей статье будет рассмотрена система персонажей-двойников и принцип зеркальной симметрии в повести.

Повествование ведется от первого лица. Рассказчик – молодой человек из России хорошей русской фамилии, который после революции покинул родину и уже год, став эмигрантом, живёт в Берлине. Он вынужден зарабатывать себе на жизнь, найдя место гувернёра в русской семье. Смуров

замкнут и стеснителен. Герой несчастен, так как не может найти свое место в жизни, при котором мог бы чувствовать себя полностью комфортно. Он беспечен в отношениях с любовницей Матильдой, вследствие чего становится «боксерской грушей» для ее мужа Кашмарина. Униженный и оскорбленный, Смуров принимает решение расстаться с жизнью.

Принцип зеркальной симметрии является основным в повести: он организует систему образов, композицию, его событийная реализация становится двигателем сюжета, зыбкого и настолько реального, насколько реальны набоковские персонажи. Их внутренняя жизнь гораздо существенней, материальнее, чем окружающая действительность, потому они живут в мире отражений – воспоминаний и фантазий. Такая всепроникающая зеркальность доведена в «Соглядатае» до предела: герой, застрелившись, продолжает «жить после смерти».

Таким образом, повествование можно разделить на две основные части – до и после выстрела героя, но граница между жизнью и смертью онтологически почти не различима. В «набоковском мире» главное различие между жизнью и смертью состоит в том, что «по ту сторону» действительности не судьба играет человеком, а он сам создает вокруг себя мир сообразно своим представлениям о нем.

В статье «“Соглядатай” – повесть об экранизации литературы» Игорь Смирнов утверждает, что В. Набоков уравнивает бытие после смерти с тем вторым рождением, которое дарует литературе искусство экрана» [1, с. 32]. Можно дополнить данное высказывание замечанием, что В. Набокову удается организовать главную экранизацию внутри повести, зрителем которой, в первую очередь, является рассказчик, который думает, что после наступления смерти человеческая мысль продолжает жить по инерции. Данное обстоятельство выясняется во второй главе. В реальной же действительности герой, очевидно, получает лишь ранение и попадает в больницу, где видит себя, плотно закутанного не то в саван, не то в плотную темноту. Ему кажется, что мир вокруг не реальный, а созданный его воображением и он лишь «соглядает» за собой со стороны: «...меня нет, – открывает тайну Наблюдатель, – есть только тысячи зеркал, которые меня отражают» [2, с. 344].

Эти тысячи зеркал, призраки-отражения, двойники – остальные действующие лица повести. Все люди, с которыми встречается Смуров, интерпретируются им как не более чем результат деятельности его сознания, которое пережило физическую смерть. Такая позиция даёт возможность для отстранения. Перед нами, по сути, какой-то перечень, «каталог» разнообразных мнений о некоей фигуре, появившейся под фамилией Смуров, который повествователем не отождествляется с собственной фигурой. При этом дистанция между ними оказывается нестабильной, то есть колеблется, становится то ближе, то дальше.

Пытаясь понять «сущность» Смурова через его «отражения» в восприятии окружающих, рассказчик собирает различные сведения о нём, вследствие чего убеждается, что у каждого знакомого своё представление о герое. Возникает множество «версий» Смурова, которые не только не совпадают друг с другом, но и вообще с реальным героем. Он предстает перед нами пошловатым, подловатым в момент объяснения с Ваней (Варварой Евгеньевной, одной из сестер-двойников, в семью которых он попадает

после смерти), вороватым в сценах похищения дневника графомана Романа Богдановича и поиска в квартире Хрущевых «доказательств любви Вани к нему», ничтожным при попытке объяснить с Хрущевым, галантным, услужливым с покупательницами в книжной лавке букиниста Вайнштока, довольно приятным на вечерах у Евгении Евгеньевны – старшей сестры Вани.

По мере разворачивания повествования образы повествователя – Смурова становятся всё более резкими и неконтролируемыми, достигая пика в тот момент, когда герой находит Ваню на балконе и говорит ей о своей любви.

Персонажи-зеркала расставлены В. Набоковым таким образом, что, отражая Смурова, они одновременно отражают и друг друга: например, Матильда, любовница Смурова, и ее ревнивый муж Кашмарин, который в начале повести, избив героя, по существу стал причиной его самоубийства. Матильда одержима одним и тем же гнетущим Смурова разговором – о муже: «Он обожает меня и дико ревнив. Он в Константинополе шлепал одним французом об пол, как тряпкой» [2, с. 300]. Образ мужа, создаваемый Матильдой, подтверждается и уточняется отражением в еще одном зеркале-персонаже – престарелом графомане Романе Богдановиче: «Был у меня там (в Константинополе – А. С.) один хороший знакомый – некий Кашмарин, одного француза избил до полусмерти – из ревности» [2, с. 314]. Матильда же, в свою очередь, является отражением первой, еще петербургской любовницы Смурова – домашней портнихи. Герою даже казалось, что не стоило ему подвергать себя опасности, перебираясь через финскую границу в курьерском поезде, чтобы «из одних объятий попасть в другие, почти тождественные» [2, с. 314].

Таким образом, В. Набоков создает дополнительный зеркальный эффект, используя схему «зеркало в зеркале»: она размывает границы реального, мистифицирует, сводит на нет все попытки какой-либо «систематизации смуровских личин».

Формула «зеркало в зеркале» не нова, ее можно найти, например, в «Дон Кихоте» или «Гамлете», но в них она является частным композиционным приемом: история губернаторства Санчо Пансы, вписанная в историю о подвигах Дон Кихота, пьеса «Мышеловка», моделирующая ход недавних событий в Эльсиноре, – роман в романе, пьеса в пьесе. Такая композиционная модель встречается и в творчестве В. Набокова: «Дар» содержит написанные Годуновым-Чердынцевым биографию «Жизнь Чернышевского», стихотворения и незаконченный роман об отце героя. Использование формулы «зеркало в зеркале» в «Соглядатае» отличается принципиально: она является доминирующей, организованная система зеркальных приемов реализует себя и сюжетно, и композиционно.

Раздвоившись в начале повести, Смуров и Наблюдатель в конце снова становятся одним человеком (данный эпизод является симметричным по отношению к началу). По сути, происходит визуальное воссоединение, однако оно не является свидетельством подлинного воссоединения с оригинальным «я». Напротив, повествователь сопротивляется восстановлению подлинной реальности и себя в ней. Он возвращается к себе в комнату, находит отметину, оставленную пулей, и считает её доказательством того, что он действительно умер.

Таким образом, предыдущее воссоединение как бы снимается, у героя появляется новый путь продолжения прежней стратегии поведения, которая защищала его от оценок другими.

Лариса Стрельникова в статье «Двойничество персонажей как стратегия модернистской игры в повести В. Набокова “Соглядатай”» отмечает, что исчезновение одного из образов-зеркал для героя-автора не существенно, так как они тождественны и в качественном, и в количественном плане [3, с. 26]. Однако, мы не соглашаемся с данной трактовкой. Ведь существенной деталью выступает встреча с Кашмариным «по ту сторону»: свирепый и безжалостно избивающий Смурова в начале повести, Кашмарин в конце подобострастно ищет встречи с ним и просит прощения. Не отступавший ранее от своих привычек и принципов, теперь он является без своей пресловутой трости. Трость, оставленная «по ту сторону», символизирует оставленные обязательства брэнной реальности жизни Смурова. Так, при помощи модификации в воображении Смурова героев-двойников В. Набоков показывает нам преобразование главного героя, развитие его личности.

Важным является тот факт, что воссоединение произошло перед встречей с изменившимся Кашмариным, а не до разговора героя с Ваней, в которой, как ему казалось, он разглядит свой прообраз. Это дает нам право предположить, что истинный Смуров – это тот человек, который, отразившись в очередном, на этот раз последнем, встреченном человеке-зеркале, открыл для нас, наконец, себя настоящего. Ведь изменения Кашмарина являются прямым «отзеркаливанием» внутренних переломных изменений Смурова.

Парадокс повести заключается в том, что финал полностью переворачивает всё, что имело место до этого, а перед читателем заново встают вопросы о сущности предшествующих событий, о специфическом облике повествователя и общем смысле всех осуществляемых им метаморфоз.

В. Набоков изображает творческую личность, которая пытается преодолеть страх перед оценками и определением себя со стороны других, раскрывая тему столкновения героя с абстрактным понятием «Другого». Главный герой защищает себя от опасности «Других» через творчество, подлинное или не настоящее, осуществляя эту защиту через «сотворение» как себя, так и «Других».

Мы соглашаемся с утверждением Н. Берберовой, что повесть несет в себе новаторский характер художественного взгляда В. Набокова, и что именно в «Соглядатае» писатель созрел, «что-то в корне изменил в калибре произведений –... молодость кончилась, и началась зрелость» [4, с. 258].

Подытоживая, хотелось бы подчеркнуть, что повесть «Соглядатай» непременно должна быть включена в ряд исследуемых произведений при рассмотрении концепции двойственности, ведь принцип двойничества и свойства зеркал-отражений достигают в ней своего апогея.

Список литературы

1. **Смирнов, И.** Как Владимир Набоков обманывал читателей : («Соглядатай» – повесть об экранизации литературы) / И. Смирнов // Звезда. – 2018. – № 6. – С. 32–37.
2. **Набоков, В.** Соглядатай : [повесть] / В. Набоков // Собрание сочинений : в 4 т. / В. Набоков ; сост. В. Ерофеев. – М., 1990. – Т. 2. – С. 299–345.

3. Стрельникова, Л. Ю. Двойничество персонажей как стратегия модернистской игры в повести В. Набокова «Соглядатай» / Л. Ю. Стрельникова // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2015. – № 3, т. 1 : Филология. – С. 26–33.
4. Берберова, Н. Н. Набоков и его «Лолита» / Н. Н. Берберова // В. В. Набоков: pro et contra : [в 2 т. / сост.: Б. Аверин и др.]. – М., 1998. – Т. 2. – С. 256–264.

Stomina A. A.

**The Concept of Duality in the Works of V. Nabokov
(Based on the Story «The Spy»)**

In the article «The concept of duality in the works of V. Nabokov (based on the story “The Spy”)» A. A. Stomina examines a work in which the method of arranging double characters and the principle of mirror symmetry are innovative for the author’s view. The story «The Spy» allows us to identify the peculiarities of revealing the fundamental theme of duality in the works of V. Nabokov.

Key words: “mirror-in-mirror formula”, “principle of mirror symmetry”. “the concept of duality”, “two worlds”, “doubleness”, “double”.

Чердниченко Виталия Михайловна,
преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
air120896@gmail.com

Понятие и этапы возникновения сетевой литературы в Китае

Статья посвящена такому явлению, как интернет-литература в Китае и представляет собой обзор и анализ эволюции сетевой литературы в КНР с момента ее возникновения до настоящего времени. Автор описывает основные этапы развития данного жанра, рассматривает тематику, стиль и способы распространения сетевой литературы в Китае. Результаты исследования позволяют лучше понять влияние Интернета на развитие литературы в современном обществе и проследить ключевые тенденции ее развития в Китае.

Ключевые слова: литература, китайская литература, сетевая литература, сетература, КНР.

В современном мире с распространением новых технологий многие сферы жизни претерпевают изменения. Таких изменений не удалось избежать и литературе. Книжки начали писать не только специалисты в литературной сфере, но и обычные люди, которые впоследствии публиковали свои работы на различных онлайн-площадках.

Таким образом литература постепенно начала переходить в электронный формат. Появились такие понятия, как веб-литература, интернет-литература, сетевая литература (сетература). Сетевая литература, или же сетература, относится к новому литературному стилю, созданному интернет-пользователями и публикуемому в интернет-пространстве для того, чтобы другие пользователи сети могли оценить произведение или принять участие в его написании. Это новая литературная форма возникла с развитием современных компьютерных технологий, в особенности цифровых сетевых технологий. [5].

Ван Ваньцзюй, известный ученый и писатель, отец китайского культурного творчества, председатель Ассоциации сетевых писателей Хэбэя и председатель Творческой ассоциации индустрии культуры Хэбэя, дал следующее определение сетевой литературы: «Сетевая литература – это художественно-культурная форма, в которой литература развивает свою динамическую систему в условиях взаимодействия рыночных механизмов и механизмов Интернета» [4]. Изучением этой темы также занимались такие исследователи, как А. В. Андреев, А. Кириллов, М. Наседкина, М. В. Рубец, М. Хокс, К. Хикки, Чэнь Синь и др.

Сетевая литература обрела свою популярность и распространение в начале 2000-х годов и с тех пор стала существенной частью китайской культуры. В начале 2000-х годов Китай впервые столкнулся с бурным

развитием Интернета. В это же время появилась возможность опубликовать свои произведения в сети практически бесплатно, что привело к массовому росту публикаций и созданию целых интернет-сообществ для писателей и читателей.

Цель статьи заключается в исследовании и анализе эволюции сетевой литературы в Китае, а также в описании основных этапов развития этого жанра, понимании влияния Интернета на литературное творчество в Китае и выявлении особенностей сетевой литературы в данной стране.

Как формирующаяся литературная форма, онлайн-литература имеет множество жанров, таких как романы, стихи, эссе и т. д., но наиболее типичными являются онлайн-новеллы. Благодаря гибкому написанию, яркому сюжету, сильным интернет-атрибутам и широкому влиянию, в некоторой степени онлайн-новеллы стали синонимом онлайн-литературы [5].

Онлайн-литература была ознаменована появлением первого интернет-романа Цая Чжихэна, под ником Пи Цзы Цай (痞子蔡), «Первое близкое знакомство» (第一次的亲密接触) в 1998 году. Автор в предисловии к роману выразил надежды на светлое будущее сетевой литературы, которая впоследствии действительно стала важным литературным явлением [5].

Сетевая литература, также известная как «вэб-литература» или «вэб-фикшн», представляет собой уникальное явление в мире культуры и литературы. Ее история развития в Китае является увлекательным путешествием через эру технологических изменений, культурных влияний и творческих открытий. В этой статье мы рассмотрим ключевые этапы развития сетевой литературы в Китае.

Первый этап – период зарождения (1991–1998 гг.). Сетевая литература в Китае начала свое развитие в конце 1990-х годов, когда Интернет только начал входить в повседневную жизнь людей и появились первые интернет-форумы и блоги. На этом этапе тексты были чаще всего некоммерческими и скорее аматорскими.

В апреле 1991 года североамериканские студенты по обмену создали первый китайский электронный еженедельник «Хуася Дайджест» (华夏文摘). В том же месяце в «Хуася Дайджест» был опубликован роман Шао Цзюня «Борьба и равенство» (奋斗与平等), который стал первым романом, опубликованным в Интернете. Ван Сяофэй создал сеть зарубежной китайской поэзии. А в 1993 году Ши Ян опубликовал на страницах Интернета сборник «Ши И» (诗意 – поэзия), включавший в себя несколько сотен стихотворений.

В 1994 году Фан Чжоуцзы основал первое китайское интернет-издание «Новая словесная нить» (新语丝), а в 1995 году Ши Ян учредил китайский поэтический онлайн-журнал «Оливковое дерево» (橄榄树). Женщины-писатели, работающие на сайтах китайской поэзии, основали первый женский онлайн-литературный журнал «Хуа Чжао» (花招). В июне 1997 года была создана сеть Netease, чтобы предоставить пользователям бесплатную персональную домашнюю страницу, которая является основой для разработки сайтов онлайн-изданий романов. В декабре Уильям Чжу, американец китайского происхождения, создал личную домашнюю страницу «Под баньяновым деревом» (榕树下) [3].

Произведения авторов этого периода глубоко повлияли на более поздние произведения [1]. Среди них Хуан И является родоначальником онлайн-

романов. Это фигура, которую необходимо упоминать в любом обзоре исторических фактов развития сетературы. Его произведения написаны в различных жанрах, в том числе уся, путешествия во времени, научная фантастика, это оставило сильный след в развитии онлайн-литературы в дальнейшем. Словом, несмотря на происхождение, произведений прекрасных писателей бесконечное множество. К примеру, «Притворяясь невинной» (假装纯情) Нин Цайшэнь; «Прощай, Вивьен» (告别, 薇安) Анни Баобэй; «Любовь, потерянная между Интернетом и реальностью» (迷失在网络与现实之间的爱情) Ли Сюньхуаня, «Живи как человек» (活的像个人样) Син Юйлинь и т. д. В этом году рост онлайн-романов был очень успешным, но в нем по-прежнему доминировали романы о традиционных боевых искусствах Цзинь Юна, Гу Луна и Хуан И. Среди них большой популярностью пользуется «Легенда о двух драконах династии Тан» (大唐双龙传) Хуан И.

Второй этап – период вспышки (с 1998 по 2010 год). С началом 2000-х годов сетевая литература стала более популярной и доступной. Появились онлайн-платформы, где авторы могли публиковать свои произведения. Создание и распространение онлайн-рассказов постепенно становится коммерциализированным, и все больше и больше писателей начинают писать на постоянной основе. Эти авторы получали возможность зарабатывать деньги на своем творчестве, часто через рекламу и пожертвования от читателей. Это стало ключевым стимулом для развития сетевой литературы. В этот период также было образовано первое поколение «тройки писателей онлайн-литературы»: Ли Сюньхуань, Нин Цайшэнь, Син Юйлинь.

В 2001 году было основано общество фэнтезийных мечей: Тан-Цзя Саньшао опубликовал «Дитя света», Сяо Дин – «Нефритовая династия», а Доу Лян – «Обнаженный меч». Онлайн-новеллы постепенно сформировали новое культурное явление, привлекая к участию большое количество читателей и писателей и обогащая форму и содержание литературного творчества. В это время появилось много выдающихся писателей, произведения которых получили широкое внимание и популярность среди читателей. Были опубликованы некоторые классические онлайн-новеллы, такие как «Легенда о солдате», «Нефритовая династия», «Туманное путешествие», «Записки расхитителя гробниц» и т. д., что полностью взорвало онлайн-литературный круг.

В середине 2000-х годов сетевая литература стала плодородной почвой для создания виртуальных миров, особенно в контексте китайских онлайн-игр. Авторы начали писать романы и рассказы, которые развивали сюжеты и персонажей этих игр. Это позволило создать глубокие и интересные миры, в которые читатели могли погрузиться. Однако с развитием сетевой литературы возникли и некоторые проблемы. Из-за массовых публикаций стало все сложнее оценить качество произведения и отделить его от множества низкопробных текстов. Кроме того, некоторые авторы стали публиковать чужие работы под своим именем или копировать уже существующие произведения. Вследствие этого было создано множество специализированных платформ, где произведения рецензировались и ранжировались по популярности.

Для удобства читателей сайты также были поделены на множество разделов. К популярным работам этого периода можно отнести «Призрак задувает свечи» (鬼吹灯); «Истории о династии Мин» (明朝那些事儿); «Поразительное на каждом шагу» (步步惊心) и «Новая династия Сун» (新宋).

Третий этап – период коммерциализации (с 2010 г. по настоящее время). С приходом 2010-х годов сетевая литература пережила процесс коммерциализации. Многие успешные авторы подписывали контракты с издательствами, и их произведения начали продаваться в печатном виде. Этот этап стал переломным для сетевой литературы, и она начала приносить приличные доходы авторам.

В мае 2010 года читательская база *China Mobile* (крупнейший оператор мобильной связи в КНР) была официально запущена в коммерческое использование, что ознаменовало переход онлайн-литературы от ПК-Интернета до эпохи мобильного Интернета. Это также привело к расширению базы читателей сетевой литературы, уменьшению условий для авторов, и большое количество оригинальных веб-сайтов стали получать прибыль.

Сетевые романы и рассказы стали источником вдохновения для китайского кинематографа и телевидения. Некоторые из них были адаптированы в успешные фильмы и телесериалы. В январе 2013 года вышла киноверсия «Призрак задувает свечи». В мае 2014 года Мао Ни публикует новеллу «Способ выбора», которая в 2014 году была адаптирована в качестве анимационного фильма, а в 2016 году – выпущена в виде телесериала. Все это дополнило влияние сетевой литературы на культурный фон страны. Основной доход онлайн-писателей также сменился на гонорары за право пользования авторскими правами для создания фильмов, сериалов и игр.

Наконец, существует этап диверсификации (этот этап идет параллельно этапу коммерциализации). На данном этапе тематика и стиль онлайн-романов становятся все более разнообразными. В дополнение к традиционным фэнтезийным жанрам, жанру санья и городскому жанру, все больше и больше внимания уделяется темам реальности, историческим, военным темам и т. д. [2]. В то же время писатели также начали экспериментировать с различными творческими стилями и формулировками, способствуя развитию и нововведениям в интернет-романах.

Однако, с ростом популярности сетевой литературы в Китае правительство начало ужесточать контроль и цензуру содержания. Это оказало влияние на творчество авторов и ограничило некоторые темы и жанры [2].

Китайские онлайн-романы пережили зарождение, вспышку, коммерциализацию и диверсификацию. Индустрия онлайн-новелл постоянно меняется и развивается, демонстрируя огромный потенциал и креативность. И хотя сетевая литература в Китае прошла долгий и интересный путь развития, несмотря на вызовы, связанные с цензурой и регулированием, она продолжает привлекать миллионы читателей и вдохновлять авторов. Этот живой и динамичный жанр литературы продолжает эволюционировать и оставаться релевантным в эпоху цифровых технологий.

Список литературы

1. **Кириллов, А.** Блестящее будущее сетевой литературы / А. Кириллов. – Текст : электронный // San Wen – Современная литература Китая : [сайт]. – URL: <http://sanwen.ru/2014> (дата обращения: 28.09.2023).
2. **Люлина, А. Г.** Интернет-цензура в современном Китае: жесткий контроль и гибкая система урегулирования / А. Г. Люлина, Е. С. Ефименко. – Текст :

- электронный // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Всеобщая история». – 2022 – № 2. – С. 175–188. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-tsenzura-v-sovremennom-kitae-zhestkiy-kontrol-i-gibkaya-sistema-uregulirovaniya> (дата обращения: 19.10.2023).
3. **Нокх, М.** Internet Literature in China / М. Нокх. – New York : Columbia University Press, 2015. – 251 p.
 4. 王万举《中国网络文学概论》. – Text : electronic // 谛印中国文化艺术网 : [website]. – URL: <http://www.chinadywh.com/news/show-130.html> (date of access: 14.10.2023).
 5. 彭文祥. 重估与前瞻: 网络文艺的新实践与新美学 / 彭文祥. – 北京 : 知识产权出版社, 2020. – 296 页.

Cherednichenko V. M.

The Concept and Stages of the Emergence of Online Literature in China

The article deals with the phenomenon of Internet literature in China and presents a review and analysis of the evolution of online literature in China from its inception to the present. The author describes the main stages of the development of this genre, and examines the themes, style and ways of dissemination of online literature in China. The results of the study allow us to better understand the influence of the Internet on the development of literature in modern society and trace the key trends of its development in China.

Key words: literature, Chinese literature, online literature, net literature, net literature, PRC.

УДК [811.111:811.161.1]’255.4’373.23:929Буковски

Чумак-Жунь Татьяна Владимировна,
преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
chumak_tv04@mail.ru

Переносное значение имён собственных в контексте художественного произведения (на материале романа Ч. Буковски «Хлеб с ветчиной»)

В данной статье рассматривается переносное употребление имён собственных, которое является одним из продуктивных средств эмоциональной насыщенности художественных текстов. Также анализируются метонимические переносы при переводе антропонимов и топонимов в романе Ч. Буковски «Хлеб с ветчиной».

Ключевые слова: *имя собственное, оним, перенос, переносное значение, антропоним, топоним, транскрипция, калькирование.*

Тема имён собственных и способов их передачи с одного языка на другой недостаточно изучена, этим обуславливается ее актуальность. Изучение языка художественной литературы, по мнению многих лингвистов, невозможно без детального рассмотрения имён собственных, которые наделяются автором богатством и разнообразием ассоциативных связей и, раскрываясь в контексте художественного произведения, проясняют авторский замысел, а также позволяют интерпретировать текст, тем самым данная тема не может не привлекать внимания со стороны исследователей.

Целью данной статьи является рассмотрение переносного значения имён собственных в контексте художественного произведения, а именно, в романе Ч. Буковски «Хлеб с ветчиной».

Исследованием имён собственных занимались такие лингвисты, как Л. Автеньева, Н. Арутюнова, О. Ахманова, В. Виноградов, Д. Ермолович, О. Жданов, В. Никонов, А. Реформатский, А. Суперанская, А. Шамота, М. Шарашова, Л. Щетинин и др.

Одним из эффективных средств эмоциональной насыщенности, красочности и выразительности художественных текстов является переносное употребление онимов. С переносом значений происходит постепенное обновление слова.

А. М. Шамота делает такие выводы о переносном значении слова: «... это вторичное, мотивированное значение слова, основанное на переносе наименования с одного предмета на другой в процессе познания мира и развития языка» [4, с. 8].

Н. Д. Арутюнова считает, что переход собственного имени с одного объекта на другой тесно связан с метонимией. Она определяет метонимию как художественный троп или механизм речи, который состоит в переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс

или отдельный предмет, и ассоциируется с этим классом или предметом по смежности, определенности, вовлеченности в одну ситуацию или одно временное пространство.

Существуют различные типы и модели метонимических переносов: имя автора переносится на его произведение или творчество; имя главы правительства может быть перенесено на армию или на страну, которую он возглавляет; с имени на обозначение гостиницы, магазина, ресторана; имя создателя переносится на изделие; также может быть вариант переноса с одного объекта на другой близлежащий объект и так далее [1, с. 8]. Возможность переносного употребления предполагает существование дополнительных смысловых, оценочных и эмоционально-экспрессивных наслоений в семантике имени собственного, то есть наличие конотативного значения наряду с денотативным.

Рассмотрим трансформацию семантики топонимов – названий континентов, частей света, островов, стран, республик, городов. Например, употребление топонима *Европа* исследовала И. М. Кобозева, подчеркивая необходимость разграничения персонификации метафоры и метонимии на основе имени собственного *Европа*. По мнению ученого, для модели ОБЩЕСТВО – ЛИЧНОСТЬ индикатором того, что топоним употребляется в значении «общество», а не «личность», является квантор *весь / всё*, кроме того, метафора персонификации появляется только тогда, когда ни буквальное, ни метонимическое осмысление сочетания предиката и лексемы со значением «общество» не является целесообразными. Квантор *весь* может свидетельствовать также о гиперболическом употреблении имени собственного с экспрессивной целью.

И. Кобозева выделяет пять значений топонима: прямое (континент), переносное, метонимически связанное с прямым значением (страны Европы), совокупность всех государств, что географически находятся на территории Европы, совокупность западноевропейских государств (Запад), союз западноевропейских государств (ЕС) [3, с. 140].

В качестве примеров рассмотрим переносное употребление топонимов, выражающих отношения между местом объекта и объектом в романе Ч. Буковски «Хлеб с ветчиной».

Были выделены следующие модели:

1. Перенос названия части света, региона на страны, города, расположенные в этом регионе:

Kissing that lisp, ... as Hitler swallowed up Europe and peered toward London [5, с. 124]. / Какой бы это был триумф – целовать ее нежные губы, ..., как Гитлер, поглотивший Европу и поглядывающий на Лондон [2, с. 141].
Способ перевода: транскрипция.

2. Перенос названия части света, региона на его жителей:

Our friends in South America would pay their debts [5, с. 35]. / Дружественные нам страны Южной Америки начнут выплачивать свои долги [3, с. 40].
Способ перевода: транскрипция, калькирование.

3. Перенос названия страны, населённого пункта на жителей страны, населённого пункта:

Then it seemed that Japan would win ... [5, с. 1] / Тогда казалось, что Япония обязательно победит [2, с. 1].
Способ перевода: транскрипция.

I walked out of there. Suddenly there was traffic on the street. People were driving badly, running stoplights, screaming at each other. «America was at war» [5, с. 131]. / На улице было на редкость полно машин. Нетерпеливые водители орала друг на друга на перекрёстках. Америка была в состоянии войны [2, с. 148]. Способ перевода: транскрипция.

4. Перенос названия страны на весь народ, живущий в стране:

Take the family, mix with God and Country, add the ten-hour day and you had what was needed [5, с. 87]. / Возьмите семью, подмешайте в неё веру в Бога, приправьте ароматом чувства Родины, добавьте десятичасовой рабочий день и получите то, что нужно – ячейку общества [2, с. 100]. Способ перевода: калькирование.

5. Перенос названия здания, в котором расположено учреждение, на сотрудников этого учреждения:

At Delsey we had a code [5, с. 17]. / Нет, в Делси (начальная школа) чтити кодекс чести [2, с. 20]. Способ перевода: транскрипция.

Говоря о переносном значении онимов и их переносном употреблении, стоит сказать о метонимических переносах. Также в романе «Хлеб с ветчиной» были выявлены следующие модели метонимических переносов антропонимов, в системе каузальных метонимических переносов с выраженным подтипом, определяющим отношения между признаком и субъектом, обладающим этим признаком.

Имя – характерный признак, особенности творчества его носителя: *Better than G. B. Shaw with that hard keel of a mind always scraping bottom, his labored wit finally only a task, a burden on himself, preventing him from really feeling anything, his brilliant speech finally a bore, scraping the mind and the sensibilities* [5, с. 75]. / Гораздо лучше Бернарда Шоу с его тяжеловесным умищем, который, как громоздкий киль, бороздил по дну жизни, кропотливо разрешая всё новые и новые задачи, и постепенно превращающимся в непомерное бремя, мешающее живому ощущению действительности [2, с. 85]. Способ перевода: транскрипция.

Характерными признаками индивидуально-авторских метонимических переносов являются: нерегулярность видов, тесная связь с контекстом, вне которого они часто бывают непонятны, ярко выраженная экспрессивность, что объясняется их функцией привлечения внимания читателей. Нами были выявлены в романе следующие виды индивидуально-авторских метонимических переносов.

Имя – изображение носителя имени:

I was reading the Russians now, reading Turgenyev and Gorky [5, с. 68]. / Я читал русских – Тургенева и Горького [2, с. 77]. Способ перевода: транскрипция.

Имя – обозначение отдельного предмета (заголовки произведений, названия музыкальных пьес, произведений живописи, кинофильмов и т. п.):

Ham on Rye came out [5, с. 1] / «Хлеб с ветчиной» вышел [2, с. 1]. Способ перевода: калькирование.

I'll be on the library shelves: BECKER. [5, с. 129]. / На библиотечных полках появится: Беккер [2, с. 146]. Способ перевода: транскрипция.

Итак, продуктивность моделей метонимических переносов имён собственных и их регулярное использование в художественных текстах

свидетельствуют о том, что эти модели имеют универсальный характер. Переносное значение имени собственного в семантическом фокусе представляет собой загадку, своего рода сообщение, которое необходимо раскрыть, опираясь на общезыковые и психологические коннотации онимов в сознании народа и эстетические задачи писателя для того, чтобы лучше интерпретировать произведение. Поэтому переводчику, работая над переводом имён собственных в художественных произведениях, необходимо иметь культурологическую подготовку, широкий кругозор и умение принимать нестандартные решения.

Изучение имён собственных в художественном произведении проясняет авторский замысел, а также помогает интерпретировать текст, поэтому дальнейшие перспективы исследования мы видим в рассмотрении отдельных художественных произведений и анализе употребления в них переносного значения онимов.

Список литературы

1. **Бич, М. Я.** Метонимическое использование имён собственных в современном русском, английском и испанском языках : (на материале газетных текстов) : спец. 10.02.19 «Теория языка» : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук / Бич Маргарита Яковлевна ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 1995. – 18 с.
2. **Буковский, Ч.** Хлеб с ветчиной : роман / Чарльз Буковский ; пер. с англ. Ю. Медведько. – СПб. : Новое культ. пространство : Литера, 2000. – 270 с.
3. **Кобозева, И. М.** Семантические проблемы анализа политической метафоры / И. М. Кобозева // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. – 2001. – № 6. – С. 132–149.
4. **Шамота, А. М.** Переносное значение слова на языке художественной литературы / А. М. Шамота. – Киев : Науч. мысль, 1967. – 127 с.
5. **Bukowski, Ch.** Ham On Rye : A Nove / Charles Bukowski. – [Santa Barbara, CA : Black Sparrow Press, 1982]. – 288 p. – URL: https://royallib.com/book/Bukowski_Charles/Ham_On_Rye.html (дата обращения: 22.09.2023). – Режим доступа: Электронная библиотека RoyalLib.com ; для зарегистрир. пользователей. – Текст : электронный.

Chumak-Zhun T. V.

Figurative Meaning of Proper Names in a Context of Artwork (based on the novel «Ham on Rye» by Charles Bukowski)

This article discusses the figurative use of proper names which is one of the productive means of emotional richness in literary texts. Metonymic transfers are also analyzed in the translation of anthroponyms and toponyms in the novel «Ham on Rye» by Charles Bukowski.

Key words: *proper name, onym, transfer, figurative meaning, anthroponym, toponym, transcription, tracing.*

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК [373.091.32 : 811.111] : 004.738.5

Батальщикова Эллина Юрьевна,
канд. пед. наук, доцент кафедры
английской и восточной филологии,
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
batalshchikova1977@mail.ru

Преимущества использования онлайн-ресурсов на уроках английского языка

В статье рассматриваются сущность и виды интернет-технологий, раскрываются преимущества использования онлайн-ресурсов на уроках английского языка, а также дана характеристика наиболее популярных онлайн-сервисов для изучения и обучения английскому языку.

Ключевые слова: интернет-технологии, информационные технологии, обучение, онлайн-ресурсы, онлайн-сервисы.

Использование информационных технологий на уроках английского языка в наши дни не является уже чем-то новым. Интернет-технологии уверенно вошли в нашу жизнь, и современному учителю необходимо не только идти в ногу со временем, чтобы не отставать от технологического прогресса и быстро меняющихся условий жизни, но и научить учащихся ориентироваться в безграничном цифровом пространстве, которое предоставляет Интернет; показать ребенку образовательные возможности интернета и то, насколько увлекательным может быть образовательный процесс при его использовании.

Цель нашей статьи – дать характеристику и раскрыть сущность понятия онлайн-ресурс, рассмотреть наиболее привлекательные онлайн-ресурсы для преподавателей иностранного языка и охарактеризовать их образовательный потенциал.

Проблема использования интернет-технологий в образовательном процессе была и является предметом научных интересов многих ученых, среди них: Р. Н. Абулаев, Н. Е. Астафьева, О. А. Вдовина, Е. В. Воевода, Е. Н. Дронова, А. Н. Мамонтов, Е. С. Полат, И. А. Потемкина и мн. др.

Под интернет-технологиями понимают автоматизированную среду получения, обработки, хранения, передачи и использования знаний в виде информации и их воздействия на объект, реализуемые в сети Интернет, включающие машинный и человеческий (социальный) элементы [1, с. 9].

Применительно к обучению выделяют следующие интернет-технологии:

- компьютерные обучающие программы (электронные учебники, тренажеры, лабораторные практикумы, тестовые системы);
- обучающие системы на базе мультимедиа-технологий, построенные с использованием персональных компьютеров, видеотехники, накопителей на оптических дисках;

– интеллектуальные и обучающие экспертные системы, используемые в различных предметных областях распределенные базы данных по отраслям знаний;

– средства телекоммуникации, включающие в себя электронную почту, телеконференции, локальные и региональные сети связи, сети обмена данными и т. д.

– электронные библиотеки [1, с. 9].

Интернет является неисчерпаемым ресурсом для любого учителя иностранного языка. В сети существует огромное количество интернет-платформ, сайтов и инструментов, которые дают возможность учителям не только использовать уже готовый материал, но и создавать свои собственные интерактивные задания и презентации. Использование онлайн-сервисов позволяет разнообразить существующие формы организации учебного процесса, оптимизировать процесс обучения и повысить уровень мотивации учащихся.

Перед тем, как приступить к характеристике наиболее популярных онлайн-сервисов, дадим определение этому понятию и выделим общие характеристики web-сервисов.

Онлайн-сервис – это программное обеспечение, которое предоставляет платформенно-независимый доступ к своим данным другим программным продуктам через сеть Интернет [3].

Автор выделяет следующие характеристики онлайн-сервисов:

- требуется только доступ к сети Интернет из любой точки мира;
- может осуществляться групповая работа над заданием;
- возможность обсуждать и оценивать опубликованные материалы внутри сообщества;
- объединение материалов в тематические группы;
- развитая система поиска (по тематике, ключевым словам);
- необходимость регистрации для публикации материалов [3].

Первые онлайн-сервисы, построенные по технологии Web 2.0, появились еще в 2000-х и с тех пор их количество продолжает расти, завоевывая популярность среди учителей по всему миру. Остановим наше внимание на наиболее интересных, эффективных и легких в использовании, на наш взгляд. Рассмотрим некоторые из них.

LearningApps (<https://learningapps.org>) – полностью бесплатный онлайн-сервис, с помощью которого можно самостоятельно создавать интерактивные упражнения с целью проверки и закрепления полученных знаний. Сервис содержит 21 шаблон для разработки игр и упражнений, которые подойдут для учащихся разного возраста и уровня владения иностранным языком.

Wordwall (<https://wordwall.net/ru>) – многофункциональный онлайн-инструмент для создания как интерактивных, так и печатных материалов. Алгоритм работы аналогичен *LearningApps*, однако, качество шаблонов в *Wordwall* и функциональные возможности выше. Сервис предлагает три тарифных плана: бесплатный базовый, стандартный и профессиональный. Таким образом, каждый учитель может выбрать то, что непосредственно подходит целям урока и интересам учащихся.

eТреники (<https://etreniki.ru>) – это онлайн-конструктор, который позволяет создать пять типов учебных тренажеров (картофан, кокла, криптон, морфанки,

НЛЮ). Уже только одни названия этих тренажеров не оставят равнодушным ни одного ребенка и учителю не придется заботиться о поднятии мотивации. Сервис полностью русскоязычный и бесплатный.

Vзнания (<https://vznaniya.ru>) – это конструктор для создания интерактивных материалов к урокам. Уже изначально сервис был ориентирован на уроки иностранного языка, но сейчас его возможности расширились и на другие предметы. Сервис дает учителям возможность создавать интерактивные уроки на заучивание или на проверку знаний, обучающие онлайн-игры и интерактивные видео со встроенными заданиями. Есть возможность проводить соревнования между учениками в режиме реального времени. Большинство функций бесплатны. Данная платформа имеет также мобильное приложение, что дает ученику возможность учиться, играя и выполнять задание где и когда ему удобно. Родителям больше не надо заставлять детей делать домашнее задание, они будут выполнять его с большим удовольствием, играя в свои любимые игры и незаметно для самих себя узнавать что-то новое.

Online TestPad (<https://onlinetestpad.com>) – это бесплатный конструктор, с помощью которого можно создавать разнообразные онлайн-задания: тесты, кроссворды, сканворды, опросы, логические игры, диалоговые тренажеры. Конструктор тестов предусматривает 14 типов вопросов, в том числе: установление последовательности, заполнение пропусков, последовательное исключение, диктант, мультिवыбор или выбор одного решения и многие другие. Вы можете использовать как готовые разработки, так и создавать свои задания по шаблонам.

JeopardyLabs (<https://jeopardy.com>) – это ресурс, который позволяет учителям использовать уже готовые или создать свои собственные интерактивные игры по заданному шаблону. Платформа позволяет в игровой форме отработать любую грамматическую или лексическую тему, составить задания на основе прочитанной книги, устроить итоговый урок в виде викторины. Платформа совершенно бесплатна и удобна в использовании, а горящие энтузиазмом глаза ваших учеников не заставят вас сожалеть о потраченном времени.

Kahoot (<https://kahoot.com>) – один из самых любимых сервисов среди преподавателей. С помощью его вы также сможете создавать интерактивные задания, которые можно использовать как в классе, так и дома. Сервис позволяет создавать задания 4 типов: викторина (quiz), игра с перемешанными ответами (jumble), обсуждение (discussion), опрос (survey). Бесплатный тариф с обширными функциями позволит вам разнообразить учебный процесс и проверить знания ваших учеников.

Quizlet (<https://quizlet.com>) – этот сервис помогает создавать флэш-карточки с картинкой или без для ввода и закрепления лексики. Этот формат заданий позволяет тренировать такие навыки, как чтение, говорение, письмо и аудирование. С помощью мобильного приложения материал удобно повторять в любое время в любой момент.

Существует огромное количество интернет-сервисов, позволяющих сделать ваши уроки интереснее и продуктивнее. Онлайн-сервисы предоставляют учителям уникальную возможность реализовать свой творческий потенциал, не стоять на месте, постоянно работать над своим

уровнем и совершенствовать свои навыки преподавания, делая учебный процесс ярким, интересным и незабываемым для своих учеников. В нашей статье мы раскрыли сущность только некоторых из наиболее популярных онлайн-ресурсов, однако их эффективность не оставляет сомнения.

Список литературы

1. **Абуллаев, Р. Н.** Интернет-технологии в образовании : учеб. пособие / Р. Н. Абуллаев. – Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2002. – 114 с.
2. **Апольских, Е. И., Белоненко, М. Г.** Реализация интерактивных методов обучения с использованием сервиса RealtimeBoard / Е. И. Апольских, М. Г. Белоненко // Педагогическое образование на Алтае. – 2015. – № 1. – С. 71–79.
3. **Потемкина, И. А.** Использование онлайн-сервисов в учебном процессе / Потемкина Ирина Анатольевна. – Текст : электронный // Образование костромской области : [сайт]. – URL: http://www.eduportal44.ru/Buy/IMC/DocLib152/Потемкина%20И.А/ПотемкинаИА_публикация.PDF (дата обращения: 23.09.2023).

Batalschikova E. Yu.

Advantages of Using Online Resources in English Lessons

The article deals with the essence and types of Internet technologies; it reveals the advantages of the use of online-resources in English lessons. Moreover the author gives the review of the most popular online services for English learning.

Key words: *Internet technology, information technology, learning, online-resources, online-services.*

Латышева Виктория Сергеевна,
преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
victorizyx@gmail.com

Чердниченко Виталия Михайловна,
преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
air120896@gmail.com

Обучение китайскому языку с привлечением аутентичных видеоматериалов (на материале сериала «求婚大作战» «Операция любовь»)

Данная статья посвящена использованию аутентичных видеоматериалов, которые представляют собой ценный инструмент в современной методике обучения китайскому языку. В исследовании излагается разработанная авторами форма проведения занятий по китайскому языку с использованием аутентичного телесериала (дорамы) и практические задания на его основе. Аутентичные видеоматериалы максимально приближены к языковой и социокультурной реальности китайцев, поэтому их использование на занятиях по китайскому языку более чем обусловлено.

Ключевые слова: аутентичные видеоматериалы, процесс обучения, китайский язык, телесериал, драма.

В современном образовательном пространстве информационно-коммуникационные технологии являются необходимым средством обучения иностранному языку, и видеоматериалы играют ключевую роль в этом процессе. Использование аутентичных видеоматериалов позволяет значительно повысить результативность обучения, поскольку они привлекают внимание учащихся и повышают интерес не только к иностранному языку, но и к культуре его носителей, а также помогают лучше усвоить необходимый материал. При этом аутентичный материал не предназначен для учебных целей и не адаптирован для нужд обучающихся с учетом их уровня владения языком. Он отражает национальные особенности и традиции построения и функционирования текста [1, с. 34].

Некоторые вопросы использования аутентичных видеоматериалов в методике обучения иностранным языкам были рассмотрены такими исследователями, как Н. В. Барышников, Н. Д. Гальскова, Г. Г. Жоглина, Н. И. Гез, Н. П. Ковалев, Н. С. Руссинковская, M. L. Brandi, D. A. Graber, S. Stempleski и др.

Просмотр сериалов в настоящее время является популярным видом досуга у молодежи: молодые люди охотно смотрят сериалы в свободное время и обсуждают их. В связи с этим, просмотр аутентичных телесериалов

на китайском языке является одним из самых увлекательных и полезных способов для овладения китайским языком и приобщения к китайской культуре, что обуславливает актуальность данного исследования. В этой связи в качестве аутентичного китайскоязычного материала эффективно, с нашей точки зрения, использовать драмы 电视剧 (телесериалы).

Новизна данного исследования заключается в разработке методических рекомендаций и ряда заданий для работы с аутентичным китайскоязычным телесериалом «求婚大作战» («Операция любовь»), которые могут применяться в процессе обучения китайскому языку.

Цель данной статьи заключается в раскрытии учебного потенциала аутентичных видеоматериалов в методике преподавания китайского языка, а также в разработке модели организации работы с аутентичным китайскоязычным телесериалом.

Изначально название «драма» произошло от японского словосочетания テレビドラマ «тэрэби драма» (телевизионная драма), которое, в свою очередь, произошло от английского слова «drama» [2]. Сегодня же драмами называют не только японские, но и все азиатские сериалы, имеющие схожую структуру.

Телесериалы могут стать эффективным вспомогательным средством в обучении китайскому языку, сочетающимся с основным учебно-методическим комплексом. Одно из основных преимуществ драм – их продолжительность. Полноценный сериал с логическим завершением состоит, как правило, из одного сезона, количество серий может быть вариативным. Стандартно серия длится от 40 минут до одного часа. Драмы выпускаются в самых различных жанрах. Это может быть не только мелодрама, но и комедия, ужасы, фэнтези и детективы.

Среди достоинств в обучении языку с помощью сериалов выделим следующие:

- просмотр драм позволяет учащимся обучаться, проводя время с удовольствием;
- учащиеся слушают естественную речь, разговорный язык (у актеров, как правило, естественный темп и стиль речи, четкое произношение);
- зритель наблюдает за традициями, национальными особенностями, менталитетом носителей языка;
- из-за большого количества телесериалов никогда не возникнет проблемы с недостатком материала, есть возможность подобрать сериал, как для начинающих, так и для продолжающих изучать китайский;
- ввиду многообразия материалов такого типа, можно довольно легко подобрать темы, сюжеты телесериалов, которые отвечают возрастным и коммуникативным потребностям студентов.

Развлекательный характер, интересный сюжет сериала и разговорный стиль речи позволяют учащимся не отвлекаться от просмотра, не создавая особых сложностей восприятия. При всех достоинствах описанного нами типа видеоматериалов, при решении интегрировать аутентичные сериалы в процесс обучения, следует помнить, что понимание драм может вызвать затруднения у студентов как в отношении лексического материала, так и относительно культурных реалий, поэтому при работе с данным типом аутентичных материалов мы предлагаем применять комплексы упражнений,

которые помогут облегчить усвоение материала. Ниже будут приведены рекомендации по работе с дорамами в учебном процессе.

Ввиду возможности возникновения сложностей на этапе первичного восприятия, мы предлагаем рекомендовать учащимся смотреть дораму с субтитрами (2 серии в неделю) в качестве домашней работы, выполняя различные упражнения к ней, а на занятии обсуждать просмотренные эпизоды. Это позволит студентам вникнуть в материал в своем темпе, пересмотреть не понятые фрагменты и более основательно ознакомиться с содержанием каждой серии.

Для нашего исследования мы выбрали китайский сериал «求婚大作战» («Операция любовь») [3], выпущенный в 2017 году, который содержит 32 серии продолжительностью около 45 минут. Данный сериал является ремейком японской дорамы с тем же названием и рассказывает фантастическую историю парня по имени Янь Сяолай, отправившегося в прошлое, чтобы завоевать любовь девушки, в которую был влюблен.

Выбранная нами дорама отвечает критериям отбора видеоматериалов для занятий по китайскому языку:

– она описывает жизнь современных молодых людей, представленную в различных ситуациях, поэтому лексика кинодиалогов необычайно разнообразна, в речи героев можно услышать множество неологизмов, разговорных слов и идиоматических выражений;

– материал отличает простое и понятное произношение, поэтому дорама может быть использована в обучении студентов со средним и ниже уровнем владения китайским языком;

– тема и сюжетные коллизии, на наш взгляд, интересны для современных молодых людей, так как в дораме сочетаются элементы фантастики, комедии, романтики, кроме того, незамысловатость сюжета, юмор и комичные ситуации обеспечивают легкость восприятия и повышают эффективность обучения.

Нами были разработаны примеры упражнений по первой серии дорамы. В этой серии Янь Сяолай чуть не опоздал на свадьбу, но на этой свадьбе он лишь гость, а не жених. А вот невестой является Цзи Тяньтянь – девушка, с которой Сяолай дружил с третьего класса младшей школы. Она выходит замуж за однокурсника Сяо Вэйчжэ. Сяолай настолько привык к тому, что Тяньтянь всегда с ним, поэтому не задумывался о своих чувствах. Когда герой понял, что любит Тяньтянь, оказывается уже поздно. У него было 14 лет, чтобы признаться, а сегодня Тяньтянь выходит замуж за другого. Во время свадебной церемонии Сяолай сожалеет, что никогда не признавался в своих чувствах к ней, но главному герою повезло – на свадьбу заглянул ангел, который решил дать парню шанс. Он предлагает ему вернуться в прошлое, чтобы все исправить и переписать свою жизнь. И парень соглашается. Ангел отправляет Сяолая к различным событиям прошлого, чтобы тот попробовал еще раз добиться любви Тяньтянь.

До начала работы с сериалом первую серию дорамы «求婚大作战» можно показать на занятии. Преддемонстрационный этап можно начать с задания, в соответствии с которым студентам необходимо посмотреть на название дорамы и постеры к ней (Рис. 1), чтобы предположить, о чем будет данный сериал, что будет происходить с героями.

Рис. 1. Постеры к драме

После просмотра на занятии можно предложить учащимся ответить на следующие вопросы по содержанию, чтобы в целом определить степень восприятия ими сюжета:

1. 为什么小赖几乎迟到了恬恬和肖伟哲的婚礼? (Почему Сяолай чуть не опоздал на свадьбу Тяньтянь и Сяо Вэйчжэ?)
2. 回到过去之前小赖说了什么? (Что произнес Сяолай перед возвращением в прошлое?)
3. 主角返回了过去的什么时刻? (К какому моменту в прошлом вернулся главный герой?)

На первом этапе учащимся также предлагается ответить на различные вопросы, связанные с главной проблематикой серии перед просмотром, и обсудить ответы на эти вопросы на занятии:

1. 你们觉得直接说出自己的感情重要吗? (Как вы считаете, важно ли прямо говорить о своих чувствах?)
2. 对你们来说, “爱”的概念是什么? (Что для вас представляет собой понятие «любовь»?)
3. 如果出现这样的机会, 你们想回到过去吗? 为了什么? (Хотели ли бы вы вернуться в прошлое, если бы возникла такая возможность? Для чего?)

Во время просмотра серии следует предложить учащимся выписывать новые слова, а также их определения на китайском языке. В конце семестра они должны будут составить вордлист и выучить его для дальнейшей сдачи материала.

Для второго (демонстрационного) этапа, т. е. для работы дома при повторном просмотре, подойдут следующие упражнения:

1. Соединить слова и фразы на китайском и русском языках:

1.	冠军	a	Невеста
2.	致词	б	Финальное состязание, финал
3.	婚纱	в	Церковь
4.	新娘	г	Давать клятву

5.	教堂	д	Произносить речь
6.	起誓	е	Чемпион
7.	决赛	ж	Свадебное платье невесты

2. Заполнить пропуски в предложениях:

- 给我_____，我就有力量了。
- 欢迎你来到这个_____的时空。
- 这场_____一定得让我上场。

3. Расположить реплики героев в правильном порядке, чтобы получился диалог:

小赖	天使
你是谁啊? 这里的人都去哪儿了?	我既不是工作人员,也不是人类。
你是这儿的工作人员吗?	天使
闭上眼睛,然后说:“哈利米亚走起”。	你小时候有没有试过许愿呢?
那你是什么?	他们都在,可他们都不在。
有。	怎么做的?

Для третьего (последемонстрационного) этапа мы предлагаем следующие упражнения для проверки усвоения информации на занятии после просмотра серии учащимися дома:

1. Выбрать, какие утверждения правдивые, какие ложные, а о каких не было упомянуто в серии:

1) 小赖在去婚礼的路上因为修路而遇到了堵车。(Сяолай по пути на свадьбу попал в пробку из-за ремонта дороги);

2) 恬恬高中时是一个啦啦队的队长。(Тяньтянь была капитаном группы поддержки в старшей школе);

3) 小赖对坚果过敏。(У Сяолая аллергия на орехи).

2. Определить, кем были произнесены реплики:

1) 许愿,我就为你实现。(Загадай желание, и я исполню его для тебя);

2) 新郎肖伟哲和新娘吉恬恬的结婚仪式现在开始。(Сейчас начинается церемония бракосочетания жениха Сяо Вэйчжэ и невесты Цзи Тяньтянь).

Помимо выполнения указанных заданий, учащиеся также могут рассказать по очереди, что произошло в данной серии.

На последнем этапе работы преподаватель может задать студентам вопросы на русском языке, побуждающие к дискуссии, размышлению и коллективному обсуждению просмотренного материала. Использование русского языка в данном случае носит целенаправленный характер. При сравнении культурных реалий двух стран, изучение которых позволяет снять трудности в понимании особенностей мышления и мировосприятия представителей китайской культуры, родной язык усиливает воздействие на обучаемого, позволяя в полной мере погрузиться в обсуждение материала, что способствует успешному освоению учебного процесса.

1. Как бы вы поступили на месте Сяолая и Тяньтянь?

2. Какие новые реалии вы узнали о Китае?

3. Какие черты национального характера проявились в речи и поведении героев?

4. Какие черты национального характера китайцев похожи на черты русских людей?

После выполненной работы можно провести анкетирование учащихся с целью выявления возникших у них трудностей и оценки эффективности данного вида работы. Эта анкета может включать в себя такие вопросы, как:

- Нравится ли вам изучение языка с помощью китайских дорам?
- Все ли вы понимали при просмотре драмы?
- Что вызывало трудности?
- Какие виды работы вызвали наибольшие трудности после просмотра драмы?

Для работы с дорамами, с нашей точки зрения, стоит использовать разнообразные виды деятельности и упражнений, которые могли бы заинтересовать обучающихся и мотивировать их к дальнейшему изучению китайского языка.

В качестве вывода можно отметить то, что моделирование заданий для работы с аутентичными видеоматериалами должно осуществляться с оглядкой на уровень владения языком учащихся и соответствовать главным целям занятия, к которым относятся следующие: освоение нового лексического материала в реальном контексте; использование его в письменной и устной речи; развитие речевой деятельности; совершенствование навыка монологической и диалогической речи; усвоение языковых моделей и моделей поведения представителей китайской культуры; осознание культурных различий.

Данное исследование может способствовать совершенствованию практической деятельности в области обучения китайскому языку и послужить основой для дальнейшего исследования методики преподавания китайского языка с использованием аутентичных видеоматериалов, в частности телесериалов.

Список литературы

1. **Азимов, Э. Г.** Новый словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : ИКАР, 2009. – 448 с.
2. **Култаева, М.** Дорама: секрет популярности / М. Култаева. – Текст : электронный // Агентство переводов «СВАН» : [сайт]. – URL: <https://swan-swan.ru/articles/kino-i-televidenie/doramy-sekret-populyarnosti/?ysclid=lobn87hzz4540180515> (дата обращения: 01.10.2023).
3. 求婚大作战 第01集. – Text : electronic // Haitu.tv : [website]. – URL: <https://www.haitu.tv/vod/play/id/20833/sid/1/nid/1.html> (date of access: 02.10.2023).

Latysheva V. S.,
Cherednichenko V. M.

**Teaching Chinese Language Using Authentic Video Materials
(Based on the Television Series «求婚大作战» “Operation Love”)**

This article is devoted to the use of authentic video materials, which are a valuable tool in modern methods of teaching Chinese language. The research outlines the form for conducting Chinese language classes using an authentic television series (dorama) and practical tasks based on it, developed by the authors. Authentic video materials are as close as possible to the linguistic and sociocultural reality of the Chinese people and therefore their use in Chinese language classes is more than justified.

Key words: *authentic video materials, learning process, television series, dorama, Chinese language.*

УДК 373.091.313.811.111

Харченко Лариса Ивановна,
канд. пед. наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и практики перевода
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
larissa7474@yandex.ru

Карпова Анастасия Александровна,
студент 4 курса, направление подготовки
«Филология. Зарубежная филология.
Английский и второй иностранный язык
(китайский, арабский, турецкий)»
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
nastyka02@gmail.com

Технологии проектирования в работе преподавателя английского языка

В статье раскрыта сущность технологии проектирования в работе преподавателя английского языка. Авторы обращают внимание на особенности каждого из этапов технологии проектирования. Дана оценка использования метода проектов в развитии креативного мышления обучающихся младших классов.

Ключевые слова: метод проектов, проект, проектная деятельность, креативное мышление.

Работа преподавателя включает не только теоретический и практический аспекты, но также творческое направление при обучении школьников, особенно в младших классах. Современные дети активно используют технологии и гаджеты, обращают внимание на яркий текст или картинки, открыты к новым познаниям и именно поэтому необходимо найти новый подход в преподавании, заинтересовать и вовлечь обучающихся в процесс изучения иностранного языка. Одним из видов работы, при котором происходит закрепление пройденного и поиск нового материала, развивается креативное мышление и творческие способности обучающихся, является проектная деятельность.

Целью данной статьи является изучение особенностей технологии проектирования в работе преподавателя английского языка.

Данный вопрос широко рассматривался в работах отечественных и зарубежных ученых (Л. М. Горбунов, Н. Ю. Пахомова, А. О. Пирожкова, А. В. Хуторской, В. В. Краснова, Т. М. Мартынова, Ю. В. Кохендерфер, У. Х. Килпатрик и др.).

В XXI веке, веке технологий и стремительного развития, проектная деятельность, которая совмещает современные методы и технологии обучения, является необходимым элементом, применяемым при обучении иностранному языку. Метод проектов – это дидактическое средство, способствующее формированию навыков планирования самостоятельной деятельности, креативности и творческих способностей, практического владения

иностранным языком. Это один из методов в обучении детей, стимулирующий интерес обучающихся к проблеме. Важной составляющей данного метода является деятельностный подход, который способствует максимальной реализации творческого потенциала личности. Проект – это совокупность задач или мероприятий, связанных с достижением запланированной цели, которая, как правило, имеет уникальный и неповторяющийся характер [2].

Проектирование применяется как при индивидуальной, так и при коллективной работе обучающихся. Такой подход расширяет вариативность применения метода в учебной деятельности, при этом педагог является главенствующим звеном, так как именно от него зависит заинтересованность и мотивация обучающихся при выполнении работы. Обязательными компонентами проектной деятельности для педагога являются: принцип невмешательства, правильная организация хода работы над проектом, адекватная общая оценка по окончании выполнения работы. Проектная деятельность – неоценимый ресурс, использующийся для формирования ключевых компетенций обучающихся, к которой А. В. Хуторской относит следующие компетенции:

- ценностно-смысловые: формирование механизма самоопределения обучающегося в различных видах деятельности;
- общекультурные: формирование знаний в области национальной и общечеловеческой культуры;
- учебно-познавательные: развитие самостоятельной познавательной деятельности;
- информационные: формирование умения работать с информацией (сбор, хранение и передача);
- коммуникативные: развитие умения взаимодействия с людьми, навыков работы в группе и т. д.;
- социально-трудовые: формирование знаний, относящихся к социально-общественной, социально-трудовой, экономической и правовой деятельности, сфере семейных отношений и обязанностей, области профессионального самоопределения;
- компетенции личностного самосовершенствования: формирование умений физического, духовного и интеллектуального саморазвития [5].

Проектная деятельность – часть самостоятельной работы обучающихся, которая влияет на развитие креативного мышления. Качественно выполненный проект включает планирование, поиск и систематизацию информации, отслеживание результатов деятельности, презентацию готовой работы, а также анализ проделанной работы. В средних и старших классах метод проектирования более распространен и не вызывает у обучающихся особых трудностей, как со стороны познаний и умения организовать работу, так и в силу возрастных психологических особенностей. Поэтому учитель младших классов должен приложить определенные усилия для того, чтобы при выполнении работы задание не вызывало у обучающихся страх, чтобы они были заинтересованы и смогли раскрыться и воплотить все свои творческие идеи.

Исследователи выделяют различные этапы в ходе прохождения проекта. В данной статье мы придерживаемся точки зрения В. М. Горбунова, который выделял следующие этапы.

1. Этап определения проблемы, в рамках которого развивается речевая деятельность, умение анализировать факты, выявлять суть проблемы. Задачей педагога является создание проблемной ситуации, а цель обучающихся состоит в том, чтобы выявить проблему и вытекающие из нее задачи проекта.

2. Этап развития гипотезы, выдвижения проблемы, который развивает умения вести дискуссию, слушать и слышать собеседника, аргументировать свою точку зрения, умения находить компромисс, умения лаконично излагать свою мысль. Педагог участвует в обсуждении, а обучающиеся выдвигают свои гипотезы, обсуждают их, приходят к единому мнению.

3. Этап планирования хода проекта, на котором происходит развитие следующих умений:

- работа с информацией, с текстом, фактами, разнообразным справочным материалом;
- использование информационных возможности компьютеров и информационных сетей;
- приобретение опыта участия в коллективно-распределенной деятельности.

Педагог корректирует предлагаемый учениками план проекта, а обучающиеся планируют работу, распределяют между собой обязанности и части работ.

4. Этап реализации проекта, в рамках которого развиваются умения групповой / индивидуальной работы, четкого и своевременного выполнения определенных задач. Педагог управляет реализацией, обучающиеся, в свою очередь, выполняют задачи.

5. Этап оформления результатов, который развивает творческое отношение к оформлению работы. На этом этапе создается ситуация необходимости применения компьютерных технологий. Педагог участвует в дискуссии и в выборе способов оформления, обучающиеся оценивают результаты проекта и сравнивают с прогнозируемыми результатами, в случае несоответствия выясняют причины.

6. Этап рефлексии, который развивает навыки анализа результата работы, ее оценки и выявления удачных и неудачных аспектов работы. Педагог участвует в дискуссии, обучающиеся оценивают результаты проекта и сравнивают с предполагавшимися результатами, в случае несоответствия выясняют причины [1].

Изучив работы исследователей по вопросу использования проектной технологии в работе современного учителя, стоит отметить следующие достоинства названной технологии:

- затрагивает личность ученика целиком и вовлекает в учебный процесс все его чувства, эмоции и ощущения;
- делает ученика активным действующим лицом в учебном процессе, осознающим, что изучение нового языка связано с его личностью и интересами, а не с заданными учителем приемами и средствами обучения;
- создает такие ситуации, в которых учитель не является центральной фигурой; дети должны стать равноправными субъектами учебного процесса и активно общаться друг с другом; это меняет функции учителя, делая его наблюдателем, консультантом и участником детских игр;

– постепенно обучает школьника работать над языком самостоятельно и обеспечивает дифференциацию и индивидуализацию учебного процесса;
– предусматривает все возможные формы работы в классе: индивидуальную, групповую, коллективную, которые стимулируют самостоятельность и творчество детей [4, с. 95].

Таким образом, можно утверждать, что использование метода проектов оказывает, без сомнения, положительное влияние на обучающихся, особенно младших классов. При этом важно помнить, что частое использование данной технологии в названной категории школьников может привести к утрате интереса и эффективности в связи с возрастными и психологическими особенностями младших школьников. Преподавателю необходимо подбирать варианты выполнения данного задания в соответствии с индивидуальными особенностями обучающихся, с учетом поставленных целей и задач обучения. Комбинирование различных методов во время обучения иностранному языку позволит развивать память, творческие способности, речь обучающихся, а также будет способствовать мотивации и заинтересованности обучающихся в изучении предмета.

Список литературы

1. **Горбунов, Л. М.** Практическая педагогика : учеб. пособие / Л. М. Горбунов. – Иркутск : Изд-во Вост.-Сиб. гос. акад. образования, 2012. – 127 с.
2. **Краснова, В. В.** Проектная деятельность в реализации ФГОС нового поколения / В. В. Краснова. – Текст : электронный // Юный ученый. – 2016. – № 6(9). – С. 31–33. – URL: <https://moluch.ru/young/archive/9/635/> (дата обращения: 03.11.2023).
3. **Пахомова, Н. Ю.** Метод учебного проекта в образовательном учреждении : пособие для учителей и студентов пед. вузов / Н. Ю. Пахомова. – М. : АРКТИ, 2005. – 112 с.
4. **Пирожкова, А. О.** Теория и практика обучения английскому языку в начальных классах : учеб. пособие / А. О. Пирожкова. – Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2018. – 151 с.
5. **Хуторской, А. В.** Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов / Хуторской Андрей Викторович. – Текст : электронный // Вестник Института образования человека. – 2011. – № 1. – С. 3. – URL: <https://иоч.рф/journal/2011/Eidos-Vestnik2011-103-Khutorskoy.pdf> (дата обращения: 05.11.2023).

**Kharchenko L. I.,
Karpova A. A.**

Design Technologies in the Work of English Teacher

The article reveals the essence of design technology in the work of English language teacher's work. The authors pay attention to the peculiarities of each of the stages of technology designing. The article evaluates the use of the project method in the development of creative thinking of junior school students.

Key words: project method, project, project activity, creative thinking.

УДК 378.011.3-051:811'243-047.76-047.44(470+571)

Харченко Лариса Ивановна,
канд. пед. наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и
практики перевода
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
larissa7474@yandex.ru

Панова Анастасия Алексеевна,
студент 2 курса магистратуры,
направление подготовки
«Лингвистика. Лингводидактика и
межкультурное образование
(английский язык)»
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
nastena_panova2000@mail.ru

Ретроспективный анализ проблемы профессиональной подготовки будущих учителей иностранного языка в российском образовательном пространстве

Статья посвящена анализу исторической динамики развития профессиональной подготовки учителей иностранного языка, выявлению основных причин и тенденций, определявших содержание языкового педагогического образования в прошлом, описанию подходов к преподаванию иностранных языков в различные исторические периоды.

Ключевые слова: ретроспективный анализ, преподавание иностранных языков, подготовка учителей иностранных языков.

Вхождение России в единое международное образовательное пространство повлекло за собой ряд серьезных изменений, таких как полное переосмысление и изменение содержания языкового педагогического образования, а также переход на совершенно новый уровень подготовки будущих учителей иностранных языков. Новые социально-политические и экономические реалии глобального масштаба выдвигают новые требования и стандарты к характеру изучения, преподавания и овладения иностранными языками. Всестороннее изучение и творческое использование накопленного исторического опыта представляется особенно значимым в контексте модернизации отечественного иноязычного образования на современном этапе.

Следует отметить, что ретроспективный анализ основных тенденций эволюции содержания обучения иностранным языкам в различные исторические периоды является основой для отбора содержания обучения в целом. Обращение к истории отечественной подготовки учителей, несомненно, значимо, поскольку был пройден большой путь, требующий глубокого изучения и научных исследований. История подготовки педагогических

кадров является важным звеном в воссоздании исторического облика российской системы образования в целом. Ф. Л. Ратнер и М. В. Нефёдова справедливо называют систему педагогического образования «стержнем» модернизационного процесса и подчеркивают важность учета исторического опыта [9, с. 189]. Несмотря на интерес исследователей к истории иноязычного педагогического образования (А. А. Миролюбов, С. М. Никонова, Ф. Л. Ратнер и др.), некоторые аспекты еще не изучены и требуют дальнейшего рассмотрения.

Историко-педагогические основы преподавания европейских иностранных языков в российской системе образования базируются на представлении об образовании как сфере культуры в ее целостном понимании, предполагающем комплексное изучение различных ее направлений, характеризующих те или иные стороны процесса общественного развития [8, с. 12].

Для более детального изучения возникновения рассматриваемой здесь проблемы используется следующая периодизация истории изучения и преподавания европейских иностранных языков, как старых, так и новых (латинского, греческого, немецкого, французского, английского):

- первый период: с момента развития образования в Древней Руси – до первой четверти XVIII века (до реформ Петра I);
- второй период: со второй четверти XVIII века – до середины XIX века;
- третий период: с середины XIX века – до конца XIX века (особое внимание уделяется проблемам преподавания европейских иностранных языков);
- четвертый: с конца XIX века – до начала XX века [8, с. 12].

Путь развития методики преподавания европейских иностранных языков – древних и новых – в нашей стране определялся историческим развитием самой страны и ролью иностранных языков в жизни людей. В России и Украине средних веков язык изучался в основном в путешествиях или у иностранцев, находившихся по делам в русских городах. Естественно, что в таких условиях язык усваивался в основном интуитивно и без перевода. С XIV – по XVI век центр учености находился в основном на юго-западе Руси, и именно здесь были основаны Киево-Могилянская академия и религиозные «братские» школы, получившие название греческих, славянских, русских, латинских и польских школ письма, из чего следует видное место языков в этих школах.

В XVII веке иностранные языки (латинский и греческий) преподавались в Московской Славяно-греко-латинской академии. В XVII – первой четверти XVIII века в Москве были открыты иноверческие школы. В католических и лютеранских школах преподавались латинский, греческий и немецкий языки. В голландской школе преподавался родной язык. Таким образом, допетровская Русь не оставила новой России никакой новой культурной традиции, даже в области преподавания иностранных языков [8, с. 20].

Основной задачей русской школы петровского этапа было воспитание и общее образование, подготовка кадров для профессиональных целей (государственных и духовных). Приоритетным было открытие ряда специальных школ, в которых ученики спешно осваивали различные иностранные языки – латинский, греческий, немецкий, шведский, голландский, французский. Изучение иностранных языков в это время выполняло, прежде всего, функцию непосредственного приобретения знаний.

Высшее образование начало функционировать в России только со второй четверти XVIII века. В течение XVIII и первой половины XIX века был создан ряд специализированных и общеобразовательных учебных заведений (императорский лицей, аристократические институты, кадетские корпуса, гимназии, коммерческие училища), в которых было введено преподавание европейских иностранных языков – латинского, греческого, немецкого и французского. В этот период были введены также английский (для военных, административных и коммерческих училищ), итальянский и датский (для военных и военно-морских училищ) языки. Формальное образование преобладало в специальных закрытых и массовых учебных заведениях, а изучение иностранных языков носило формально-развивающий характер. Квалифицированных преподавателей новых иностранных языков (немецкого, французского, английского) было очень мало [8, с. 21].

До 60-х годов XIX века специальной подготовки преподавателей иностранных языков не существовало. По мнению Е. И. Емельяновой, иностранный язык (латинский или древнегреческий) включался в учебный план как один из общеобразовательных предметов, «не имея организованной цели и сферы его применения» [2, с. 26]. Из анализа архивных данных можно сделать вывод, что наследие классической гимназии – устоявшееся преподавание древних языков, в том числе и латыни, – продолжало сохранять свое значение и во второй половине, и в конце XIX века. В то же время преподавание новых (живых) языков находилось на среднем или даже низком уровне, что указывает на проблемы в формировании прикладных методов обучения, характерных как для исследуемого периода истории образования в России в целом, так и для преподавания иностранных языков в частности. В последние два десятилетия XIX века популярность новых иностранных языков возрастает, хотя авторитет древних языков по-прежнему сохраняется. Французскому языку отдается предпочтение в сравнении с немецким и латинским языками [8, с. 22].

В 1846 году, после школьной реформы, закрепившей новые иностранные языки (французский и немецкий), были предприняты первые попытки создания специальной целевой подготовки учителей иностранных языков путем организации специальных курсов. В досоветский период подготовка учителей была весьма разнообразной и осуществлялась как в специализированных профессиональных учебных заведениях (институтах, учительских семинариях, средних педагогических училищах), так и в общеобразовательных учреждениях – гимназиях, женских высших курсах, епархиальных женских училищах, где подготовка учителей осуществлялась различными способами [4, с. 90].

В 1867 году был создан Императорский историко-филологический институт для подготовки преподавателей древних и русских языков, словесности и истории для средних учебных заведений Министерства народного просвещения. В институт принимались выпускники классических гимназий и философских классов духовных семинарий, успешно сдавшие экзамены по древним и русским языкам. Преподавателей древних языков готовили также в Русской филологической семинарии при Лейпцигском университете, которая была открыта в 1873 году и просуществовала до 1888 года. В 1889 году в Санкт-Петербурге М. М. Бобрищевой-Пушкиной были

открыты женские курсы новых языков. В 1914 году они были преобразованы в «Частные педагогические курсы новых языков», а их выпускницы имели право преподавать во всех средних учебных заведениях Министерства народного просвещения. С 1891 года начало свою деятельность частное учебное заведение «Женские курсы новых языков, музыки и живописи М. А. Лохвицкой-Скалон», выпускницы которого пополнили ряды преподавателей иностранных языков [6, с. 50]. Кроме этих курсов существовали также Демидовские курсы для преподавателей новых языков, курсы Форсмана и Бецжак. Определенным вкладом в решение кадровой проблемы стало привлечение выпускников гимназий, окончивших восьмой педагогический класс по новым языкам. Вопросы подготовки учителей иностранных языков обсуждались на различных научно-педагогических мероприятиях, в частности, на заседаниях комиссий, занимавшихся вопросами реформирования российской средней школы на рубеже XIX–XX веков. На одном из них попечитель Казанского учебного округа М. М. Алексеенко подчеркнул важность высшего филологического образования для преподавателей французского и немецкого языков. Еще одним способом решения кадровой политики М. М. Алексеенко назвал привлечение к преподаванию новых языков людей с университетским образованием, но не окончивших романско-германское отделение, или не изучавших древние языки и другие предметы. Такие кандидаты должны были пройти «особое испытание» и после удовлетворительных пробных уроков и представленного отчета допускались к преподаванию, а также получали годовую командировку за границу с вознаграждением в 1200 р. [6, с. 51].

Повышению профессиональной компетенции преподавателей иностранных языков способствовали языковые стажировки и курсы в стране изучаемого языка. Решению данной задачи способствовали и педагогические съезды, направленные на развитие педагогического мышления, консолидацию преподавателей, повышение квалификации и обмен положительным опытом. По имеющейся информации, первый Всероссийский съезд преподавателей древних языков проходил в Санкт-Петербурге с 28 по 31 декабря 1911 года.

Опираясь на изученные исторические документы, а также историко-педагогические работы, мы выяснили, что подготовка учителей иностранных языков в XIX – начале XX века была вариативной и осуществлялась в учебных заведениях разного типа (учительские семинарии, институты, гимназии). Дефицит преподавателей иностранных языков привел к привлечению иностранцев в качестве учителей иностранных языков, которые зачастую не имели соответствующей профессиональной подготовки. Иностранцы, желающие преподавать иностранные языки, обязаны были сдавать специальные экзамены.

В начале XX века (с 1905 года) постепенно повышались требования к уровню подготовки и квалификации преподавателей учебных заведений. С 1905 по 1913 год уровень преподавания новых иностранных языков – немецкого и французского – значительно повысился по сравнению с концом XIX века, о чем можно судить по наличию разных преподавателей на разных ступенях обучения, методическим спорам среди преподавателей, изменению кадрового состава, введению новых учебников и другим мерам, предпринимаемым руководством учебных заведений.

В 1911 году на средства промышленника П. Г. Шелапутина в Москве было открыто высшее педагогическое учебное заведение для подготовки

учителей гимназий, на одном из отделений которого готовились преподаватели древних языков [3, с. 153].

В XX веке взгляды на роль иностранных языков в системе образования не были однозначными, поэтому в истории преподавания иностранных языков было несколько этапов, каждый из которых предполагал переосмысление и пересмотр ранее провозглашенных целей и задач обучения и, как следствие, изменение содержания. Значительно сократилось количество часов, отводимых на преподавание иностранных языков, отсутствовали необходимые учебники и программы.

В период с 1918 по 1920 год появились новые программы и учебные планы для средней школы, которые одновременно служили руководством для высшей школы при подготовке школьных учителей. В содержание языковой педагогической подготовки были включены дисциплины общественно-политического значения, педагогический цикл и специальные дисциплины языкового цикла. Изучение иностранных языков стало актуальным для всех, и потребность в преподавателях иностранных языков возросла. В то же время в этот период усилилась политизация и идеологизация общества и школы, как средней, так и высшей.

По мнению М. К. Бородулиной, «институты и факультеты иностранных языков готовили специалистов, глубоко и всесторонне владеющих марксистско-ленинской теорией и умеющих применять свои знания на практике». К тематике учебного материала предъявлялись вполне определенные требования: она должна была быть идеологически выдержанной, отражать идеологию пролетарского класса, содержать элементы политехнизма и коллективизма [1, с. 64].

После Второй мировой войны начался период всемирного политического и идеологического противостояния между СССР и другими социалистическими странами, с одной стороны, и странами Запада – с другой, получивший в 1947 году название «холодной войны». Парадокс заключался в том, что времени на изучение иностранных языков было предостаточно, а вот говорить на них теперь было опасно. При практическом обучении иностранным языкам устная речь исключалась. В 1951 году была принята новая программа, согласно которой основой содержания обучения иностранным языкам в вузах должно было стать комплексное теоретическое изложение фундаментальных проблем лингвистики.

В 1960-е годы международная обстановка, научно-техническая революция, значительный рост и расширение культурных и деловых контактов предъявили новые требования к характеру обучения иностранным языкам. В качестве основной цели было провозглашено овладение языком через разговорную речь и беспереводное чтение. Практическая направленность вузовского обучения была усилена постановлением Совета Министров «Об улучшении изучения иностранных языков» (1961 год), в котором говорилось, что знание иностранных языков специалистами различных отраслей науки, техники и культуры, а также широкими кругами трудящихся страны имеет огромное значение для развития международных связей, взаимного обмена культурными и научно-техническими достижениями.

Постановка новой цели обучения иностранному языку привела к соответствующему изменению содержания обучения, что выразилось в сокращении объема грамматического материала и появлении новых тем

для общения на иностранном языке. Материалы о стране изучаемого языка использовались в сравнении с реалиями родной страны обучаемых.

В 1980-е годы в стране был взят курс на перестройку – политику ускорения социально-экономического развития страны. Одной из центральных задач подготовки учителей иностранного языка в педагогическом университете являлось дальнейшее совершенствование академической подготовки и личностного развития будущих учителей. При этом к отбору содержания обучения применялся комплексный подход.

В 1980-х годах ученые Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров разработали концепцию страноведческого подхода к обучению иностранным языкам, в которой на первый план выдвигается «национально-культурная семантика языка, т. е. содержание, восходящее к особенностям экономики, географии, социальной структуры, фольклора, литературы, всех видов искусства, науки, деталей быта, обычаев народа – носителя соответствующего языка» [10, с. 135].

Начало 1990-х годов, связанное с распадом СССР, окончанием холодной войны, политикой гласности и открытости, характеризуется социально-экономическими изменениями в России, стремлением страны интегрироваться в мировое и европейское социокультурное и образовательное пространство, сохраняя при этом свою национальную уникальность.

Таким образом, актуальность и значимость нашего исследования обусловлена необходимостью использования опыта, полученного в результате историко-педагогического анализа развития преподавания европейских иностранных языков в России, для применения его в современной образовательной теории и практике. Подчеркнем, что формирование кадрового потенциала для преподавания иностранных языков имеет исключительное значение. Именно уровень и качество общенаучного, психолого-педагогического, методического и лингвистического образования преподавателя в значительной степени определяют успешность образовательной деятельности в целом.

Список литературы

1. **Бородулина, М. К.** Основы преподавания иностранных языков в языковом вузе / М. К. Бородулина, Н. М. Минина. – М. : Высш. шк., 1968. – 118 с.
2. **Васильева, О. И.** Профессиональное совершенствование учителя средних учебных заведений России второй половины XIX начала XX вв. : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Васильева Ольга Ивановна. – М., 1996. – С. 89.
3. **Емельянова, Е. И.** Формирование личностно профессиональной компетентности будущих учителей иностранного языка в вузе : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Емельянова Елена Игоревна. – Великий Новгород, 2020. – 26 с.
4. **Ергин, Ю. В.** Подготовка педагогических кадров в дореволюционной России / Ю. В. Ергин // История образования. – 2018. – № 1(62). – С. 151–164.
5. **Ковригина, В. А.** Иноверческие школы Москвы XVII – первой четверти XVIII в. / В. А. Ковригина // Педагогика. – 2001. – № 2. – С. 74–79.
6. **Клименко, Т. К.** Подготовка учителей иностранного языка в ретроспективе развития педагогического образования (XIX – начало XX века) / Т. А. Клименко, О. Ю. Левченко // Ученые записки ЗабГУ. Сер.: Педагогические науки. – 2016. – № 5. – С. 48–52.

7. **Никонова, С. М.** У истоков советской методики обучения иностранным языкам / С. М. Никонова. – М. : Высш. шк., 1969. – 105 с.
8. **Никшикова, Л. Ю.** Историко-педагогические основы преподавания иностранных языков в России XIX – начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Никшикова Лана Юрьевна. – Нижний Новгород, 2007. – 27 с.
9. **Ратнер, Ф. Л.** Становление и развитие системы педагогического образования в Императорском Казанском университете / Ф. Л. Ратнер, М. В. Нефедова // Образование и саморазвитие. – 2012. – № 5. – С. 189–195.
10. **Смирнова, Т. Ю.** Содержательный аспект подготовки будущих учителей иностранных языков в России в XX веке / Т. Ю. Смирнова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 5. – С. 132–138.

**Kharchenko L. I.,
Panova A. A.**

Retrospective Analysis of the Professional Training Problem of Future Foreign Language Teachers in the Russian Educational Space

The article is devoted to analyzing the historical dynamics of the development of professional training of foreign language teachers, identifying the main reasons and trends that determined the content of language pedagogical education in the past, describing approaches to teaching foreign languages in different historical periods.

Key words: *retrospective analysis, foreign language teaching, foreign language teacher training.*

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК [81.411.21:811.161.1]'25'282

Посохова Светлана Андреевна,
преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
verstu4ka@mail.ru

Специфика письменного перевода с арабского языка на русский

В данной статье рассмотрены особенности перевода, а также трудности, с которыми переводчик может столкнуться при передаче текста с арабского языка на русский. Автор утверждает, что понимание языковой картины мира и наличие фоновых знаний о стране изучаемого языка является залогом адекватного и точного перевода.

Ключевые слова: *реалия, перевод, картина мира, религиозные термины, лексика, история арабского перевода.*

Сегодня арабские страны не только привлекают внимание своим разнообразием и уникальной культурой, но и представляют интерес с точки зрения политической системы и уровня экономического развития. Россия поддерживает дружеские или партнерские отношения практически со всеми арабскими странами, несмотря на конкуренцию на рынке энергоносителей. Это сотрудничество приводит к увеличению объема торговли и появлению новых направлений взаимовыгодных отношений. Одним из наиболее перспективных направлений сотрудничества являются такие отрасли, как промышленность, металлургия, сельское хозяйство, строительство, атомная энергетика, транспорт и военно-техническая сфера, в которых российские компании могут предложить свои знания и опыт, что способствует развитию экономических связей между странами. С этой точки зрения стоит отметить значимость коммуникации между арабскими странами и Россией, а отсюда появляется спрос на профессиональный перевод с арабского языка на русский и наоборот. Бизнес-сфера, политика, культура и другие области требуют качественного перевода, чтобы обеспечить эффективное взаимодействие и понимание между партнерами.

Теоретической основой исследования послужили труды таких известных отечественных и зарубежных ученых в области теории перевода и переводоведения, как Я. И. Рецкер, К. Райс, Г. Вермеер, А. В. Смирнов, А. В. Федоров, В. Н. Комиссаров, Н. Д. Финкельберг, И. Ю. Крачковский, В. В. Наумкин и др.

Целью статьи является анализ письменного перевода с арабского языка на русский. Исследование определяется новизной специфики перевода письменных текстов разной области моделирования систем измерений с арабского языка на русский и наоборот.

Перевод помогает связать воедино разные культуры. При этом переводчик выступает в роли посредника между двумя культурами, он должен не только передать смысл исходного текста, но и сохранить его культурный контекст. Процесс перевода состоит из нескольких этапов. На первом этапе переводчик знакомится с исходным текстом, изучает его содержание и смысл. На втором – выбирает переводческую стратегию, которая позволит ему максимально точно передать когнитивное содержание текста. На третьем – переводчик производит уже сам продукт [5, с. 7].

Перевод с арабского на русский язык является сложной задачей, поскольку эти языки имеют существенные различия в структуре и системе образов. Переводчику необходимо не только хорошо владеть обоими языками, но и иметь глубокие знания о культуре и истории арабского мира. Целью адекватного перевода является передача смысла исходного текста на другом языке. При этом перевод должен быть не только точным, но и целостным. Под целостностью подразумевается единство формы и содержания на новой языковой основе. Перевод должен передавать не только значение исходного текста, но и его стилистические и экспрессивные особенности. Адекватность перевода означает соответствие перевода исходному тексту по содержанию, стилю и форме. Адекватный перевод передает не только смысл исходного текста, но и его культурный контекст. Иначе говоря, в отличие от пересказа, перевод должен передавать не только то, что выражено подлинником, но и так, как это выражено в нем. Данное требование относится как ко всему переводу данного текста в целом, так и к отдельным его частям. «Задача переводчика – передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности [5, с. 7].

Перевод в арабском мире имеет долгую и богатую историю. Первые переводы на арабский язык были сделаны в VIII–XIII веках, когда арабские ученые активно занимались изучением трудов греческих и римских ученых и философов. Стоит отметить, что главную книгу мусульман – Коран в те времена не переводили, так как приверженцам ислама разрешалось читать священную книгу исключительно на литературном арабском языке, отсюда и отпала надобность ее перевода на другие языки. Тем не менее, Коран уже давно переведён на разные языки мира, поэтому утверждать, что это единственная священная книга, «не осквернённая» изменениями перевода, не совсем честно. Считается, что все переводы Корана – это не Коран, и данные издания являются лишь неким пояснением с точки зрения ислама, которые зачастую искажают истинный смысл. При передаче терминов религии, переводчик сталкивается с такими проблемами, как коннотация, несоразмерность содержания понятий, многозначность, семантическая объемность, ситуативно-коммуникативный комплекс [1, с. 92–93].

Особенность языка Корана – приведение слов, включающих в себя много смысловых значений. Один аят может иметь один, два или десять разных смыслов, не противоречащих друг другу. Например, слово *мук'вин* имеет три разных смысла: 1. голодные люди; 2. оставшиеся в пустыне; 3. желающие получить пользу. Аллах одним этим словом поясняет, что огонь приносит пользу разным людям: 1. голодным для приготовления пищи; 2. оставшимся в пустыне для обогрева и преодоления опасности; 3. также для тех, кто желает принести пользу, изготавливая орудие труда, т. е. для плавки металла и т. д. [7].

Религиозные термины обычно переводятся с помощью методов транслитерации и калькирования. Для более аутентичной передачи значения религиозных реалий используется приём транслитерации, т. е. заимствования слов иной религии, изображаемые на письме буквами языка перевода, а в устной речи произносимые согласно правилам, например: *амир, имам, шейх, икамат, медресе, азан, дервиш, аль-фатиха*. В калькировании безэквивалентные слова или словосочетания заменяются буквальными соответствиями на языке перевода, например: *дуа – молитва; ийд – праздничная молитва*.

Считается, что при переводе понятий религиозного дискурса необходимо исключение неологизмов, т. к. религиозные концепты и термины возникли с появлением религий. Таким образом, устоявшийся перевод слова *тахарат* на «ритуальное омовение» русскоязычный читатель воспримет как умывание, что приведет к искажению смысла данного религиозного ритуала.

Поскольку арабский язык входит в состав семитских языков, он содержит ряд интересных особенностей, которые необходимо учитывать при переводе и которые представляют трудности даже для опытных переводчиков. Одной из возможных проблем, которая может возникнуть при переводе, является отсутствие в арабском языке заглавных букв. Имена и начальные слова в предложениях пишутся с маленькой буквы. Таким образом, если определенное слово заимствовано или транскрибировано, иногда требуется много времени, прежде чем переводчик поймет, что это имя собственное и что его не обязательно переводить. В арабском алфавите нет аналогии буквам *П* и *В*, поэтому при транскрипции иностранных слов, содержащих эти буквы, они обозначаются соответственно *БА* – ب и *ФА* – ف. Стоит отметить, что в арабском языке нет гласных, поэтому имена собственные не имеют гласных признаков, и может быть несколько способов произнесения одного и того же слова. Чтобы избежать подобных трудностей при переводе с арабского языка и на арабский язык, при транскрипции рекомендуется использовать согласные, обозначающие долгий вокал – *алиф* – ا, *вау* – و и *йа* – ي. В частности, из-за этих особенностей при обратном переводе транскрибируемых слов, таких как имена и титулы, возникает много недоразумений: سوكات رابس – [sbartakus] – *Снартак*, وكسوم – [musku] – *Москва*, بلال الالبج – [jibal al'alb] – *Альбы*, تابراكال – [alkaribat] – *Карматы*, ت سرفي – [afrist] – *Эверест*.

Неогласованность письменных текстов на арабском языке приводит к тому, что имена собственные могут иметь несколько вариантов чтения, а истинное значение, перевод слова переводчик понимает непосредственно из контекста: لجر – [rajl] – *мужчина*, قاسل – [rijl] – *нога*; ن – [man] – *кто*, م – [min] – *из*, سن – [sar] – *главный*, حرفلا – [sarra] – *радоваться*, س – [sur] – *пуповина*, رس – [sir] – *тайна*.

Существует целый ряд разновидностей почерка на основе арабского алфавита, что создает дополнительные трудности при переводе. Наиболее распространенные из них «насах» печатный шрифт, широко используемый в учебниках, книгах, газетах и других печатных продукциях. Другой необходимый почерк – это «рука'а», или скоропись. Целью этого почерка является ускорение процесса письма. Таким образом, две точки над буквой превращаются в черточку, три – в полукружие, точку в последней букве слова иногда заменяет «хвостик», что позволяет записать букву, не отрывая руки.

Теоретического материала по переводу с русского на арабский язык достаточно мало, что создает дополнительные трудности при переводе художественной литературы данной языковой пары, и, в частности, это касается перевода русских реалий. Укрепившись в русском языке путем заимствования, многие арабские реалии перестали нуждаться в переводе: *жираф, Коран, имам, шаурма, хамам, визирь, мечеть, шариат, адмирал, табак, алкоголь, цифра, газель, бахрома, алгебра, бедуин, факир, жасмин, бальзам, сундук* и др.

Реалии, появившиеся и появляющиеся на современном этапе развития арабского общества и развития арабского литературного языка – еще один явный вызов при переводе. Появление новых понятий и номинативные единицы, которые используются для их обозначения, слабо отражаются в справочной литературе, в том числе и в лексикографической практике.

Не существует таких языков, где значения лексических единиц полностью бы совпадали. Л. С. Бархударов выделил три типа семантических соответствий между лексическими единицами как русско-арабской языковой пары, так и единицами каких-либо двух языков: 1) полное соответствие; 2) частичное соответствие; 3) полное отсутствие соответствия [3, с. 123]. Первую группу составляют однозначные слова. По сравнению с другими лексическими единицами, составляющими словарный состав того или иного языка, число данного типа слов невелико. Вторым типом семантических соответствий является частичное соответствие, чем характеризуется большинство лексических единиц.

О частичном соответствии принято говорить тогда, когда в силу многозначности объем значений слова в том или ином языке оказывается шире, нежели у соответствующего слова в другом языке. Например, русское прилагательное *дорогой* и арабское *عالي* имеют ряд одинаковых значений, среди которых: 1) имеющий высокую цену *дорогое платье* – *من ثياب باهظة*, такой, которым дорожат *дорогой сердцу* – *بل قلبي يزيه*. Но у русского прилагательного *дорогой* имеется значение: *любезный, милый, любимый*, которое передается в арабском языке другим прилагательным: *дорогой друг* – *زي زعلي يقي دص*; 2) прилагательное *فردطتم* по своему второму значению переводится как *крайний* (по убеждениям): *نيرطتم لاني عرج ل* – крайние реакционеры. Третий тип составляет так называемая безэквивалентная лексика, связанная преимущественно с реалиями, т. е. предметами и понятиями действительности, характерными для того или иного языкового коллектива и отсутствующими у представителей других культур.

При переводе необходимо добиться полноты и точности перевода, а также того, чтобы текст не был чужеродным для носителя языка перевода, а это означает, что перевод не должен быть дословным, буквальным, ибо такой перевод сложно не только читать, слушать, но и теряться точность перевода, он искажается. Не следует переводить все слова в предложении без исключения, так как с точки зрения языка перевода, некоторые из них могут быть избыточными. Так, при переводе с арабского языка на русский – *يف ذيل الاحل هت لوج نم ءزجك سمأ رى ازجل اى ل*, *قارع ل نم مداق ل*, *دنهل سى ئر ل ص و طس وأل قرشل* – вместо «Прибыл в Алжир вчера приезжающий из Ирака президент Индии в рамках своего нынешнего турне по Ближнему Востоку», переводчик предлагает характерный для языка перевода вариант: «Вчера из

Ирака в Алжир прибыл президент Индии в рамках своего нынешнего турне по Ближнему Востоку». Слово امداق – «приезжающий» опущено, так как оно избыточное. В некоторых случаях перевод будет звучать намного лучше, если ввести дополнительные слова. Таким образом, перевод будет звучать гармоничнее и внесет некую ясность, которой нет при буквальном переводе.

Еще одним важным моментом является картина мира, которая имеет своим источником культурные ценности, традиции, обычаи и религию, и находит свое отражение в языке: в его лексическом составе, грамматическом строе, синтаксическом строении предложения, фразеологических оборотах, метафорических выражениях и многом другом [4, с. 34]. Такие культурные аспекты, как пословицы, фразеологизмы, метафоры и другие, бросают вызов переводчикам, поскольку эти аспекты трудно передать в другой культуре.

Найти эквиваленты пословицам, фразеологизмам, поговоркам, устойчивым выражениям – одна из самых распространённых сложностей для переводчика. Примером может послужить следующая арабская пословица, найти эквивалент которой в русском языке не представляется возможным: هي ام ملع ان أو سألنا لكال يني! – Я ем голову и знаю то, что есть в ней! Носители используют данную поговорку, когда приступают к делу, в котором встретятся с очевидными неприятностями. مونلا يف قرغ – тонущий во сне. Данный перевод является буквальным, но если сделать смысловой перевод, то получим значение: крепко спящий; رمألا ممي نمل – в буквальном переводе означает: кому не все равно. Эта фраза соответствует русскому эквиваленту – по месту требования, с которой сталкивается переводчик при письменном переводе административных документов и деловых переписок.

Также представляет интерес арабская пословица, которая имеет аналоги во многих языках и при буквальном переводе теряет смысловую нагрузку: لدو لقم مالكل ريخ – хорошая краткость имеет смысл, и как аналог в смысловом переводе: «краткость – сестра таланта». Выражение ني طلا دي زي – увеличить глину в ситуации – при смысловом переводе: «добавить масло в огонь». دحاو رجح ني روفصع برض – ударить двух птиц одним камнем, что соответствует русской пословице: «убить двух зайцев одним ударом». ع لى مدق قاسو означает в буквальном переводе: стопой и ногой, в аналоге означает: в самом разгаре. كطح ب رجح نأ بجي дословно означает: тебе следует попытаться свою удачу, в смысловом переводе означает скорее как: ты должен испробовать свои возможности.

В процессе перевода с арабского языка нужно также обращать внимание на территориальные вариации арабского языка. Кроме арабского литературного языка существуют диалекты, сильно отличающиеся в фонетическом плане и с присущими им языковыми вариациями, нюансами и культурными особенностями. Даже внутри одного диалекта возможны языковые различия. Различают следующие группы диалектов: 1) Магрибская группа; 2) Среднеазиатская группа; 3) Аравийская группа; 4) Сиро-месопотамский арабский язык; 5) Египетско-суданский арабский язык [1, с. 25–29].

С лингвистической точки зрения все они являются отдельными языками. В различных странах диалекты могут настолько отличаться друг от друга, что взаимопонимание может быть затруднено. Например, значения лексемы: طوس بم – в Сирии и أطوس بم ناك – в Египте означает быть довольным,

а в Ираке اطوسبم ناك означает быть побитым; или персик в Сирии – قأرد, а в Египте персик – خوخ, в то время как خوخ в Сирии – слива, а слива в Египте – قوقرب.

Специфика диалектов, или как их принято называть – «диалектные особенности», заключается, прежде всего, в упрощении грамматики литературного языка, в особенностях словарного состава, лексики и в произношении. Считается, как пишет В. П. Чернов, что, «усвоив литературный язык во всем его многообразии, можно сравнительно легко разобраться и во многих диалектных особенностях» [3, с. 48]. Что, однако, представляется несколько спорным. Например, в литературном языке стол – *миндада*, *тавиля*, *мактаб*, а в египетском разговорном языке стол – *тарабеза*. Это представляет большую трудность для перевода, если носитель языка (араб) не говорит на литературном арабском языке, а разговаривает только на своем диалекте, поскольку учебных пособий по изучению диалектов практически нет, особенно если это касается менее популярных диалектов. Недооценка при переводе таких нарушений норм в арабском языке ведет к снижению ценности перевода.

При написании дат и цифр также могут возникнуть трудности, так как в арабских странах пользуются двумя календарями: григорианским и традиционным исламским календарем. При этом, в отличие от григорианского календаря, арабский календарь полностью лунный: год включает в себя 12 лунных месяцев и состоит из 254 дней, что на 10 или 11 дней меньше солнечного года. Обычно в арабских документах даты исламского календаря совпадают с датами григорианского календаря. Если даты не совпадают, в переводе необходимо уточнить, о каком календаре идет речь. Названия месяцев по исламскому календарю в религиозных текстах принято транскрибировать при переводе на русский язык: بجر – Раджаб (июль), نابعش – Шаабан (август), ناضمر – Рамадан (сентябрь), لاوش – Шавваль (октябрь). Особое внимание необходимо также уделить цифрам, написанным как числа в европейском стиле (1, 2, 3, ...), а также в арабском стиле. Несмотря на то, что арабское письмо направлено справа налево, числа (в том числе дроби) пишутся в обычном направлении – слева направо. Буквы арабского алфавита также можно использовать для обозначения цифр при нумерации разделов или абзацев текста.

Таким образом, перевод – это сложный процесс, включающий осознанные и неосознанные мыслительные действия переводчика, которые определяются общей стратегией перевода. Опыт и навыки, накопленные ранее, закладываются в сознании переводчика в виде автоматизированных действий или методологических подходов, которые применяются без сомнений, так как они уже доказали свою эффективность в практике перевода. Другими словами, интуиция переводчика базируется на его опыте и знаниях, которые накопились в подсознании, что позволяет переводчику быстро оценить контекст и выбрать наиболее подходящий вариант перевода. Также важным аспектом перевода является учет культурных особенностей и нюансов языка. Переводчик должен быть хорошо знаком с обеими культурами, иначе он может неправильно передать смысл и контекст оригинального текста, поэтому переводчик должен постоянно совершенствовать свои знания и быть в курсе последних

тенденций в языке и культуре, чтобы достичь высокого качества перевода, что может стать перспективным направлением для дальнейших исследований.

Список литературы:

1. **Амер Мухаммад Ахмад.** Некоторые проблемы перевода религиозного термина / Ахмад Амер Мухаммад // Вестник Казахского национального университета. Сер. «Востоковедение». – 2007. – № 2(39). – С. 90–101.
2. **Бархударов, Л. С.** Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 45 с.
3. **Влахов, С.** Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Междун. отношения, 1986. – 416 с.
4. **Марчук, Ю. Н.** Синхронное взаимодействие языков и культур в переводе / Ю. Н. Марчук // Синхронное и диахронное в сравнительно-историческом языкознании : материалы VII междунар. научной конф. по сравнительно-историческому языкознанию (Москва, 31 янв. – 2 февр. 2011 г.) / под общ. ред. В. А. Кочергиной. – М., 2011. – С. 91–95.
5. **Рецкер, Я. И.** Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М. : Междунар. отношения, 1974. – 216 с.
6. **Финкельберг, Н. Д.** Курс теории перевода / Н. Д. Финкельберг. – М. : Восток-Запад, 2004. – 228 с.
7. **Перевод Корана, противоречащий шариату.** – Текст : электронный // Даруль-Фикр: исламский образоват. портал : [сайт]. – URL: <https://darulfikr.ru/articles/koran/perevod-korana-protivorechashhij-shariatu/> (дата обращения: 02.11.2023).

Posokhova S. A.

Specifics of Written Translation from Arabic into Russian

This article deals with the peculiarities of translation, discusses the difficulties which a translator may encounter while translating a text from Arabic into Russian. The importance of understanding the worldview of a language pair is a guarantee of an adequate and accurate translation. The author insists on understanding the linguistic picture of the world and having background knowledge about the country of the language being studied as the key to adequate and accurate translation.

Key words: *reality, translation, picture of the world, religious terms, vocabulary, history of Arabic translation.*

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

УДК 070.1 (477 : [470+571]) - 043.98-044.357

Куянцева Елена Александровна,
канд. филол. наук, доцент,
заведующий кафедрой журналистики и
издательского дела ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
elenakul@list.ru

Этапы информационной оккупации Украины как части постсоветского пространства

В статье сделана попытка исследовать этапы информационной оккупации Украины как важной части постсоветского пространства, представляющей интерес для России. Охарактеризованы основные процессы каждого из предложенных этапов, показано постепенное возрастание русофобии в украинской медиасфере. Приведены примеры из медиакритических статей, которые являются важной составляющей информационной агрессии Запада против России.

Ключевые слова: информационная оккупация, информационная политика, медиакритика, медиасфера.

Процесс информационной оккупации, происходящий на Украине с 90-х гг. XX века, не изучен объективно и в полной мере, но исследование этой проблемы актуально и необходимо для России, поскольку на территории, большая часть которой ранее принадлежала ей, состоялся успешный опыт информационного захвата со стороны Запада.

Цель данного исследования – очертить этапы информационных изменений, произошедших в украинской журналистике в период с 1991 года по настоящее время.

Развитие украинской журналистики в постсоветское время можно условно разделить на следующие этапы:

- 1) 1991 – 2004 гг. – время так называемых демократических изменений, главным из которых стоит назвать политику открытости и интеграции в мировую журналистику;
- 2) 2004 – 2014 гг. – период коммерциализации и олигархизации СМИ;
- 3) 2014 – 2022 гг. – усиление русофобии и цензуры в информационном поле государства;
- 4) 24.02.2022 г. – по настоящее время – время пропаганды и массового национализма, активно поддерживаемого украинскими и зарубежными масс-медиа.

Заявленные векторы развития журналистики в 90-е – начале 2000-х годов – это следование высоким стандартам мировой журналистики, ориентиры на ее лучшие образцы, отказ от цензуры, создание медиаплощадок для высказывания своего мнения всем слоям общества, построение гражданского общества, которое будет контролировать власть, в том числе благодаря непредвзятым СМИ, не зависящим от государства. Исследователи того

времени старались честно описывать существующие проблемы. Например, И. Чиж писал о необходимости изменить законодательство для улучшения свободы слова, информационной деятельности СМИ, защиты и развития информационного национального пространства, интеграцию в европейское и мировое сотоварищество [6, с. 33]. Справедливо были обозначены проблемы, возникшие в украинском обществе в связи с появлением коммерческих СМИ и новых реалий «свободного» рынка в медиасфере – падение моральных устоев из-за погони за продаваемым контентом, скрытые и явные ограничения в работе СМИ со стороны властей, даже проникновение информационного влияния других стран: «Наша страна превращается в улицу с односторонним движением» [6, с. 184]. Далее автор приводит пример, как польские станции вещают на тех же частотах, что и украинские, перебивая их, и справедливо указывает на первые проявления информационной экспансии других государств на территорию Украины. Но в целом, Иван Чиж оптимистичен в своих оценках развития украинской журналистики.

В десятые годы XXI века в украинской медиасфере стали появляться плоды коммерциализации и олигархизации СМИ: журналисты писали о множестве проблем в обществе, и на первый взгляд это выглядело демократично и плюралистично – много критики, резких, но справедливых оценок украинских реалий, кажется, что каждый мог открыто и честно высказать свое мнение. Однако в реальности дальше информационного шума и обсуждения проблем ситуация не менялась. Критика в адрес чиновников, описание коррупционных схем, обсуждение многочисленных трудностей в обществе не вызвали главного – последствий, которые должны были вызывать, т. е. попытки решения этих проблем. Украинские медиа превратились в арену борьбы различных политических сил. Медиаэксперты увлеклись изучением любительской журналисткой деятельности, предлагаемой различными активистами и блогерами, рассматриваемыми как альтернатива ангажированной официальной журналистике.

В известном львовском журнале «МедиаКритика» так охарактеризовали журналистику в 2010 году: «Свобода слова в этой стране стала неотъемлемой декорацией антидемократического уклада жизни; свобода слова стала тем мифом, который делает невозможным номинирование Украины как относительно цивилизованного государства; свобода слова стала иллюзией, которая успокаивает плебс и оправдывает режим; свобода слова – это абсолютное прикрытие (*перевод наш – Е. К.*)» [2].

В это же время в СМИ все еще было много пророссийского контента – присутствие России в информационном поле Украины было достаточно солидным, звучали призывы жить с Россией дружно или иметь хотя бы взаимовыгодные отношения, что воспринималось массовой аудиторией тепло, особенно старшим поколением. После госпереворота в 2014 году для украинского правительства и западных кураторов стала очевидной опасность присутствия России в украинском медиаполе.

С 2014 года украинская журналистика начинает приобретать все более явные черты той модели тоталитарной журналистики, которую критиковали сами же украинские журналисты-теоретики и практики, политики и известные публичные деятели. Градус русофобии поднимался быстро.

Если сразу после «революции достоинства» еще можно было встретить призывы к благоразумию, то вскоре они сменились куда более резкими высказываниями.

Сравним: во львовском журнале «МедиаКритика» были отмечены проявления пропаганды в СМИ и обращено внимание на то, что в период обострения борьбы на информационном поле «возникает целиком оправданная и понятная потребность, с одной стороны, ограничить вражескую информацию, с другой стороны – усилить в медиапространстве линию патриотизма». Вполне справедливо поставлен вопрос: как это сделать корректно, не утратив демократических достижений, поскольку в подаче материала эмоции журналистов не могут оставаться в стороне, наблюдается также и зависимость многих «независимых» СМИ [5, с. 34]. Автор напоминает, что «работникам масс-медиа, чтобы остаться достойными своей профессии, «важно не смешивать патриотизм и агрессивный национализм, любовь к родине и ненависть к чужой стране (или части своей), грамотную журналистику и желание изменить мир в соответствии со своими вкусами, творчество и разрушения (*перевод наш. – Е. К.*)» [5, с. 34].

Негативно оценен проект Ирены Карпы, показанный 3 октября 2014 г. на телеканале «Интер» в программе «Черное зеркало» – первая серия мультфильма «Ватник обращенный»: «Мультфильм слишком обидный для того контингента жителей зоны АТО, который пытается исследовать» [5, с. 35].

Также осудили и иные проявления межнациональной нетерпимости: новость, опубликованная ивано-франковским информационным порталом «Стик» (*styknews.info*) 9 октября 2014 года «Русская водка, что ты натворила? Нынче в России полстраны дебилов – новый хит» о видео с песней, которую исполнял на своем Youtube-канале американский дальнобойщик украинского происхождения Вадим Дубовский; публикация львовского интернет-издания GALNET (*galnet.org*) «33 москалика приехали в гости, вместо урожая собираем в поле их кости, – новый хит в Интернете».

М. Чабаненко пишет, что такие проявления энтузиазма и манипуляций в информационном противоборстве, впрочем, по ее мнению, – такие же, как и с российской стороны, не делают чести украинской журналистике: «к сожалению, не все осознают, что подобными материалами наши медиа подыгрывают путинским, регулярно подкидывая новые поводы для накручивания антиукраинской истерии (*перевод наш – Е. К.*)» [5, с. 36]. Автор предлагает больше высокопрофессиональной журналистики, напоминает, что агрессия, злоба, желание оболгать – это признаки внутренней неуверенности в своей правоте, противопоставить этому можно было бы моральную силу, опирающуюся на твердое решение идти выбранным путем [5, с. 36].

В 2014 году стало очевидно, что украинское информационное поле не представляет интересы Украины как государства, а является территорией информационного воздействия со стороны других государств. Влияние Запада упоминалось в украинских медиаисследованиях преимущественно как положительное, а влияние России – исключительно негативное. Прежняя декларация демократического пути развития Украины и ее информационной политики теперь медиаэкспертам кажется неправильной: «Мы часто смотрели на ЕС как на цивилизационное спасение, даже не представляя, насколько активно мы собственноручно создаем новые и новые

информационные узлы зависимости от русского культурного, ментального и, конечно, информационного поля» [4].

В 2017 году постоянный автор медиакритических исследований Богдан Логвиненко отмечает успехи в украинском медиапространстве в связи с тем, что состоялся успешный «побег» из российского информационного поля: «Наш побег из большого российского информационного поля продолжается, за пять лет украинские СМИ научились переводить из англоязычных источников, научились писать и снимать мировые новости и аналитику, научились фактчекингу, научились даже больше и качественнее искать внутренние информационные поводы, и научился бы всему этому зритель, читатель, слушатель?» [4]. Правда, автор с сожалением отмечает, что реципиент не готов уйти от российского медиапродукта окончательно: «Украинская аудитория продолжает быть необычайно лояльной к российским медиа разного типа и де-факто остаются второй наиболее многочисленной биомассой Советского Союза, которая ищет новости из «центральных московских» источников (*перевод наш. – Е. К.*)» [4].

Медакритики описывали всевозможные проявления негативного влияния России на украинское медийное и культурное пространство, освещая не только политическую сферу, но и другие «опасные» воздействия Российской Федерации на массовую аудиторию Украины. Например, в статье Лены Чичениной, написанной на нарочитом суржики, уделено внимание массовой культуре, объявленной автором «настоящим идеологическим оружием» [7]. Нет известной украинской музыки 70-х и 80-х (в 90-е был хотя бы какой-то выбор, по мнению автора), «все такое было только российское – фильмы, музыка. Хиты только их». «Даже никакие не *ватники*, а *пристойные* вроде бы люди, ощущают ностальгию, когда слушают *какой-то* «Мираж» или Дунаевского» (*перевод и выделение наше. – Е. К.*) [7]. «Украинского же был мизер. Почти вся музыка была завязана на фольклоре, от нее веяло чем-то наивным, старомодным и провинциальным. Даже самый большой хит – «Червона рута». Названия групп: «Смерічка», «Кобза», «Візерунки шляхів», «Дзвони» (*перевод наш. – Е. К.*) [7]. Запреты украинского языка и культуры не распространялись на фольклор, якобы для того, чтобы культура колониальных стран ассоциировалась с чем-то только народным, а серьезное сделают в метрополии [7]. Автор призывает обратить внимание на проблему отсутствия модной украинской массовой культуры, которой бы увлекалась молодежь, поэтому она и «дальше присажена на российскую». «Мы будто и не движемся куда-то, и постоянно тормозим из-за снобизма и желания «воспитывать вкус в народных массах». Поскольку такая стратегия очень провальна, через 20–30 лет ждите ностальгические концерты с Моргенштерном» [7].

С началом СВО украинское медиапространство стало агрессивным к любому проявлению «русскости»: «у нашего врага есть реальное имя – россия, а его идеология – рашизм (*перевод наш. – Е. К.*)» [3, с. 38]. Теперь Россия – страна-агрессор, страна-оккупант, совершившая вторжение. Ненависть ко всему русскому, советскому, постсоветскому, но пророссийскому стала настолько очевидной, что даже украинским экспертам понадобилось ее обоснование: «В условиях мирного времени язык ненависти является неприемлемой формой общения журналистов с обществом, но как известно,

каждое правило имеет свои исключения». «В 2022 году мы тоже имеем новый язык – язык войны, которая призвана показать реальность такой, какой она является на самом деле. Если правда – наше главное оружие в этой войне (перевод наш. – Е. К.)» [3, с. 37].

«Чем порождаются такие странности массового сознания, вследствие которых оно в ряде случаев опускается до откровенного неонацизма?» Этот вопрос вместе с известным ученым В. Ю. Даренским задают многие, кому не безразлична судьба родных, оказавшихся на территории современной Украины. «Реальная идентичность населения Украины *de facto* является локальным вариантом постсоветской идентичности, почти не отличающейся от культурной идентичности россиян. Поэтому сознательная попытка выстроить другую идентичность неизбежно сводится к стремлению разрушить свою *реальную идентичность*», – пишет В. Ю. Даренский в своем исследовании [1, с. 135]. В продвижении русофобских идей в массовое сознание огромную роль сыграли СМИ, ныне самой Украине уже не подконтрольные.

Итак, за три десятка лет своего существования на постсоветском пространстве Украина в медийном аспекте прошла путь от открытости и демократичности к полностью оккупированному информационному пространству. Безусловно, причины этого, технологии, которые за несколько лет довели общество до стадии массового нацизма, – все это требует дальнейшего глубокого исследования.

Список литературы

1. Даренский, В. Ю. Массовый национализм в современной Украине: необходимость осмысления / В. Ю. Даренский // Россия и современный мир. – 2016. – № 3. – С. 129–140.
2. Дроздов, О. Свобода слова: міф, у який важко не повірити / Остап Дроздов. – Текст : электронный // Медіакритика : [сайт]. – URL: <https://www.mediakrytyka.info/za-scho-krytykuyut-media/svoboda-slova-mif-u-yakuu-vazhko-ne-poviryty.html> (дата звернення: 13.11.2023).
3. Клименко, А. Нова мова російсько-української війни / А. Клименко, М. Кучер // Медіакритика. – 2022. – № 29. – С. 37–39.
4. Логвиненко, Б. Друга найчисленніша біомаса: про «Дощ» і не тільки / Б. Логвиненко // Детектор Медіа : [сайт]. – URL: <https://detector.media/infospace/article/122228/2017-01-16-druga-nauchyslennisha-biomasa-pro-dozhd-i-ne-tilky/> (дата звернення: 13.11.2023).
5. Чабаненко, М. Журналістика і пропаганда: у пошуках правильних рішень / Мирослава Чабаненко // Медіакритика. – 2014. – № 21. – С. 34–36.
6. Чиж, І. Україна: шлях до інформаційного суспільства / І. Чиж. – К. : Либідь, 2004. – 253 с.
7. Чиченина, Л. Ностальгія за російським маскультом / Л. Чиченина. – Текст : электронный // Детектор Медіа : [сайт]. – URL: <https://detector.media/blogs/article/183793/2021-01-04-nostalgiya-za-rosiyskym-maskultom/> (дата звернення: 14.11.2023).

Kujantseva E. A.

Stages of Informational Occupation of Ukraine as Part of the Post-soviet Space

The article attempts to explore the stages of the informational occupation of Ukraine as an important part of the post-Soviet space, which is an interest of Russia. The main processes of each of the proposed stages are characterized, the gradual increase of Russophobia in the Ukrainian media sphere is shown. There are given examples from media critical articles, which are one of the components of the informational aggression of the West against Russia.

Key words: *information occupation, information policy, media criticism, media sphere.*

Оначук Анастасия Сергеевна,
преподаватель кафедры журналистики
и издательского дела
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
ms.aclyde@list.ru

Публицистика Станислава Кондрашова: лучшие традиции советской журналистики

Статья представляет собой обзор творчества и профессиональной деятельности выдающегося журналиста-международника Станислава Кондрашова в контексте советского периода журналистики. В статье рассматривается его вклад в международную журналистику, созданное им наследие, включающее публицистические материалы и книги. Особое внимание уделяется позитивным тенденциям советской журналистики, которые нашли отражение в публицистике Кондрашова.

Ключевые слова: советская журналистика, цензура, публицистика, журналист-международник, корреспондент, газета «Известия».

Образ советского периода журналистики в массовом сознании неразрывно связан с тоталитарной идеологией: цензурой, советской пропагандой, невозможностью объективно освещать события, свободно вещать о злободневных вопросах в стране. В научных дискуссиях этому периоду часто противопоставляют 1990-е гг., которые считаются временем свободной прессы. Однобокий и неглубокий анализ названных периодов служит основой для возникновения предвзятости к одному и приверженности к другому. Мы солидарны с мнением В. В. Битюцкой о том, что «романтизация одной эпохи и демонизация другой искажают образы журналистики и журналистов в исторической памяти» [1].

Более объективно будет признать уникальность и противоречивость советской журналистики, как ее отрицательные, так и положительные аспекты. С одной стороны, советские журналисты сталкивались с жесткой цензурой и самоцензурой, ограничением свободы слова и многократными проверками текстов. С другой стороны, в условиях строгого контроля со стороны партии, советская журналистика продемонстрировала способность адаптироваться и передавать информацию в рамках сложных ограничений. Советскими журналистами было оставлено богатое наследие, которое остается важной частью истории журналистики, подчеркивая как вызовы, так и достижения в этой сфере.

Одним из тех, кто внес существенный вклад в развитие советской журналистики, стал Станислав Николаевич Кондрашов, известный многим как талантливый журналист-международник. За долгие годы своей профессиональной и творческой деятельности он создал множество публицистических материалов, опубликованных в газете «Известия», а также двадцать восемь книг, среди которых «Путешествие американиста», «Люди за океаном», «На сломе эпох. 1982–2006. Летопись очевидца» и др.

Цель статьи – изучение публицистики С. Н. Кондрашова и анализ его творчества.

С. Н. Кондрашов начал свою журналистскую карьеру в 1951 г. в газете «Известия». Его первый опубликованный материал в жанре разоблачительной заметки был посвящен государственному перевороту на Кубе, в результате которого к власти пришел Фульхенсио Батиста. За время работы корреспондентом С. Н. Кондрашов часто ездил в загранкомандировки, в первую очередь – в Египет, откуда он освещал войну с Израилем: «Это было мое боевое крещение: международная драма не в сообщениях газет и агентств, а перед собственными глазами... И я вдруг понимаю: моя работа не в том, чтобы утешать несчастного, а в том, чтобы поведать об этом своей стране и миру. Вернувшись в Каир, потрясенный, писал (и плакал!), и репортаж “Один день в Порт-Саиде” появился на первой полосе “Известий”» [5].

Особый интерес вызывает американский период публицистического творчества С. Н. Кондрашова. В период с ноября 1961 г. по июнь 1968 г. и с октября 1971 г. по декабрь 1976 г. он исполнял обязанности собственного корреспондента «Известий» в США. Действуя в соответствии со своими профессиональными обязательствами, он путешествовал по всем штатам, общался со множеством американцев, представляющих различные социальные слои. Сам С. Н. Кондрашов считал годы первой американской командировки, проведенные в Нью-Йорке, «жизнеобразующими» и делился в интервью Кириллу Орлову своими воспоминаниями: «Какими драматическими были 60-е годы! Октябрь 62-го – Карибский кризис, как никогда близко СССР и США подошли к грани ракетно-ядерной войны. Ноябрь 63-го – убийство президента Джона Кеннеди в Далласе... Октябрь 64-го – Хрущев смещен соратниками по Политбюро, превращен из вождя в пенсионера, и я узнаю об этом раньше соотечественников из сообщений иностранных корреспондентов. И Аджубей смещен в тот же день. Редакция в шоке, но по телефону слышу: все нормально, ждем ваш материал. И все 60-е – тема вьетнамской войны» [5].

Одной из отличительных черт советского периода журналистики, нашедших отражение и в публицистике С. Н. Кондрашова, стало стремление к интеллектуализации журналистских материалов. Возникает потребность подниматься выше простого освещения событий и фактов, углубляясь в анализ и интерпретацию. Это выражалось в более глубоком рассмотрении политических, экономических и социальных вопросов. В это время журналисты стремились предоставить читателям не только фактическую информацию о событиях, но и их анализ. Некоторые материалы обогащались философскими размышлениями о тех или иных событиях, что придавало им дополнительную глубину и контекст. Интеллектуализация советской журналистики также проявлялась в овладении высоким уровнем профессионализма. Журналисты стремились к глубокому пониманию тем, которыми занимались, критически подходили к анализу информации.

Подход С. Н. Кондрашова характеризуется, прежде всего, исключительной точностью и детализацией – журналист умело выявлял и описывал те мельчайшие детали, которые, несмотря на первоначальное восприятие их как незначительных, наделяли его тексты максимальной полнотой

событий. Например, опубликованные С. Н. Кондрашовым воспоминания о гибели Дж. Кеннеди: «Около полудня 22 ноября президентский самолет приземлился на аэродроме Далласа, в десяти милях от центра города. В специальной президентской машине марки "Линкольн" с открытым верхом – о неосторожность, стоившая ему жизни, – Кеннеди, его жена, а также губернатор Техаса Коннэлли с женой (плюс три агента секретной службы) в сопровождении других машин с охраной и встречавшими ехали в город к зданию Торгового центра, где президент должен был произнести речь» [6].

Яркие особенности публицистических материалов С. Н. Кондрашова – эмоциональное повествование и меткие, остроумные замечания. Талантливо передавать не только фактическую сторону событий, но и их эмоциональную суть стало отличительной чертой творчества С. Н. Кондрашова. Например, фрагмент небольшой заметки журналиста о феномене битломании: «Полоумные девицы визжат, помешавшись на Битлах, деловые люди Битлами торгуют. В который раз организована общенациональная проверка способности американца откликнуться на рекламу, какой бы глупой она ни была» [2].

Также С. Н. Кондрашов часто помещал в свои тексты цитаты, короткие диалоги, что помогало создавать эффект присутствия и наделяло материал большей достоверностью. Например: «Не пойму, что с турками. У них очень плохи дела. Не люблю Англию. Франция мне не нравится. В Париже так дорога жизнь, вас обворовывают на каждом шагу. С американцами можно делать деньги, но Нью-Йорк невозможен – в сентябре там жарко, как в аду, – небрежно, скороговоркой сыпал иранец, видимо, изрядно поколесивший по свету» [3, с. 7].

Материалы советского журналиста касались не только политики, но и экономики, повседневной общественной жизни американцев и ее происшествий. В своих очерковых книгах того периода (например, «Американцы в Америке», «Перекрестки Америки. Заметки журналиста», «Жизнь и смерть Мартина Лютера Кинга») С. Н. Кондрашов освещал противоречивую жизнь в США и описывал события, происходившие в стране в то время. В его публицистике нашли отражение следующие злободневные темы того периода: вьетнамская война и отношение к ней в различных слоях общества, бурный рост негритянского движения, экономический кризис, трагедия молодежи. В своих книгах журналист анализировал эти и другие актуальные проблемы американской действительности 1960–1970-х гг. и давал им собственную оценку. В публицистике журналиста можно четко увидеть его преданность достоверности и объективности в описании происходящих событий. Его подход к взаимодействию с читателями отличался абсолютной честностью и открытостью.

Несомненно, ограничение цензуры, наложенное на советскую журналистику, нередко было чрезмерно строгим, приводя к проблемам и замедляя развитие в этой сфере. Д. Л. Стровский отмечает, что, несмотря на такие условия, советской журналистике присущи человеколюбие и вера в справедливость [8, с. 289]. Советская пресса часто выявляла недостатки окружающего мира, основываясь на морали и нравственных принципах. Уникальность этого подхода заключалась в том, что он не был сформированным единственно партийными указаниями, а складывался в соответствии с общественной моралью и профессиональными стандартами журналистики. Сочетание пропагандистских и нравственных функций в

советской журналистике придавало ей всеобъемлющий характер. Этот аспект определял особое содержание журналистики, ее значимость в воспитании у людей определенных моральных и духовных качеств.

В своем творчестве С. Н. Кондрашов, что бы ни стало предметом его публицистики, всегда находил взаимосвязь этих событий с жизнью простых людей, рядовых граждан. Журналист всегда стремился проявлять человечность и видеть в человеке не просто объект политической жизни, а, прежде всего, уникальную личность.

Особое место в его творчестве занимает его книга «На сломе эпох. 1982–2006. Летопись очевидца». Это последняя книга автора, в которой он сообщает уникальные сведения о событиях, происходивших в России и в мире на протяжении этих лет. Последние страницы издания повествуют о том, как С. Кондрашов увидел в метро беременную женщину, просящую милостыню. Прохожие, не обращая никакого внимания, пробежали мимо. Первая мысль: не выставили ли ее люди, делающие на этом бизнес. Собственное сомнение его неприятно удивило, он все же протянул женщине купюру и подумал: «Наверняка были и другие сочувствующие, пожалевшие. Но, боже мой, в каком же маргинальном обществе мы живем, к каким чудовищным сценариям подготовлены жизнью...» [4, с. 601]. Описанную ситуацию публицист связывает с бездумным разрушением советской модели государства и полным расчеловечиванием общества.

На вопрос, часто ли приходилось кривить душой за все годы работы в газете, С. Н. Кондрашов ответил так: «В первые годы, по незнанию и действуя в жестких рамках советской пропаганды, бывало, нес дежурную, шаблонную чушь. Но потом на корреспондентской и обозревательской работе душой не кривил. Еще и потому, что был человеком, верящим в идеалы» [5]. Можно заметить, что советская модель государственного устройства не помешала журналисту реформировать подходы к работе, поднимать острые темы, открыто и честно говорить с читателем через свои тексты. По мнению С. Н. Кондрашова, хорошего журналиста отличает не только умение качественно излагать информацию, но и способность проникать в суть вещей и событий, смотреть на мир беспристрастно. Именно эти принципы положены в основу его профессиональной деятельности.

Таким образом, в своей публицистике С. Н. Кондрашов рассматривает широкий спектр актуальных международных проблем и событий. Он обращается к таким важным темам, как международные отношения, политические конфликты, глобальные вызовы и проблемы прав человека. Опыт профессиональной и творческой деятельности С. Н. Кондрашова показывает, что четкие идеологические установки и отсутствие рыночной конкуренции среди изданий не помешали ему создавать качественные, высокоинтеллектуальные публицистические материалы. Сложившееся впечатление о том, что вне рыночных условий и при государственном регулировании журналистика не может быть объективной и качественной, а сами журналисты не заинтересованы во внимании читателя, оказалось искаженным.

Список литературы

1. **Битюцкая, В. В.** Советская журналистика 1960–1980-х гг. и российская журналистика 1990-х гг.: исторические мифы и реальная практика

- корреспондентов / В. В. Битюцкая. – Текст : электронный // Вопросы теории и практики журналистики. – 2023. – Т. 12, № 2. – С. 248–262. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-zhurnalistsika-1960-1980-h-gg-i-rossiyskaya-zhurnalistsika-1990-h-gg-istoricheskie-mify-i-realnaya-praktika> (дата обращения: 10.11.2023).
2. **Кондрашов, С. Н.** Американские сенсации / С. Н. Кондрашов. – Текст : электронный // Известия. – 1964. – 3 марта (№ 54 (14524)). – С. 2. – URL: https://beatlespress.com.ua/1964/1964-03-03_izvestia.html (дата обращения: 03.09.2023).
 3. **Кондрашов, С. Н.** На берегах Нила / С. Н. Кондрашов. – М. : Известия, 1958. – 128 с.
 4. **Кондрашов, С. Н.** На сломе эпох. 1982–2006 : летопись очевидца : в 2 т. Т. 2. 1992–2006 / С. Н. Кондрашов. – М. : Междунар. отношения, 2007. – 616 с.
 5. **Кондрашов, С. Н.** Человек, пропитанный историей : [интервью с журналистом-междунар.] / [беседовал] Кирилл Орлов. – Текст : электронный // Знаменитости – биографии, интервью, истории : [сайт]. – URL: <https://www.peoples.ru/state/citizen/kondrashov/> (дата обращения: 03.09.2023).
 6. **Кондрашов, С. Н.** Я окунулся в сумасшедший поток теленовостей / С. Н. Кондрашов. – Текст : электронный // Известия – информ. портал газеты : [сайт]. – 2003. – 21 нояб. – URL: <https://iz.ru/news/284093> (дата обращения: 04.09.2023).
 7. **Легкодух, Э. А.** Легенда отечественной международной журналистики Станислав Кондрашов: творческие методы работы в газете «Известия» и телепрограмме «Международная панорама» / Э. А. Легкодух // Журналистика, массовые коммуникации и медиа: взгляд молодых исследователей : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. молодых исследователей, аспирантов и студентов (Белгород, 25–29 апр. 2022 г.) / науч. ред.: Е. А. Кожемякин, А. В. Полонский, А. В. Белоедова. – Белгород, 2022. – С. 23–29.
 8. **Стровский, Д. Л.** Отечественные политические традиции в журналистике советского периода, 1917–1985 гг. : спец. 10.01.10 «Журналистика» : дис. на соиск. учен. степ. д-ра полит. наук / Стровский Дмитрий Леонидович ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2001. – 331 с.

Onachuk A. S.

Stanislav Kondrashov's Journalism: The Best Traditions of Soviet Journalism

The article is an overview of the work and professional activities of the outstanding international journalist Stanislav Kondrashov in the context of the Soviet period of journalism. The article discusses his contribution to international journalism, his legacy, including his journalistic materials and books. Special attention is paid to the positive trends of Soviet journalism, which were reflected in Kondrashov's journalism.

Key words: Soviet journalism, censorship, journalism, journalist-international correspondent, Izvestia newspaper.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Банкова Людмила Львовна, доцент кафедры китайского языка ГАОУ ВО «МГПУ», кандидат филологических наук, доцент, г. Москва

Батальщикова Элина Юрьевна, доцент кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат педагогических наук, г. Луганск, ЛНР

Беклемешева Наталья Николаевна, доцент кафедры языкознания и переводоведения ГАОУ ВО «МГПУ», кандидат филологических наук, г. Москва

Бондаренко Кристина Александровна, старший преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Бочацкая Анна Александровна, старший преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Васильева Ольга Александровна, доцент кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат филологических наук, г. Луганск, ЛНР

Долженко Дарья Александровна, старший преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Зайцева Анна Юрьевна, преподаватель кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Карпова Анастасия Александровна, студент 4 курса, направление подготовки «Филология. Зарубежная филология. Английский и второй иностранный язык (китайский, арабский, турецкий)» ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Куянцева Елена Александровна, заведующий кафедрой журналистики и издательского дела ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат филологических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Латышева Виктория Сергеевна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Никулина Анастасия Андреевна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Некрутенко Елена Борисовна, доцент кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат педагогических наук, г. Луганск, ЛНР

Новикова Анна Анатольевна, заведующий кафедрой английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат филологических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Оначук Анастасия Сергеевна, преподаватель кафедры журналистики и издательского дела ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Панова Анастасия Алексеевна, студент 2 курса магистратуры, направление подготовки «Лингвистика. Лингводидактика и межкультурное образование (английский язык)» ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Посохова Светлана Андреевна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Скляр Наталья Владимировна, заведующий кафедрой романо-германской филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат филологических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Стомина Анастасия Александровна, ассистент кафедры русской и мировой литературы ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Харченко Лариса Ивановна, заведующий кафедрой теории и практики перевода ФГБОУ ВО «ЛГПУ», кандидат педагогических наук, доцент, г. Луганск, ЛНР

Чаплыгина Ангелина Сергеевна, студент 2 курса магистратуры Института филологии и социальных коммуникаций, направление подготовки «Филология. Немецкий и второй иностранный язык (английский)» ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Чередниченко Виталия Михайловна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Чумак-Жунь Татьяна Владимировна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Шумская Анастасия Владимировна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ФГБОУ ВО «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Вестник Луганского государственного педагогического университета» (Свидетельство № ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.) основан в 2015 г.

Учредитель и издатель сборника – ФГБОУ ВО «ЛГПУ».

Научный сборник является периодическим печатным научным рецензируемым изданием, имеющим сериальную структуру. На страницах сборника публикуются научные работы, освещающие актуальные проблемы отраслей знания и относящиеся к отдельным группам научных специальностей. С 2016 г. издаются серии: «Педагогические науки. Образование», «Физическое воспитание и спорт», «Филологические науки. Медиакommunikации», «Биология. Медицина. Химия», «Гуманитарные науки. Технические науки».

Редакция сборника публикует научные работы, отвечающие правилам оформления статей и других авторских материалов, принятых в издании.

Авторские рукописи, подаваемые для публикации в выпусках серий, должны соответствовать их научному направлению и отличаться высокой степенью научной новизны.

Материалы могут подаваться на русском языке. Допускается публикация на английском языке. В таком случае авторы должны предоставлять развернутую русскоязычную аннотацию (до 2 тыс. знаков). Статьи публикуются на языке оригинала.

Публикация научных материалов осуществляется при условии предоставления авторами следующих документов:

1. Авторская заявка/согласие на публикацию авторских материалов.
2. Текст научной статьи (научного обзора, научного сообщения, открытой научной рецензии, публикация по материалам научных событий, информация об отечественных и зарубежных научных школах, персоналиях), соответствующий тематике серии сборника.
3. Рецензия на статью, подготовленную аспирантом или соискателем ученой степени кандидата наук, подписанная научным руководителем или заведующим кафедрой, на которой выполняется диссертационное исследование. Рецензия должна объективно оценивать научную статью и содержать всесторонний анализ ее научных достоинств и недостатков.

Заявка и научная статья или другие авторские материалы направляются в редакцию серии в электронном виде. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо. Авторская заявка с подписью автора(-ов), рецензия на статью подаются в отсканированном виде. Названия предоставляемых файлов должны соответствовать фамилии автора(-ов) и названию документов.

Рукописи статей проходят процедуру макетирования. Все элементы статьи должны быть доступны для технического редактирования и отвечать техническими требованиями, принятым в издании.

Материал для опубликования предоставляется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется в текстовом формате, полностью совместимом с Word 97-2003. Рукопись должна иметь ограниченный объем 7–12 страниц машинописного текста (0,3–0,5 авторского листа; 12–20 тыс. печатных знаков с пробелами) включая аннотацию, иллюстративный и графический материал, список литературы.

Формат страницы А4; книжная ориентация; поля: левое 3 см, верхнее 2 см, правое 1,5 см, нижнее 2 см; гарнитура Times New Roman; цвет текста – черный; размер шрифта 14 кегль; интервал 1,5; выравнивание по ширине текста. Абзац выделяется красной строкой, отступ 1,25. Текст печатается без переносов, соблюдается постановка знаков дефиса (-) и тире (–), а также типографских кавычек (« »), в случае использования двойных кавычек внешними являются кавычки (« ») «елочки», внутренними – (, “) «лапки»).

Выравнивание отступа с помощью табуляции и пропусков не допускается. Уплотнение интервалов, набор заголовка в режиме Caps Lock, использование макросов и стилевых оформлений Microsoft Word запрещено.

В тексте статьи ссылки нумеруются в квадратных скобках, где первый номер указывает на источник в списке литературы, последующие – на страницы источника или другие источники, в таком случае номера источников отбиваются знаком (;). Например, [3, с. 65]; [4; 7; 9]; [2, т. 3, с. 41–44]; [1, с. 65; 3, с. 341–351]. Размещение в тексте прямых цитат без сносок не допускается. Сноски вниз страницы не выносятся.

При написании фамилий и инициалов используется следующее правило: инициалы печатаются через точку без пробела, инициалы от фамилии отбиваются неразрывным пробелом (Ctrl + Shift + «пробел»). Например, М. А. Крутовой. Согласно стилю оформления научной публикации предпочтительнее сначала указывать инициалы ученого, а затем его фамилию.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте должна иметься ссылка на конкретный рисунок, например, (Рис. 2). Каждый рисунок следует создавать в отдельном файле, а затем вставлять в статью с помощью функции «вставка» с обтеканием текстом. Не допускается выход рисунков за границы текста на поля. Все рисунки должны обеспечивать простое масштабирование с сохранением взаимного расположения всех элементов и внутренних

надписей. Не допускается составление рисунка из разрозненных элементов. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области.

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунков следует сохранять в форматах jpg, tif.

Каждую таблицу необходимо снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы следует предоставлять в текстовом редакторе Microsoft Word, располагать в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи необходимо давать ссылку на конкретную таблицу, например, (Табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. В таблицах допускается использование меньшего кегля, но не менее 10.

Текст научной статьи должен иметь следующую структуру:

1. Индекс УДК (универсальной десятичной классификации публикуемых материалов) выставляется без абзаца.

2. Фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, звание, должность автора(-ов), название учебного заведения или научной организации, в которой выполняется диссертационное исследование, электронный адрес автора(-ов).

3. Заголовок статьи. Заголовок должен быть информативным и содержать только общепринятые сокращения; набираться строчными буквами жирным шрифтом, без разбиения слов переносами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце.

4. Аннотация. Описывает цели и задачи проводимого исследования, а также возможности его практического применения. Аннотация на русском языке помещается в начале статьи, на английском – в конце. Аннотация должна быть написана от третьего лица и содержать фамилию и инициалы автора(-ов), заголовок статьи, ее краткую характеристику. Рекомендуемый объем аннотации 3–4 предложения; 40–60 слов; 500 знаков. Англоязычная аннотация должна выполняться на профессиональном английском языке.

5. Ключевые слова (5–7 слов / словосочетаний, определяющих предметную область научной статьи) на русском языке (располагаются после аннотации на русском языке) и английском (размещаются после аннотации на английском языке). В перечне ключевых слов должны быть представлены общенаучные или профильные термины, упорядоченные от наиболее общих к более конкретным.

6. Вводная часть статьи, постановка проблемы, цель статьи, представление новизны излагаемых в статье материалов.

7. Данные о методике проводимого исследования.

8. Экспериментальная часть, анализ, обобщение, описание и объяснение полученных данных. По объему – занимает центральное место в статье.

9. Выводы и рекомендации, перспективы развития поставленной проблемы.

10. Список литературы, представленный в алфавитном порядке в виде нумерованного списка. В статье рекомендуется использовать не более 10 литературных источников. Заголовок «Список литературы» набирается строчными буквами, с выравнением по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце и ниже с выравнением по ширине приводится пристатейный нумерованный список литературы. Фамилии и инициалы авторов набираются полужирным шрифтом, библиографическое описание источника обычным.

Каждый новый структурный элемент статьи не нужно нумеровать, выделять, называть. Изложение материала статьи должно быть последовательным, логически завершенным, с четкими формулировками, исключающими двойное толкование или неправильное понимание информации. Оформление текста должно соответствовать литературным нормам, быть лаконичным, тщательно выверенным.

К публикации принимаются научные статьи, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями к оформлению статей и других авторских материалов. Текстовые принципы построения научной статьи могут варьироваться в зависимости от тематики и особенностей проводимого исследования. Материалы, не отвечающие основным предъявляемым требованиям, к рассмотрению не принимаются. Рукописи статей, сопроводительные документы как опубликованных, так и отклоненных авторских материалов авторам не возвращаются.

Авторы научных статей несут всю полноту ответственности за достоверность сведений, авторскую принадлежность представленного материала, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники, приведенные инициальные сокращения.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора присланных материалов, их рецензирования и редактирования без изменения научного содержания авторского варианта. Принятые к публикации научные статьи включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

Редакция не принимает к публикации статьи, опубликованные ранее в других изданиях. Публикация статьи в сборнике не исключает

ее последующего переиздания, однако, в таком случае необходимо приводить ссылку на «Вестник Луганского государственного педагогического университета» как на первоисточник.

После выхода в свет печатной версии научного сборника, его полнотекстовые электронные копии размещаются в базе данных Научной библиотеки, а также на официальном сайте Луганского государственного педагогического университета в формате pdf. Электронные материалы могут копироваться по электронным сетям и распечатываться авторами для индивидуального пользования с указанием выходных данных сборника.

Согласие автора на публикацию статьи, данное в заявке, рассматривается и принимается редакцией сборника как его согласие на размещение предоставленных авторских материалов в свободном электронном доступе.

В заявке авторы должны подать следующую информацию:

1	Полное название статьи	
	<i>Заполняется каждым автором</i>	
	ФИО (полностью)	
2	Учёная степень, звание	
3	Название организации (вуз, кафедра, лаборатория, отдел), которую представляет автор (в именительном падеже), должность	
4	Страна, город	
5	Контактный номер телефона	
6	Почтовый адрес, индекс	
7	Адрес электронной почты	
8	Авторское согласие на печать и размещение рукописи в электронных базах свободного доступа	Подпись автора

*Редакция Вестника
Луганского государственного
педагогического университета*

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Коллектив авторов

ВЕСТНИК

**ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Серия 3

Филологические науки. Медиакommunikации

Сборник научных трудов

Главный редактор – **Л. Н. Синельникова**

Редактор серии – **А. А. Новикова**

Выпускающий редактор – **Г. Г. Калинина**

Корректор – **О. И. Письменская**

Компьютерная верстка – **Т. А. Ковалева**

Подписано в печать 01.12.2023. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Печать ризографическая. Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 10,40.

Тираж 25 экз. Заказ № 108.

Издатель
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
«Книга»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 291011. Тел. : +7 857-258-03-20

e-mail: knitaizd@mail.ru